ФРАНЦУЗЫ и РУССКІЕ

ВЪ КРЫМУ.

Письма французскаго офицера къ своей семьѣ во время восточной войны 1853—1855 гг.

Генерала Эрбе бывшаго полковаго адъютанта 95-го пѣхотнаго полка.

FRANÇAIS ET RUSSES EN CRIMÉE.

Lettres d'un officier français a sa famille.

—)0(—

PARIS

1892.

—*—

Перевелъ съ французскаго

С. Л. Халютинъ.

МИНСКЪ.
Типо-литографіи Х. Я. Дворжеца и Б. П. Соломонова.
1894.

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Воспоминания Жана Эрбе, участвовавшего в Крымской войне 1853–1856 гг. в качестве полкового адъютанта. Это восемьдесят два письма, которые Ж. Эрбе посылал своим родителям с самого начала военной кампании, и вплоть до битвы на Черной речке, где он был ранен, и последующего заключения мира.

В книге отражены взгляды автора на войну, его вера в то, что после этой войны французы и русские больше никогда не будут врагами и «встретятся на полях войны лишь в качестве союзников».

Издание 1894 года, текст приведен к современной орфографии.

- Жан Франсуа Жюль Эрбе
  - От переводчика
  - Вместо предисловия
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26

- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70

- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82

- notes
  - 1
  - 2
  - 3

Жан Франсуа Жюль Эрбе
Французы и русские в Крыму
Письма французского офицера к своей семье во время Восточной войны 1853–1855 гг.

От переводчика

Сам я, как участник в достопамятной для всякого русского Восточной войне, позволяю себе надеяться, что настоящий перевод писем генерала Эрбе, писанных им с места военных действий в Крыму в 1854–1856 годах к своим родителям, в качестве субалтерн-офицера, принадлежавшего к штабу, а следовательно и имевшего возможность во многих случаях изучить все перипетии борьбы на полуострове, а также осведомиться о планах и предположениях своего высшего начальства, игравшего главную руководящую роль в союзных войсках, — может иметь интерес для читателей русской публики и особенно для военного класса, не в качестве летописного или систематического описания событий, о чём написаны многие тома на разных языках, а как памятник чувств, существовавших в ту эпоху между двумя нациями, несмотря на соперничество и враждебные действия одна против другой. Эта сторона, кажется в первый еще раз, вырисовывается в подобной живой форме, подтверждая генезис той симпатии, которая в недавнее время высказалась и продолжает высказываться и в настоящую минуту при всяком удобном случае во взаимных сношениях России и Франции, составляя залог их совместных действий на дело умиротворения политического мира, в целях обеспечения спокойного преуспеяния развития образования, торговли, промышленности и вообще прогресса всего того, что служит к улучшению положения человеческой расы.

В настоящую минуту, когда Россия и Франция подают одна другой руки и с энтузиазмом, пред которым должны смолкнуть всякие личные интересы прочих наций, продолжают чествовать друг друга, любопытно вернуться к тому времени, когда в силу лишь одних только политических комбинаций и вопреки природному взаимному влечению этих главенствующих в Европе держав, они должны были бороться и сделаться временными врагами, но без всякой ненависти и недоброжелательства. Интересно пробежать те строки, которые, не назначали, в печать, писаны патриотом к своим родителям со специальною целью утешения их в тяжелой разлуке со своим любимым сыном, может быть единственной их надеждою и гордостью, и приятно удостовериться, что письма эти, отличающиеся простотою и юношескою откровенностью, не заключая в себе никаких предвзятых целей, ни политических ни личных, ни выдумок и преувеличений, которые составляют большой недостаток всех писем того времени, отправленных с поля битв к частным лицам

и для газет, являются откликом юной, еще неиспорченной жизнью натуры, которая, рыцарски оценивая действия своего соперника, не стесняется отдавать должную дань справедливости всем хорошим сторонам своего противника. Конечно, и в этих письмах чувствуется присутствие известной дозы увлечения успехом действий союзной армии, но в своих рассказах автор нигде не доходит до отсутствия беспристрастия, а напротив, в некоторых местах представляет справедливо-восторженный отзыв о геройских действиях русской армии и самоотвержении отдельных её лиц. Помимо этого, весьма поучительны суждения автора о характере действий своих союзников, которые доводили французов до ненависти к англичанам и до презрения турок.

Несмотря на обещания не критиковать действий администрации и интендантства своей армии, автор невольно является ухом среды, в которой жил и действовал. Описывая все затруднения, недостатки и лишения, испытанные корпусом войск, осаждавшим Севастополь, он во многих случаях и совершенно правильно, относит все эти бедствия к несовершенству административной организации, нераспорядительности и неумелости своего интендантства, что было так близко и русскому лучшему обществу, сердцем болевшему за своих воинов-страдальцев, испытавших в ту же кампанию все злоключения административного неустройства внутренних порядков в нашей армии и результаты полнейшего отсутствия патриотического чувства в представителях нашего интендантства, которое могло облегчить трудные задачи удовлетворения нужд войска бескорыстием и своевременностью исполнения операций, устранение чего послужило, может быть, косвенною причиною большинства неудач наших стратегических действий в Крымскую войну. В этих письмах есть также критика и наших военных распоряжений и исполнительных действий, но она всегда сдержана, и не имея злобного оттенка суждений соперника, во многом представляет совершенно хладнокровное и серьезное мнение, на которое иногда не имеется данных для возражений, при чём автор не забывает указывать на преимущество русских, относительно устройства и обеспечения боевым снаряжением их армии.

Ужасная убыль в союзных войсках от частых и энергических вылазок отважного Севастопольского гарнизона, и действия нашей могучей артиллерии, полнейший недостаток во французских госпиталях, лазаретах и на перевязочных пунктах врачей и медицинской помощи, губительно влиявшего на увеличение смертности в армии, беспечность аванпостной службы, усугублявшая потери, — рисуют организацию служебной

и продовольственной частей союзной армии, не в том ореоле совершенства, который известен был современникам из официальных донесений главнокомандующих союзными войсками, позднейших сочинений о Крымской кампании, и сложившихся об этом преданий.

Сравнение нашего военного положения того времени, обрисовываемого письмами с настоящим, весьма назидательно и конечно приводить к гордому сознанию, что повторения административных и стратегических ошибок, являвшихся нередко последствием беспечной неподготовленности к войне и самомнения о своей непреоборимой силе, — теперь быть не может, так как военная организация России, стоя в настоящее время на высоте своего призвания и современных требований, может смело служить, возможным в существующих условиях, образцом совершенства такой организации, а существовавшая издавна и усилившаяся особенно в последнее время взаимная симпатия России и Франции, заставляет еще более ценить такие отношения, так как они могут быть причиною знаменательных событий в будущем, во славу и процветание, дружественно сплотившихся для общего дела двух наций, — сдерживающих в границах благоразумия воинственные порывы завистников и недоброжелателей такого сердечного согласия.

Сходясь с мнением автора писем, считающего Крымскую кампанию «может быть самой ужасной из всех предпринятых до сего времени», у меня является желание посильным переводом этих писем на русский язык, лишний раз и с благодарностью освежить заслуги военных распорядителей, деятелей и исполнителей того времени, в памяти читателей современной России, которая во многом за настоящий свой прогресс, обязана беззаветному исполнению долга, героическому самоотвержению и искуплению жизнью и кровью интересов своего любимого Верховного Вождя и Отечества, — её сынами, посвятившими себя святому делу защиты с оружием в руках, чести и достояния своей страны, в сознании, что пример такого геройского отношения к своей высокой задаче, глубоко сокрыт пока в сердцах воинов-деятелей настоящего времени и не замедлит вспыхнуть и расцвесть во всей своей могущественной красоте, при первой к тому потребности, на вящую славу своего Державного Руководителя и родины.

С.Х.

Вместо предисловия

Мой возлюбленный сын!

В детстве часто ты просил меня рассказать о некоторых эпизодах войны, но тогда я редко уступал твоим желаниям, находя тебя слишком юным для того чтоб в памяти твоей, могли остаться кроме забавной стороны и серьезная часть рассказа.

Теперь же, когда ты сделался взрослым и поступаешь в Политехническую школу, я сдаюсь на твои требования, вручая тебе письма, которые писал к своим родителям во время памятной Крымской кампании.

Если в них и нет многих технических объяснений событий, то всё-таки они тебе дадут понятие о возможности смягчать суровые нужды войны в пользу человеческих прав, когда две армии, вчера хотя и соперничавшие, но вероятно завтра уже союзные, могут бороться, не переставая взаимно уважать друг друга, и надеюсь, что ты почерпнешь из этих писем пример для неотступного исполнения твоих обязанностей, с беспристрастием и самопожертвованием.

Генерал Эрбе
Монт д'Арра, близ Треву (Эн)
24 марта 1891 г.

1

Лагерь под Булаиром. 28/16 мая 1854 г.

Любезные родители!

Вместе с 2-м батальоном 20-го легкого полка я был посажен в Марселе 16 мая на транспорт «Ганг», и прибыл на Галлиполийский рейд 23 мая в 3 часа пополудни, после счастливейшего из переходов.

«Ганг» заходил в Мессину и Пирей, и мне удалось получить разрешение сойти на берег на каждой из этих станций.

Не останавливаясь на рассказе о Мессинских громадных дворцах, беломраморных улицах, остатках её прежней пышности, ни об Афинах с его Акрополисом, столь богатых воспоминаниями, ни о всех классических островах, в виду которых мы проходили, я жажду начать рассказ о моей боевой карьере и сообщить вам подробности первых дней совершенно новой для меня жизни.

Было 4 часа, когда батальон сошел с транспорта.

Поставив ружья в козлы, люди отпущенные до $7^1/_2$ часов, разбрелись по городу, в который отправился и я.

Галлиполи произвел на меня впечатление большего базара. Здесь дома построены плохо, улицы узки и дурно мощены и в них с трудом проникают лучи солнца, чему мешают этажи, выступающие вперед один над другим.

В 6 часов офицеры возвратились на судно для последнего ужина и затем окончательно покинули «Ганг». Я нашел свою роту в ружье, согласно отданного приказания.

Офицер генерального штаба повел нас на место нашего бивуака, где были уже поставлены палатки, а наряженные люди отправлены на поиски за дровами, для поддержки огня костров на всю ночь.

В первый раз мне пришлось спать в палатке, которую я имел в своем распоряжении вместе с походным плащом: вся же остальная офицерская принадлежность, прибывшая с нами из Франции, находилась в сундуках, которые не могли быть разгружены с судна одновременно с нашей высадкой.

Несмотря на дневной зной, ночь была очень свежа, и около 2-х часов утра я проснулся совершенно окоченелый от холода. Поспешив к костру, я нашел здесь большую часть людей роты, которых также выгнал холод из палаток, и стал ожидать утра, попросту болтая с ними, причём заметил, что со времени отплытия из Франции, они ничего не потеряли ни в хорошем расположении духа, ни в веселии.

В 7 часов утра весь 2-й батальон по приказанию майора Тиге оставил бивуак, чтоб догнать 1-ый батальон, высаженный за несколько дней до нас, и поставленный лагерем в 15 километрах к востоку от Галлиполи, близ деревни Булаир; мы пришли туда в 11 часов, и встретили нашего полкового командира и всех товарищей, оказавших нам наилучший прием.

Зной был очень велик, и наши люди, проведя бессонную ночь, действительно устали.

По прибытии в лагерь, оказалось, что ничего не было приготовлено, и надо было отправить людей за дровами, водой, хлебом, мясом, солью и проч. затем приготовить суп, что не было обычным делом для рекрутов. Наконец, в три часа люди в первый раз поели и не могу сказать, чтобы мясо было хорошо сварено… но надобно привыкать ко всему.

Что касается офицеров, то им было сравнительно лучше; товарищи 1-го батальона пригласили нас к завтраку, и скажу, что я ел превосходный бифштекс и что мой аппетит не был единственной к нему приправой.

Вся 3-я дивизия, под начальством принца Наполеона была сосредоточена в этом Булаирском лагере, и я с удовольствием ходил по всем направлениям, наблюдая за подготовлениями; наши солдаты имели вид довольства и счастья, отправляясь на фуражировку с песнями.

После ужина, все почувствовали необходимость отдыха и разошлись по палаткам, а в 9 часов уже повсюду царствовала тишина.

На следующий день нас разбудила музыка всех полков; выпили утренний кофе, а около 9 часов весело позавтракали.

Я посетил окрестности лагеря вместе с некоторыми приятелями и набрал в песке на берегу ручья черепашьих яиц, а на возвратном пути нашел сундуки в своей палатке, и с этого времени мог спать уже в своем бараньем меховом мешке, вполне гарантированный от ночного холода.

Если б не мысль, что я так далеко нахожусь от вас, то охотно признался, что никогда не был так счастлив как теперь. При пробуждении я был поражен неприятною неожиданностью, почувствовав в моем мешке чьи то движения, заставившие меня вспрыгнуть… Боже мой, что это такое?.. Угадайте…

Уж 90 сантиметров длины! Бедняга заплатил жизнью за причиненный мне страх.

Туземцы в большом количестве ходили совершению свободно по нашему лагерю, продавая табак, яйца, кур, лошадей и проч. по умеренным ценам.

Наши ротные мулы не могли быть погружены в Марселе на

судно вместе с нами и мы были должны раздобыть себе лошадей на месте, чтоб перевезти вещи, палатки и жизненные припасы, и эти лошади оказались недорогими, — от 150 до 200 франков с вьюком и недоуздком.

Третьего дня вся дивизия была на смотру маршала Сент-Арно, после чего ей предстояло сесть на суда для отплытия в Константинополь, где по рассказам, присутствие её крайне необходимо.

Маршал произвел хорошее впечатление на всех нас своим орлиным взглядом, крупной фигурой и представительностью, внушавшими доверие.

По его распоряжению, вся дивизия должна сняться из лагеря послезавтра 30 мая и отправиться в поход в Константинополь под начальством принца Наполеона.

Я видел его только один раз в продолжении 4-х дней, проведенных в лагере, что недостаточно для суждения о моем начальнике, а потому я этого не позволю себе сделать. Он высок ростом, поразительно похож с портретами Наполеона I-го, но у него усталый вид и грустный взгляд, и если верить разговорам, он совершенно не знаком с военным искусством. Его считают весьма развитым и мы надеемся, что при помощи своих двух бригадных генералов и способных лиц, составляющих его главный штаб, всё пойдет хорошо.

Расстояние от Галлиполи до Константинополя 200–250 километров мы должны пройти в 13 этапов, хорошими переходами.

Я предполагаю писать вам так часто, как будет возможно, и постараюсь точно описывать свои деяния и всё то, что увижу и услышу, не позволяя себе никакой оценки и критики, в сознании своей военной неопытности. Буду заносить только лишь факты, касающиеся большею частью лично меня, как интересные для вас.

Очень прошу дорогого батюшку сохранить все эти письма и надеюсь, что он будет добр возвратить их мне после кампании, так как они помогут мне позднее восстановить всё прошедшее в своих воспоминаниях.

2

Лагерь под Дауд-Паша, 14/2 июня 1854 г.

Письмо мое от 28 мая уведомляло вас о выходе нашем из лагеря под Булаиром; 2-я бригада, к которой я принадлежу, выступила в поход 30/18 мая, 1-я же под командою генерала де Моне оставила лагерь только 31/19 следуя за нами позже на один дневной переход.

11/29 июня мы заняли лагерь под Дауд-Паша, расположенном на плоскости, господствующей над Золотым Рогом в получасе ходьбы от ворот Константинополя. Нам не понадобилось разбивать малые походные палатки, так как мы нашли здесь большие, поставленные для нашей дивизии, благодаря заботливости маршала Сент-Арно. В этих конических турецких палатках из толстого полотна, довольно удобно помещаются 14 человек. Нам было здесь очень хорошо, сравнительно с двумя батальонами дивизии, которым пришлось поместиться в казармах Дауд-Паша, несмотря на то, что они были заняты уже бесчисленным множеством прыгающих насекомых.

Наш поход в Константинополь совершился при хороших условиях. Мы встали в 3 часа утра, а колонна тронулась в 4 ч., и так как расстояние не превышало 20 километров, то успели прийти к лагерь очень рано, избегнув таким образом дневного зноя. Перед выступлением офицеры и солдаты напились кофе и около 9 часов отряд прибыл в лагерь. Как только были разбиты палатки, приступили к холодному завтраку, приготовленному накануне и второму кофе.

Любопытно наблюдать с какой быстротой люди привыкли находить всё необходимое для приготовления кофе. Как скоро ружья поставлены в козлы, ряды расстраиваются; одни бегут за водой, другие за тонкими сучьями, третьи приспособляют печь. В тоже время ротные кашевары исполняют свое дело, и менее чем через 10 минут все огни пылают.

Вечером повторяется тоже для приготовления супа, с той разницей, что одновременно производится раздача дров, мяса и хлеба. Эти запасы сделаны по распоряжению начальства, и до сегодня не было ни запоздания, ни перерыва в получении пайка.

Служба в лагерях не сложна, и для всех остается много свободного времени. Обязательные работы состоят в чистке оружия, гарнизонной службе по содержанию постов полицейского и у гауптвахты, снабжающих часовыми к палаткам генералов. Для тушения огней в $8^1/_2$ часов вечера трубят сигнал, после чего

всякий должен находиться в палатке.

Бригада в походе была всё время под командой генерала Тома, который следовал вместе с нею. Принц Наполеон совершал поход попеременно с двумя своими бригадами, таким образом, что делал один день двойные переходы, а на следующие сутки отдыхал, но его никогда не было видно в лагерях, хотя для него и была поставлена там палатка.

После сбора его дивизии в Дауд-Паша, принц поместился в отдельных комнатах от казарм, со всеми офицерами своего главного штаба, и ему был предоставлен почетный караул из 50 человек под командой офицера, который приглашается им всегда к обеду. Сегодня я командую караулом и буду иметь честь обедать у него вечером.

Мы могли бы идти в Константинополь, но состояние сообщений оставляло желать многого. В Турции мало настоящих дорог, но имеется много троп намеченных караванами верблюдов, перевозящих товары, вследствие чего некоторые горные проходы пришлось уширять для удобного движения нашей артиллерии и обоза, что и исполнено было стрелками 19-го батальона.

Можете судить о веселом расположении духа наших солдат-остряков, по надписям оставленным на боках этих проходов: «По приказу Великого Визиря школа путей сообщения упраздняется и Магомету одному предоставляется содержание дорог». — «По случаю смерти от родов турецкой деятельности, 19-ый батальон стрелков остается неутешным». — «Един Бог и Магомет инженер его» и т. д.

Если дороги плохо содержатся, то и пахотные поля одинаково дурно возделываются, между тем они настолько плодородны, что им позавидовали бы все наши сельские жители; мне не приходилось никогда видеть лучших хлебов, чем здешние, а некоторые, изредка попадавшиеся по пути виноградники, имеют необыкновенно хороший вид. Благодаря ли равнодушию жителей или потому, что здесь неизвестна нужда, пять шестых земли годной к обработке остаются в залежи, что производит тяжелое впечатление.

Нам пришлось проходить мимо деревень, которые все похожи между собой. Дома деревянные и достаточно искры для их воспламенения; они неизящны, дурно содержимы и представляют нищенский вид, который не возбудил бы зависти в наших крестьянах; особенность их составляет балкон над входною дверью, откуда можно смотреть во все стороны, самому не показываясь.

При нашем приближении к деревне, все жители прятались и

мы только видели тех немногих, кто продавал нашим солдатам провизию. Торговля весьма затрудняется отсутствием мелкой монеты.

Народонаселение разделяется на две главных национальности — турок и греков. Хотя турки господствуют, но работают мало, исполняя все общественные обязанности. Они глубоко ненавидят греков. Один турецкий мальчик, с которым я заговорил, сказал мне на ломанном французском языке (они в большинстве говорят кое как на многих языках) «Турок стоит сорока греков» а на вопрос: что стоит француз, он отвечал: «Один француз стоит только одного грека, но и тот и другой собаки».

Я крепко надрал ему уши за такой дерзкий ответ. Греки, находясь в полном подчинении у турок, возделывают свои земли и обыкновенно занимаются мелкой торговлей. И те и другие, впрочем, имеют одинаково нищенский вид.

Мы прибыли в Родосто 5 июня и отдохнули там сутки. Этот город с 12–15 тысячами жителей, кажется довольно промышленным, но улицы и дома содержатся не лучше, как и в деревнях. Город не имеет ничего особенного, если не считать большого базара, снабженного всем необходимым для мужского и женского одеяния.

По случаю нашего прохода, окрестные хозяева привезли некоторые съестные припасы и привели довольно большое количество лошадей; товарищ мой капитан Бенуа купил прелестную, небольшую и лучшую на рынке лошадь с живыми глазами и крепкими мускулами за 300 франков.

Письмо мое оказалось довольно длинным, да кстати наступает время отправляться к принцу.

3

Лагерь под Дауд-Паша 16/4 июня 1854 г.

Приятное известие!

Приказом 27/15 мая я произведен в капитаны по линии.

Дурная новость.

Имеются вакансии капитана только в резерве.

Я ни за что не хочу возвращаться во Францию ранее окончания кампании… и поеду туда разве только насильно, по принуждению.

Отправился искать полкового командира, который с сердечною добротою обещал поддержать ходатайство о замене меня, если я найду здесь капитана, который согласится уступить свое место.

Сейчас же я побежал в палатку капитана М. здоровье которого было более чем плохо, и он имел полное право даже на отставку. Не без труда удалось мне получить от него согласие на такой обмен.

Вполне счастливый успехом, я отправился к полковнику, чтоб сообщить ему об этом, и представил, охотно им принятое, прошение о замене.

Теперь, когда я сделался более спокойным, расскажу вам о моем обеде у принца. В 6 часов вечера вестовой провел меня в весьма скупо меблированную комнату, и сейчас же оттуда меня направили в столовую, куда через несколько секунд вошел сам принц в сопровождении начальника его главного штаба и 4 или 5, состоящих при нём или при штабе дивизии, офицеров. Каждый сел за стол без приглашения, что сделал и я, увидя незанятое место. Обед был весьма простой: суп, три блюда, десерт и кофе.

Принц говорил много, и не всегда был интересен; отвечал ему только капитан Фери-Пизани, специально состоявший при нём в качестве офицера по поручениям. Полковник главного штаба казался сосредоточенным и говорил не много. Что касается меня, то я дал себе слово только отвечать на вопросы, а потому мне не пришлось ни разу открыть рот.

После кофе все удалились, а я, мало удовлетворенный, пошел на свой пост.

На следующий день 15 июня, разбуженный вестовым в $8^1/_2$ часов утра, я возвратился в лагерь и тогда же узнал о своем назначении.

После завтрака отправился в Константинополь. Не буду подробно описывать этот большой город, так как, по моему

мнению, это уже сделано всеми путешественниками. Деревянные дома за исключением общественных памятников и некоторых зданий высшего круга, извилистые улицы и если мощеные, то весьма плохо, минареты, похожие на фабричные трубы, бесчисленное количество бродячих собак и проч.

У моста Золотого Рога, с которого вид действительно великолепен, я был осажден молодым греком 18–20 лет, весьма прилично одетым, в феске, в тонких сапогах, который на хорошем французском языке, испросил позволение сопровождать меня, предлагая себя в чичероне.

«Я учился в коллегии в Пере, — сказал он, — и ознакомился с французским языком, а потому желаю усовершенствоваться в нём, пользуясь беседой с настоящим французом; с этой целью я позволяю себе просить дозволения сопровождать вас».

Я был очень доволен этой случайной встречей и мы вместе отправились по мосту далее.

Спустя немного пришли в еврейский квартал довольно бедного вида и у порога домов заметили очень красивых евреек, с тюрбанками на голове по старинной моде их предков, что очень оригинально, и я сохраню об этом приятное воспоминание.

Через четверть часа, мой провожатый и я сделались лучшими друзьями в мире и он рассказал, что отец его был адвокатом в Пере, что у него две сестры 19 и 20 лет, из которых старшая должна выйти замуж и что он предполагает подобно отцу, быть адвокатом. Затем предложив представить меня своей семье, он пригласил туда меня вечером, чтоб послушать музыку. Обязанный в тот же вечер возвратиться в лагерь, я высказал сожаление о невозможности воспользоваться его любезным приглашением сейчас, но обещал прийти днем.

Покидая еврейский квартал, мы прошли в часть города, где обыкновенно живут иностранцы всех государств. Мой провожатый предложил повести меня к одной пожилой даме, живущей в прелестной квартире с двумя дочерьми и к которым он должен был сделать визит. «Одна из дочерей 13-ти лет, а другая 11-ти», сказал он, но это черкешенки, которые выходят замуж и делаются матерями в 9 лет и во всякое время им можно дать вдвое более лет против действительности. Они не стягиваются корсетами, как европейские женщины, не носят также открытых платьев, обнажающих грудь, как турчанки, но надевают род шелкового совершенно закрытого корсажа и, не считая непристойным показывать лице, не закрывают его вуалью. Исповедуя христианскую религию, они имеют лишь самое слабое понятие о догматах её. Так например, они воспитываются в убеждении, что созданы для того, чтобы быть рабынями мужчин.

Все эти подробности заинтересовали меня, и я согласился пойти туда вместе с ним.

Мы вошли в прекрасный старый каменный дом, с большим крыльцом и широкой лестницей с балюстрадой, весьма благообразного вида. В первом этаже мой проводник, не постучавшись, отворил обе половинки дверей и без всякой церемонии мы вошли в большой зал о трех окнах, прекрасного стиля, с шелковыми обоями, позолоченною мебелью, диванами и креслами, покрытыми коврами и зеркалами между окон, — но всё это было старо, бедно и завядшего вида… хотя опрятно и заботливо содержано.

Неужели в этом состоит восточная роскошь?.

Вскоре затем я очутился в сообществе двух прелестнейших девиц, блистающих свежестью и совершеннейшей грацией. Судя по их уверенности в себе и физическому развитию, им можно было дать на вид 18–20 лет. Но лицо матери их, которой не более 30 лет, уже покрыто морщинами, а волоса начали седеть.

Так как эта семья не понимала ни слова по-французски, а мое любопытство было удовлетворено, то визит не был продолжителен, и я скоро удалился.

Затем мой проводник направил нашу прогулку к европейскому кварталу Пера.

Мы встретили в одной кофейне, обыкновенно посещаемой турками, многих офицеров моего полка и между ними товарища моего, капитана Трусень, который вышел мне на встречу и представил меня своему брату, уже три года живущему в Пере, где он состоит представителем одного процветавшего здесь французского коммерческого дома.

Теперь мой грек мне был бесполезен и, вежливо поблагодарив за его обязательность, я откланялся ему, но он не ушел, желая по словам своим, быть всегда в моем распоряжении.

Так как решимость его в нежелании меня оставить делалась надоедливой, то я обратился за советом к брату моего товарища, который сказал: «Дайте ему монету в 20 су, и он уйдет удовлетворенный». Как! сыну адвоката, юноше который приглашал меня пронести вечер в его семье? Возможно ли это? — «Он не обманул вас, я знаю, его отца, как одного из выдающихся адвокатов Перы; одна из его сестер имеет очень хороший голос, и вечера, проводимые в этом доме, не лишены прелести, но при уходе гостей, у двери ставят блюдо и каждый должен класть свою жертву. Молодой человек со своей стороны ищет возможности воспользоваться платой, представляясь иностранцам как переводчик, так как говорит на шести языках, подобно большинству всех этих маленьких греков, копошащихся в портах.

Он же лучше других говорит, так как хорошо учился в коллегии в Пере».

Я был поражен и почти с трепетом вручил будущему адвокату монету в 5 франков, за что он меня очень благодарил; таким способом я от него освободился.

Тем временем вошел в кафе капитан Морено и у этого весьма приличного человека, которого вы знаете, был странный, взволнованный вид, и он находился под впечатлением живого возбуждения.

«В соседней улице, — рассказал он нам, — мимо меня проезжала золоченая карета, в которой чинно сидели четыре дамы, закрытые чадрою и одетые в прекрасные шелковые платья. Карету сопровождали два всадника с саблями наголо, держась позади её. Предположив, что эти дамы принадлежат к высшему кругу, я почтительно им поклонился, но судите о моем удивлении, когда увидел, что они посылали мне горячие воздушные поцелуи. Думая, что мне повезло, я подошел к карете и передал свою карточку красивейшей из незнакомок, но вместо ответа со своим адресом, она и её спутницы сняли с себя украшения и ближайшая подала их мне своими крошечными ручками. Жестами отказавшись от этого, я старался внушить им, что могу удовольствоваться только предложением их сердца, но вдруг заметил сверкнувшую над моею головою саблю, и инстинктивно отскочил в сторону, избегнув удара. Женщины повставшие в карете, кричали, жестикулировали… видимо они радовались, что сабля не наделала беды. Карета удалилась со своей охраной, но я не последовал за ней, и поэтому остался в живых». Г-н Трусень объяснил нам, что золотая карета принадлежала Султану, что четыре женщины были из его сераля, а два всадника — евнухи и что если б это случилось с жителем Константинополя, то он наверно бы был убит на месте. Женщины посылали не поцелуи красивому капитану, а просто делали ему приветствие, которое по турецкому обычаю выражается попеременным прикладыванием правой руки к сердцу и к губам. Если же они так великодушно предложили свои украшения, то предполагали, что карточка капитана была способом испрашивания у них милостыни. Мы оставили кофейню около семи часов, а в $8^1/_2$ были уже в лагерях. Завтра в полдень Султан делает смотр дивизии.

4

Лагерь под Дауд-Паша. 19/7 июня 1854 г.

17/5 числа при рапорте я узнал, что мой диплом на капитана находится у полковника, и ни минуты не потерял для устройства своего положения. Употребив все необходимые для сего старания, я в 11 часов получил от начальника штаба дозволение принца, ожидать при своем полку решения маршала. Хотя я и не завтракал, но, исполняя устав, присоединился к своей роте, выступавшей на смотр.

В полдень, поставленная перед казармами Рами-Чифтлик в боевом порядке дивизия, к северу от Золотого Рога, ожидала под ружьем прибытия Султана. Если точность есть вежливость королей, то, кажется, она не составляет принадлежности Султанов. Только в час пополудни Абдул-Меджид появился перед фронтом войск, в сопровождении маршала Сент-Арно в полной парадной форме. Костюм Султана был проще: феска, белые панталоны и темное застегнутое платье без вышивок, с одним только орденом. Он был верхом на великолепной вороной лошади, с богатым чепраком. Принц поскакал к нему навстречу и в продолжении всего смотра держался возле него. Потом войска проходили церемониальным маршем.

Вслед за тем, принц, явно оставшийся недовольным, так как Султан не обращался к нему вовсе, не откланявшись пришпорил лошадь и отправился догонять свою дивизию.

Хотя об этом смотре накануне писалось в константинопольских газетах, и мы ожидали большего количества любопытных и народа, тем более, что такие торжества здесь бывают весьма редко, но в числе присутствовавших в качестве зрителей оказалось лишь очень немного турок и несколько европейцев.

Нравственное впечатление на наших людей оказалось незавидным, и после смотра под палатками не было недостатка в злых, насмешливых разговорах по этому поводу.

Г-н Трусень, присутствовавший на смотру, догнал нас в лагерях и пригласил меня к своему брату обедать и ночевать, для того, чтоб на следующий день предпринять продолжительную прогулку в каике по Босфору, на что я и согласился с большим удовольствием.

На следующий день, мы отправились на набережную и наняли два каика, из которых один заняли г-жа Трусень с двумя дочерьми, а другой капитан, его брат и я. Такие прогулки по воде

действительно прелестны; лодки из прекрасного воскового дерева, отделаны медными украшениями, но в них неудобно помещаться, так как они очень длинны и узки, и, чтоб не опрокинуться, необходимо садиться посередине с протянутыми ногами и остерегаться делать какое-либо движение. Перевозчик, настоящий турок, был бесподобен со своими мускулистыми руками в белой шелковой полупрозрачной рубахе, волнующейся на его широкой груди. Мы удивлялись ловкости, с которой он беспрепятственно лавировал между множеством катеров, бороздящих по всем направлениям Босфор.

Эти каики весьма быстры на ходу, и через два часа после отъезда мы добрались до противоположного материка в месте, называемом Замок Азии и затем проехали 16–18 километров по Черному морю.

Было 11 часов, когда мы поместились в тени гигантского дерева, ствол которого на высоте одного метра от почвы мог служить столом для 12 персон и восхитительно позавтракали самой изысканной провизией, взятой семьей Трусень.

Затем сделали продолжительную прогулку в поля, весьма интересную по встречавшимся явлениям и особенно поразившим меня могуществом растительности, вне всякого описания.

Посетили дворец, весь из белого и розового мрамора, построенный Султаном на этом берегу Азии, о богатстве которого могут дать идею только разве сказки «Тысяча и одной ночи».

В $6^1/_2$ часов мы возвратились к каикам, чтоб отплыть обратно в Константинополь.

Как только солнце скрылось за горизонтом, наши перевозчики оставили весла и после нескольких молитвенных обращений по направлению к Леванту, вынули из ящика кое-какую провизию и пообедали с замечательным аппетитом. Это потому, что в то время был Рамадан, а в этот период времени, соответствующий нашему посту, магометанам запрещается принимать пищу между восходом и закатом солнца и наши каикчи решительно ничего не ели и не пили в продолжении 16-ти часов.

Мы вышли на свой берег в 9 час. вечера, когда было уже поздно отправляться в лагерь, да по случаю не освещения улиц, мы бы и не нашли дороги. Кроме того, бесчисленное количество бродячих собак, днем безвредных, ужасны в ночное время, и мы рисковали быть растерзанными. Всё это заставило нас остаться ночевать у г-на Труценя, всегда особенно ко мне любезного.

На следующий день 19/7 числа, после завтрака, я с товарищами посетил все более известные редкости Константинополя: различные мечети, Св. Софию, большой базар и

проч. Так как входить в мечеть в обуви запрещено, то мы должны были оставить свои сапоги у наружных дверей, не подвергаясь впрочем никакой опасности лишиться их, так как количество снятой обуви было большое.

Св. София!.. Не могу отделаться от некоторых печальных размышлений, видя представителей мусульманского духовенства, отправляющих свои моления под теми же сводами, где наши христианские священники молились четыреста лет тому назад… но мимо…

Большой базар довольно интересен, и вы можете себе его представить, посетив Тампль в Париже. Только улицы его шире и более многолюдны, с невообразимой толкотней на каждом шагу. Здесь встречаете более женщин, чем мужчин, но и тех и других всегда отдельно, так как они не имеют права, не преступая обычаев и законов, обмениваться в публике знаками знакомства или обращаться с разговором, даже если они муж и жена или брат и сестра.

Бесчисленное множество лавочек снабжены всем, чем желается, (имейте в виду, что других почти нет в турецком городе). Хозяин турок или грек иногда с приказчиком стоят посреди своих товаров, в порядке разложенных на полках. Спрашиваете, что вам нужно и вам показывают только желаемый предмет, и если продающий турок, то с ним нельзя торговаться; на предложение ему меньше против назначенного на один сантим, он берет назад предмет, ни слова не говоря, и кладет его на место. Если же он грек, то бывает совершенно иначе; он наблюдает за вами, и если предполагает, что вы не знаете цены, то не замедлит спросить за требуемую вещь 20 франков, которую затем уступит за 2 или 3 франка.

Около пяти часов мы направились в лагерь обедать.

5

Лагерь под Дауд-Паша. 20/8 июня 1854 г.

Приказ о посадке дивизии на суда для отправления в Варну пришел вчера после полудня. 1-ый батальон садится 20/8, а второй 21/9 в 5 часов утра.

Теперь, когда почти уверен, что буду делать кампанию, я не стесняясь купил вьючную лошадь, с целью пользоваться ею в походе для перевозки вещей, а на остановках для осмотра верхом окрестностей лагеря.

За небольшую сумму в 300 франков, я мог добыть себе прекрасное небольшое животное 6–7 лет, и довольно плохие, впрочем, узду, седло, недоуздок и вьюк.

Кошелек мой отощал, пришло время воспользоваться кредитивом, который вы с родственною предупредительностью передали мне при отъезде из Франции, для чего и отправился в полдень в город в квартал Перы. Пройдя Золотой Рог, я пошел по набережной и обратившись к одной личности, которую по заботливому его виду, принял за француза, просил указать мне банкирский дом Пер… и К°. «Г-н Пер… банкир, — отвечал он, — сам я перед вами».

В эту минуту взгляд мой перенесся на группу лиц, остановившихся в 50 метрах от меня. Шесть полициантов, называемые кавасами, сопровождали несколько мужчин одетых по-европейски со связанными за спиной руками, и веревка в палец толщиной болталась у каждого на груди. Затем я увидел двух кавасов, которые, схватив под руки одного из сопровождаемых ими лиц, подняли его возможно высоко, между тем как третий кавас, взявши веревку, повесил осужденного на гвоздь, выступающий над дверью одного городского дома. Окончив эту операцию, кавасы продолжали свой путь, чтоб снова сделать тоже самое немного далее… а в это время с ними спорил мой бедный г. Пер… На улице же не происходило ничего особенного, никого не было из любопытных, и никакого сборища! Я отвернулся, сильно взволнованный таким зрелищем, и поспешил удалиться.

Г-н Трусень объяснил мне, что виновные были приговорены к повешению за открытый заговор в пользу русских и что мне пришлось присутствовать при казни, которая практикуется всегда в подобных случаях. «В три часа, — прибавил он, — те же кавасы пойдут снимать тела и отвезут их, куда следует, найдя их на тех же местах и такими, как оставили. Никто не попытается спасти

их, если же кто-либо прямо или косвенно помешает юстиции султана, то немедленно будет повешен также, как и те, которые издали или вблизи захотели бы оказать участие несчастным; и всё это, как видите, очень быстро».

Я затем сообщил ему о задержке, которую причинил мне этот печальный эпизод. «Явитесь в банк, он постоянно в действии, несмотря даже на то, что как передают по секрету, сотоварищ г. Пер… донес об этом заговоре».

Действительно, я представил кредитив кассиру банка, где все служащие оказались на местах, получил свои деньги французскими кредитками и возвратился в лагерь в $6^1/_2$ часов вечера, еще сильно возбужденный.

Я должен сесть на корабль завтра утром в 5 часов утра для отъезда в Варну.

6

Варна. Лагерь под Йени-Кей. 27/15 июня 1854 г.

21/9 числа я вступил на французское судно «Дофин», на котором поместились только три роты 2-го батальона: все были довольны, судя по погоде, совершить этот переход при удачных условиях и действительно, спустя тридцать часов, 22/10 в полдень мы благополучно входили в порт Варны.

Город имеет не более 12–14 тысяч жителей и окружен крепостной стеной, не имеющей особого оборонительного значения, так как над городом господствуют высоты, с которых легко бомбардировать его. Мы почти ничего не нашли здесь из съестного, исключая некоторого количества провизии, привезенной французскими или английскими маркитантами, продававшими их по баснословным ценам.

Небольшую нашу колонну, усиленную пятью ротами батальона, высадившегося часом позднее, офицер генерального штаба проводил на место, предполагаемой лагерной стоянки, около 8–10 километров к северо-западу от города, где мы быстро устроились. В одно мгновение ока были поставлены палатки, разведены огни для варки пищи и собраны фуражиры для немедленной раздачи припасов.

Я воспользовался приглашением на обед к товарищам 1-го батальона, прибывшего сюда накануне. Если батальон одного полка вступает на место, последовательно через один или несколько дней после другого, то обычаем установлено, что ранее прибывшие офицеры приглашают к себе на обед офицеров рот одного номера, вновь пришедшего батальона.

На следующий день утром я покинул лагерь, чтоб осмотреть окрестности. Прикомандированный к свите, в ожидании министерского решения о моем перемещении, я остался без всякой службы.

Первая дивизия стала лагерем на высотах, командовавших и прикрывавших город. Прибывающая на днях из Адрианополя 2-я дивизия должна поместиться на оставленном для неё месте на правом фланге 1-ой дивизии. 3-я дивизия в полном составе поставлена правее 2-ой, а на нашем правом фланге уже стоит 4-я дивизия, высадившаяся несколькими днями ранее. Весь английский корпус размещается между городом и французскими войсками. Англо-французская армия доставлена в обратном боевом порядке. Она почти в полном составе и только недостает части артиллерии и кавалерии, которая вскоре ожидается, и

тогда отряд будет в состоянии начать военные действия.

Повсюду встречаю хорошее расположение духа, веселье, довольство и горжусь и счастлив, что принадлежу к такой армии!

После полудня я отправился в английский лагерь. Несмотря на самолюбие француза, должен сознаться, что был восхищен прекрасным видом английских солдат и удивлялся их большому росту, изящным, новым мундирам, сильному сложению, точности и правильности их перестроений и красоте их лошадей. Привычка к излишнему комфорту составляет большой недостаток, и им будет весьма трудно удовлетворять свои многочисленные потребности, когда пойдем вперед.

В самом близком расстоянии от англичан, под теми же стенами Варны стоит лагерем в довольно большом количестве турецкая кавалерия, но между ними существует чувствительная разница и главным образом в том, что у турок нет ничего, чему можно бы было позавидовать, и судя по приемам, на них нельзя сильно рассчитывать. Их называют башибузуками, род иррегулярной кавалерии, которая, по моему мнению, более расположена к краже и грабежу на больших дорогах, чем к поведению хорошего солдата. Она состоит под начальством генерала Юсуфа и слывет официально под названием восточных спагов.

Близ наших лагерей находится густой, высокоствольный лес, куда я уже отваживался проникать, найдя здесь следы животных. Но, к сожалению, они оказались принадлежащими лишь собакам или волкам. Правда, я не ходил в чащу из боязни заблудиться. В ночное время эти собаки или волки подходили почти вплоть к нашему лагерю и очищали его от костей и других отбросов, которые не были зарыты. В этом то лесу наши солдаты добывали себе топливо для приготовления пищи и поддержания во всю ночь огня больших костров на передней линии лагеря, причем каждая рота запасалась необходимым количеством дров без всякого контроля. Впрочем, эти материалы здесь не имеют никакой стоимости, так как жители соседних деревень не стеснялись рубить вековые дубы, с единственною целью получить необходимый им отрубок, остальное же бросалось на месте, уничтожаясь от времени и ветхости. Я наступал на срубленные деревья более двух метров в обхвате и они вследствие гнилости, подавались от моей тяжести.

В этот лес наши люди отправлялись еще для сбора ветвей с целью устройства шалашей, прекрасного убежища от солнца; эту привычку они переняли от войск, прибывших из Африки и умевших хорошо устраивать такой сорт навесов из ветвей с зеленой листвой. По моему приказанию люди моей прежней роты

устроили такой шалаш и для меня, в котором я с гордостью заседаю во всё время сильной дневной жары.

В следующие дни, я посетил окружные местности. Болгарские деревни содержатся чище чем те, которые я проезжал по дороге из Галлиполи к Константинополю. Жители со спокойным темпераментом, равнодушно занимаются возделыванием своих участков, которые по закону они могут брать только в аренду.

Упряжь их рабочего скота украшена приспособлением, на котором висят два или три лошадиных хвоста, смотря по рангу, к которому принадлежит землевладелец. Несмотря на их спокойствие сразу чувствуется, что народонаселение симпатизирует русским, так как они не высказывали никакого желания помогать нам и прятали всё то, что могло быть для нас полезно. Это доказывалось нахождением нами во многих местах большего количества зерна в бочках, нарытых в землю.

Мы щадили засеянные поля, не причиняя им порчи, уважали обычаи, платили за всё наличными и не оспаривали даже часто преувеличенные цены припасов. Может быть такими поступками достигнём, что болгарское народонаселение будет к нам менее враждебно.

Тем временем я выезжаю свою лошадь и в этом скромном занятии нахожу развлечение, соответствующее моим вкусам.

Благодарю горячо любимую матушку за её добрые советы и даю слово быть всегда достойным ее, чтобы ни случилось.

7

Лагерь под Йени-Кей. 3 июля/22 июня 1854 г.

28/16 июня генерал Тома пригласил офицеров своей бригады к себе на пунш, где присутствовал и принц. Вечер был прелестный и офицеры небольшими группами прохаживались перед палаткой генерала, который переходил от одного к другому и умел сказать каждому несколько любезных и ободряющих слов.

Первый раз принц не погнушался вступить в разговор с офицерами низшего ранга, и не знаю какой счастливой случайности я обязан, что он обратился ко мне и гулял со мною более десяти минут. Он сообщил мне последние известия, полученные из Силистрии, что русские произвели важное движение около этого города, что предполагают, будто это было отступление в видах ожидания в удобной позиции за Дунаем прибытия союзной армии. Принц очень хвалил турок энергично и с замечательным мужеством, защищавших Силистрию, несмотря на ежедневные серьезные потери.

Затем, подойдя к одной из групп, он продолжал разговор о том же предмете, высказывая весьма живо желание свое идти вперед. Он желал бы напасть на русских возможно раньше. «Война, — сказал он, — как и игра, являет счастливые и несчастные ставки, и когда шансы благоприятствуют ими надо пользоваться не раздумывая. Теперь шансы на нашей стороне, потому что русские деморализованы и стали отступать, а потому будет важной ошибкой с нашей стороны, не воспользоваться этим, горячо преследуя неприятеля».

Такой язык нам нравился и мы просили принца исходатайствовать для его дивизии честь первой атаки.

В 10 часов, мы откланялись с генералом Тома и каждый отправился в свою палатку.

Час утра… раздаются крики: «в ружье!», повторяясь по всей линии! Солдаты и офицеры в просолках выбегают из палаток полуодетые!.. «В ружье! в ружье!»… вырываются крики из взволнованной груди, но вскоре спокойствие сменяет возбуждение, и угрюмая тишина следует за сумятицей криков и движений. Люди оделись, спешно бросились к козлам, разобрали и даже зарядили ружья, не имея на это приказания от офицеров.

Чу! ружейный выстрел. Нет сомнения неприятель близко… Какое средоточие в рядах! Быстро ободряются. Вся дивизия в боевом порядке готова к отражению атаки… Идут русские!

Генерал Тома проезжает верхом по фронту своей бригады, но

он ничего не знает и не может дать никаких разъяснений, сам ожидая приказаний.

Полковник посылает меня к принцу и я узнаю, что он находится верхом перед своей дивизией… и поэтому не могу к нему обратиться. Спрашиваю генерала де Моне; оказывается, что первым закричал «к оружию» часовой его бригады и выстрелил из ружья.

«Фальшивая тревога, — сказал он мне, — действие кошмара на часового, который, услышав шум в небольшом соседнем лесу, закричал: «Кто идет!» и так как не получил ответа, то затем воображение представило ему, что шум увеличивается и он крикнул «к оружию!»… а потом сделал выстрел».

Прихожу к полковнику, которого принц только что оставил. Козлы вновь составлены, люди возвращаются в палатки и снова ложатся спать.

Не одно сердце тревожно забилось при первом призыве «к оружию!», конечно не из боязни, но потому, что среди ночи, в минуту внезапного пробуждения, никто сразу не находит необходимого спокойствия для разумного рассуждения.

Теперь, когда у меня есть лошадь для перевозки вещей, я приказал поставить небольшую палатку лично для себя, найдя людей знающих эту работу в полку зуавов моей дивизии, а необходимую для сего парусину у торговца в городе. Указал размеры её с тем расчетом, чтоб можно было стоять под этой палаткой и протянуться лёжа во всю ширину её. В минуту, когда я пишу вам, уже три зуава работают, не теряя времени. Я очень доволен этим первым удобством, позволяющим мне уединяться, когда почувствую потребность писать вам; без помехи от разговоров поручика и подпоручика, которые по уставу должны находиться в одной палатке с капитаном: я им всецело уступаю большую палатку и надеюсь, что и им и мне будет лучше. Приказал также солдатам моей роты устроить для меня пару небольших вьюков, что предоставит мне двойное преимущество: перевозить исключительно лишь мое имущество и служить для перевозки двух деревянных стоек, на которых велю прибить полотно, чтоб можно было прикрывать его своей овчиной и, следовательно, не буду ложиться на земле, что особенно неприятно, когда она промочена дождем. Пусть дорогая матушка успокоится, буду принимать все гигиенические предосторожности, совместные с моей службой.

8

Лагерь под Йени-Кей. 15/3 июля 1854 г.

Союзная армия не изменила своего положения со времени моего письма от 3/22, а состав её понемногу пополняется.

2-я дивизия прибыла 5 числа, но не заняла приготовленного для неё места на нашем левом фланге, а поместилась лагерем близ Варны против спасов. Артиллерия и кавалерия прибывают частями и имеется уже почти полный состав полевой артиллерии, которая в состоянии принять участие в экспедиции.

Худо ли, хорошо ли, но генерал Юсуф дал нечто вроде правильной организации отрядам башибузуков, которыми он будет командовать, в надежде, что в состоянии ими воспользоваться, но я сомневаюсь, чтоб эти орды могли когда-либо отказаться от их привычки к независимости и грабежу. Их дурные инстинкты вероятно возьмут верх, если сверх чаяния союзная армия когда-либо потерпит поражение.

Наше санитарное состояние прекрасно, и у нас менее больных в околодках, чем обыкновенно бывает во Франции в то же время года.

Маршал Сент-Арно принимает все меры, подсказываемые его опытностью и здравыми советами, чтоб поддержать у всех свежесть и здоровье. Так например, со времени нашего прибытия в Варну, он предписал произвести уже два раза санитарные осмотры, с целью отсылки в Константинополь хилых и слабых. Этим путем в армии остаются только люди сильные и крепкие, которые не заполняют амбюлансов, вслед за длинными или трудными переходами. Наличность действительно уменьшается, но сила армии увеличивается на деле, от отсутствия необходимости перевозки на мулах многого числа больных, всегда составляющих главное затруднение.

Кроме того маршал, чтоб занять войска и не оставлять их в бездействии, предписал начать строевые занятия гарнизона во всех полках и таким образом целую неделю, мы ежедневно производим, как во Франции, взводные, батальонные и линейные учения.

Принц Наполеон присутствует при всех маневрах и почти каждый день лично распоряжается переменами перестроений линии. Нетрудно убедиться, что у него нет практики, но он нас удивляет быстротой соображения местности, и действительной находчивостью; каждый должен сознаться, что ему пришлось серьезно поработать, чтоб достичь в такое короткое время

прекрасного результата в знании военного дела, искусстве, в котором немалое число офицеров являются профанами.

Кажется, он отказался от своих привычек и не держится далеко от войск, но время от времени является в наши лагеря покурить свою сигару. Каждый раз в беседах с офицерами своей дивизии, он жалуется на бездеятельность армии: «Не пользуются счастливым случаем, и мы окончим потерей. Не желают слушать моих мнений, время идет, и мы не найдем более лучшего случая» и проч.

Такой язык сродни нашему нетерпению, и находят, что он прав, вследствие чего принц мало-помалу теряет свою непопулярность, приобретенную отдалением себя от армии.

Если наши начальники примут меры для избежания болезней и поддержат моральное состояние людей, офицеры отряда придут к ним на помощь своим хорошим расположением духа и веселостью и мало-помалу, привлекут к себе этим всех солдат.

Почти в каждом полку организованы театральные представления и между ними большим успехом пользуется театр зуавов, где играются водевили и даже комедии, и поют, начиная с чувствительных романсов до комических арий, а зрителями состоят офицеры, сидящие в местах для оркестра на своих складных стульях, солдаты же в партере, стоя или сидя на связках дров, и в таком количестве как позволяет место, оставляя ограниченное пространство для действия актеров.

Принц с другими генералами весьма часто присутствует на этих представлениях, и не скупится на аплодисменты, а также и на денежный взнос актеру-солдату, для покупки костюмов или расходов на освещение; я сам видел, как он положил на блюдо 40 франков.

Заготовление припасов также было предметом внимания маршала. Эта операция производится весьма правильно и провизия очень хорошего качества; хлеб и чистая мука лучшие нежели паек, отпускаемый во Франции, а также и мясо лучшего качества.

Сейчас же около нашего лагеря, пасется в прекрасных лугах запасный скот, и в настоящее время стадо состоит из 500–600 быков; убыль убиваемых для пищи, каждый день пополняется.

Жалованье платится очень аккуратно и в установленные сроки золотой или серебряной французской монетой. Благодаря заботам ротных командиров об улучшении пищи солдат, расходы на продовольствие увеличены. Все эти распоряжения, доказывающие людям попечение об их здоровья и хорошем положении, поддерживают в них нравственный дух и довольство, войско же хорошей нравственности, нелегко поддается

расстройству болезнями или нападениям неприятеля.

Что касается меня, то я провожу время очень приятно, выезжаю свою лошадь, хожу по лагерю и посещаю чистенькие деревни, откуда приношу всегда что-нибудь к нашему столу: дичь, яйца, салат и проч., что найду для покупки. Мы живем по дивизиям, и стол устраивается для шести офицеров, для чего имеется особый повар и кроме того один или два офицерских вестовых; конечно эти люди идут в строй, когда дело касается ученья, похода или сражения.

Долина изобилует дичью, и я каждый день сожалею, что не взял с собою ружья; третьего дня я пользовался ружьем капитана Бенуа, в то время, как он был на учении, и через час возвратился отягченный добычей, убив трех зайцев, молодую куропатку и двух перепелов. Не надобно быть искусным стрелком, чтоб избежать неудачи в здешней охоте. Дичь, которая никогда не спугивается, не смотрит поэтому на человека как на врага, и по приближении его не трогается с места; куропатки поднимаются, когда ходят по их хвостам, а зайцы оставляют свое логовище, когда на них наступают. Наш досточтимый Св. Губерт (патрон охотников) должно быть никогда не посещал Болгарии, во всяком случае он не приобрел бы здесь последователей, Это обстоятельство является не вследствие законов, запрещающих охоту, по крайней мере по моему мнению, но ввиду того, что нравы обитателей восточных стран не сходствуют с нашими; когда какое-либо животное их беспокоит, — жалит или кусает, они не обращаются с ним грубо, не убивают, но лишь отстраняют или удаляют его. Так например, я был свидетелем, как мать, одевая своего ребенка, спокойно обирала и бросала на землю насекомых, поселившихся в её волосах.

5 июля/24 июня маршал представил французскую армию генералам: Омер-Паше, главнокомандующему турецких войск, лорду Раглану, главноначальствующему английских сил и адмиралам Дундасу и Гамелину. Он гордился своею армией и был прав! Никогда мне не приходилось присутствовать на смотру, где бы выправка людей была лучше, или передвижения производились с большею точностью. Действительно, Франция являлась здесь во всей своей силе.

9

Лагерь под Йени-Кей. 21/9 июля 1854 г.

Только что получили приказание идти вперед. 1-я дивизия начала движение утром и направилась на Мангалию. 2-я пойдет в поход завтра 22/10 по направлению к Базарджику. Наша дивизия оставит лагерь 23/11 и направится на Козлуджу. Впереди в качестве разъездов идут башибузуки.

Маршал отдал приказ взять с собой в мешки пищевых запасов на четыре дня и нам известно, кроме того, что довольно значительный обоз должен сопровождать нас с запасами на шесть дней.

Так как страна, по которой придется следовать, представляет весьма мало средств для пропитания, то мы предполагаем, что экспедиция наша будет не продолжительна, и эта гипотеза нам кажется возможной особенно потому, что мы оставляем свои палатки не снятыми, и везем с собой сравнительно не особо большой запас припасов.

Ходят разные слухи о причинах нашего движения вперед. Одни говорят, что русская, армия, отступив на правый берег Дуная, после снятии осады Силистрии; оставила здесь отряд, чтоб облегчить себе отступление, и что желают воспользоваться: отделением этого отряда для его уничтожения. Другие передают, что маршал имеет целью оздоровление нашего лагеря, долгое занятие которого может послужить к заболеваниям; наконец, третьи предполагают, что всё это делается просто для успокоения общественного мнения во Франции, беспокоящегося нашею медлительностью.

Говорят также, что генерал Канробер сел на суда, чтоб ознакомиться с прибрежными провинциями Черного моря, вероятно с устьями Думая и что наши последующие действия подчинятся результатам этого осмотра.

Чему верить из всех этих россказней?.. Да впрочем, не всё ли равно… Вперед!

Позиция под Варной будет охраняема англичанами, которые еще не вполне готовы для движения, и 4-й французской дивизией.

Солдаты наши весело готовятся в поход; можно подумать, что они уже дерутся с русскими. Однако, я сомневаюсь, чтобы по прибытии на бивуак, они остались в таком же расположении духа. Чрезмерный зной их успокоит.

10

Лагерь под Костиджей. 30/18 июля 1854 г.

Мы прибыли в Костиджу 25/13, после двухдневного похода, и несмотря на зной, люди были не очень утомлены. Дивизия отдохнула 26/14 и 27/15 вновь пошла вперед.

28/19 мы достигли Базарджика, откуда 2-я дивизия ушла за два дня, чтоб подвинуться более на Север.

Генерал Тома, убедившись в довольно ровной местности между городом и кладбищем, предписал разбить там палатки для двух полков своей бригады, но едва они были поставлены, началась сильная гроза. Дождь, падающий в изобилии на соседние обнаженные холмы, залил наш лагерь. Успели только вынести оружие, мешки, патронташи… Кашевары побросали котлы, находившиеся уже на огне, и все люди бросились поскорее спасаться на кладбище, самое ближайшее убежище от наводнения.

Произошла трудно описываемая сумятица. Всё, впрочем, окончилось шутками по адресу генерала Тома, не угадавшего в этой прекрасной, ровной местности, недавно высохшего болота.

Кашевары, по колено в воде, отправились искать свои котлы и вновь развели огни; только нетерпеливые желудки испытали мучение ожидания пищи, приготовленной позднее на два часа против обычного времени.

Небольшой факт:

На другой день по прибытии, солдаты открыли на кладбище могильную насыпь, на одной стороне которой видна была свежевзрытая земля и предполагая, что это было место, в котором жители города закопали свои сокровища, стали раскапывать насыпь заступом. После двух ударов лопатой… оказалась темная яма, куда работник быстро просунул голову, в желании быть первым открывателем клада, но сейчас же отскочил назад… бледный, испуганный, пораженный ужасом… Затем решается на исследование другой, более храбрый солдат… и совсем просовывает голову в яму, еще более поражен ужасом чем первый: очередь третьего… и то же действие… «Это уже слишком», говорит капрал, взявши заступ. Раскопав более широкое отверстие, он внезапно бросается в сторону… из ямы выскочила собака громадных размеров и убежала!

Любопытные исследователи ямы были испуганы блеском глаз животного, искрившихся в темноте. Но каким же образом эта собака попала в заключение в яму, которая оказалась ничем

иным, как походной печью, устроенной русскими, вторгнувшимися в Болгарию в 1828 г.?

Начисто очистили вход в яму и нашли труп каваса, убитого вероятно накануне или недавно. Собака его или убийцы была зарыта по оплошности вместе с телом бедняги жандарма.

Немного спустя после этого случая, я отправился в Базарджик и при въезде в город с 12 тыс. населения, сердце мое сжалось от грустного чувства. Повсюду тишина и запущение!. Я шел по разным большим улицам, пролагая себе путь через высокую траву… и встречал только в большом числе горлиц, встревоженных моим присутствием. Входил во многие дома, построенные из камня… лишенные всех дверей, взбирался на лестницы, ступеньки, которых от ветхости подавались под моими ногами, видел некоторые предметы, наполовину сгнившие… и нашел там также связки веревок, распадавшихся в пыль при малейшем прикосновении. Обежав город по всем направлениям… всюду встречал одни недавно сгоревшие кварталы; в этом большом городе можно, было теперь сосчитать разве только 2 тыс. жителей.

Оказалось, что в 1828 году, как мне сообщили, русские осаждали Базарджик и огонь неприятеля вместе с холерой и тифом унесли много жертв между осажденными. Пережившие, изнуренные или больные, не в состоянии были хоронить умерших на кладбище, расположенном вне линии обложения крепости, а потому кидали их в колодцы, вследствие чего последние были отравлены, и вот причина, почему большое число кварталов сделались необитаемыми.

Некоторые наружные колодцы, расположенные вокруг города, также были отравлены трупами лошадей, которыми русские заваливали эти колодцы.

Наконец, кроме того башибузуки через несколько дней по приходе сюда подожгли город в нескольких местах, под предлогом, что христианское его население было расположено к русским.

Удаляясь из Базарджика, я направился с поникшею головой, отягченный тяжелыми мыслями к помещению принца, чтоб посетить караул из двадцати четырех стрелков моего полка.

Новый предмет для грустного чувства… Люди не зная, что вода была положительно вредна для здоровья, воспользовались одним соседним колодцем, причем 21 человек солдат опасно заболели, но поспешно призванный врач особенно позаботился о них, и не теряет надежды на благополучный исход их болезни.

Сегодня утром 30 июля я получил официальное извещение, что военный министр утвердил перемещение мое и капитана М. и

побежал вприпрыжку искать моего заместителя, с тем, чтоб принять от него сейчас же командование ротой, которую тотчас же собрал и осмотрел, а затем отправился в свою палатку, не чувствуя под собой земли.

Имею теперь в действительности под командой 135 человек сильных, мужественных, здоровых и славных солдат, за исключением разве только двоих, которые оставляют желать лучшего. Образ моего поведения хорошо обдуман, сдержан и я убежден, что в самое короткое время, успею вдохнуть всем моим людям священный огонь долга.

Не буду управлять ротой свысока, но и не стану искать популярности, убежденный, что заслужу более преданности уважением и боязнью себя, нежели фамильярностью.

Кроме того, буду строг к ошибкам, даже пустым, сделанным заведомо с заранее обдуманным намерением.

Займусь заботами о здоровье своих людей и их житьем, не подавая виду, что они составляют предмет моего особенного внимания.

Буду всегда звать их по имени для того, чтоб они были убеждены, что я могу узнать каждого и во всех случаях.

Постараюсь стоять на страже их прав и заставлю ценить хорошие их поступки, твердой рукой настаивая о вознаграждении моих солдат.

Я окажу им доверие, чтоб заслужить такое же и с их стороны… А затем, если мне будет трудно, обращусь за советами к моему товарищу Моран, этому опытному офицеру, рабу долга и справедливому судье. Он не откажет мне в своих наставлениях.

У меня прекрасный поручик, который поможет мне, что же касается до подпоручика… я охотно переменил бы его на другого.

Но довольно о моей роте…

Тот, кого я замещаю, уезжает завтра и сядет на судно в Варне с небольшой партией в 11 человек больных, из которых пять принадлежат к отравленному караулу. Счастливого пути!

11

Лагерь под Йени-Кеем. 8 августа/28 июля 1854 г.

Наша экспедиция окончена, и все французские войска возвратились в лагерь, занимавшийся ими до выхода; боевой порядок остался прежний, только были переставлены палатки на другое место, в интересах здоровья людей.

Если мы и не знаем причин похода к Базарджику, более определенно чем до нашего выхода, то, по крайней мере, нам известны последствия его, которые оказываются нерадостными для двух дивизий предшествовавшим нам и проникшим в Добруджу.

1-я дивизия, за отсутствием генерала Канробера, под командою генерала Эспинаса была начальною жертвою, увы! не встречи с русскими, но более опасного неприятеля, холеры.

Не хочу повторять всего того, что рассказывают о затруднениях при отступлении этой дивизии, по случаю быстрого наполнения её лазаретов. Средства перевозки для больных оказались недостаточными. Эпидемия производила такое быстрое действие, что большое количество, людей падало на дороге, заболевая на ходу и не имея сил подняться!.. 2-я дивизия была менее подвержена болезни, хотя и она понесла значительные потери.

Маршал приказал устроить громадный лазарет на высотах Франка, господствующих над Варной, чтоб сосредоточить там специально холерных больных и иметь возможность локализировать этот бич.

Сент-Арно поражает всех! Приезжая каждый день в лазарет, разговаривает с больными, ободряет, поднимая их нравственный дух… он не щадит себя! Его видно всюду, и каждый недоумевает откуда у него берутся необходимые силы быть всегда там, где его присутствие может быть полезно…

О! мужественный маршал, каким примером он служит для всех нас?

Из всей армии в одной только 3-й дивизии санитарное состояние не оставляет желать лучшего. К счастью, мы не занесли с собою холеры из Базарджика, и принц сделал очень удачное распоряжение для сохранения здоровья его людей, предписав ограниченное количество учений, но зато он поддерживает деятельность людей при помощи более подходящих к ним условий, отдав приказ штаб-офицерам об устройстве в ротах просторных землянок для того, чтоб все солдаты могли иметь

убежище от солнечного зноя. Он приказал также каждый вечер разводить перед лагерем большие костры, которые должны гореть по крайней мере до 10 часов. Из соревнования роты стараются иметь лучшие костры, для чего люди отправляются в лес, таща за собой целые деревья, тогда как другие приносят дрова вязанками и вечером поддерживают пламя в 8–10 метров высотою.

После вечерней зари, все солдаты сходятся у этих огней, смеются, поют, шутят, рассказывают сказки, обогреваются и сушат одежду, прежде чем отправиться на покой в палатки. Два или три раза в неделю полковые оркестры играют на передней линейке лагеря не из опер и не отрывки серьезной музыки, а исключительно популярные песни, которым часто вторит хор солдат.

Принц Наполеон, сначала не внушавший большего доверия, теперь, должно отдать ему справедливость, прекрасно ведет свою часть.

Мой полк размещён ближе всех к лесу возле деревни Джефферлик, и так как наши солдаты по природе великодушны, то они оказывают жителям возможные услуги, а те в свою очередь снабжают их всякими необходимыми инструментами для рубки леса и устройства землянок.

Я познакомился с семьей фермера, жена которого отдала в мое распоряжение очень опрятную, большую, но плохо меблированную комнату, в которой я сижу и пишу вам или днем отдыхаю. Эта семья, вероятно, из богатых людей в стране и не испытывает нужды; кроме половины дохода, которую необходимо отдать землевладельцу, у них остается еще для уплаты налога, прокормления проходящих турок и для содержания правительственных чиновников, живущих в деревне; короче сказать, им остается лишь столько, что они могут прожить бедно; однако эти люди вовсе не ленивы, они поднимаются с восходом солнца и работают без отдыха до вечера. На женщин, как и во Франции, здесь возложены различные домашние обязанности и они редко выходят на полевые работы.

Некогда в стране воспитывались для охоты соколы, и эти птицы с высоким полетом еще имеются и теперь, составляя предмет внимания многих. Постепенно они привыкли к человеческому обществу и свивают свои гнезда внутри домов, как наши ласточки; так одна пара устроилась в самой кухне моего фермера, свив гнездо над шкафом, куда они приносят своим птенцам добычу, кладя ее иногда на стол и собирая остатки мяса, даже и в то время, когда фермерша приготовляет на нём обед.

Но соседство этой птицы имеет важные неудобства, которые особенно чувствительны по утрам.

Против фермы находится фонтан, снабжающий в изобилии хозяев свежей и превосходной водой, куда ходят все наши люди с манерками.

Уверен, что качество этой воды способствует также поддержанию нашего здоровья. Жители весьма заботливо содержат этот фонтан, а также и доступы к нему.

Я не желаю, чтоб матушка думала, что мы живем в лагерях, как басурманы; церковная служба с духовником установлена в каждой дивизии и по воскресеньям месса отправляется в часовне, устроенной из зеленых ветвей, перед лагерями.

Принц, генералы с их штабами, офицеры и очень много солдат охотно присутствуют при богослужении. Необходимо быть в лагерях, далеко от своей семьи и отечества, чтоб оценить силу религиозных чувств нашего войска, особенно у тех, которые были новобранцами. Мне кажется, что настоящее приближение опасности, хотя еще и неизвестной, но уже предчувствуемой, развивает у человека особую потребность исключительного поручения себя покровительству Божьего Промысла.

Я видел духовника только во время мессы, в остальное же время он не бывает в лагерях, так как все дни проводит в лазарете, где, по рассказам, удивляет своим самопожертвованием. В виду этого было бы удобнее, если б каждый священник имел бы в помощь себе викария; положение первого поэтому было бы менее тяжело.

12

Лагерь под Джеферликом 16/4 августа 1854 г.

Газеты вероятно известили вас о большом несчастии, повергшим в уныние всю союзную армию.

10 августа/30 июля происходило в лагерях представление в театре зуавов; около десяти часов вечера, заметили зловещее зарево по направлению к Варне и в то же время послышались рожки 2-ой дивизии, дававшие сигнал тревоги.

В одну секунду актеры разделись, а зрители бросились по своим ротам; все были в сильнейшем волнении и ждали приказаний… Была наряжена в качестве рабочих команда из тысячи человек от каждого полка, которые направились бегом под начальством своих офицеров в пылающую Варну.

Так как город был уже заполнен рабочими из ближе расположенных дивизий, то наши люди были задержаны и получили приказание находиться в распоряжении старшего, на случай необходимой смены своих товарищей 1-ой, 2-ой и 4-ой дивизии.

Сам маршал распоряжался помощью, показываясь в опасных местах и увлекая всех своей неустрашимостью, свойством его армии.

Варна заключает в своих стенах воинские запасы, материалы и жизненные припасы, назначенные для большой армии, находящейся в походе! Французские, английские и турецкие пороховые погреба находятся в центре пожара и один уже взорвало, всё потеряно… всё… Целый город исчез и с ним народонаселение и 25 тысяч человек, прибежавших из лагеря для спасения!

Благодаря геройской защите, можно было овладеть огнем только около 2 часов утра!

С рассветом представилось грустное зрелище!.. Более половины города и часть наших интендантских магазинов сделались жертвою пламени!

Чему приписать причину сего пожара?.. никто не может объяснить… впрочем, всегда легко поджечь деревянные постройки, даже и без намерения!

Маршал не удерживал рыданий на развалинах Варны. Днем моряки подвезли необходимые припасы и раздача их пошла привычным, правильным порядком.

В то время, как мы под стенами Варны, ждали приказа о начатии действий, генерал Тома сообщил мне достаточно

интересные известия.

Прежде всего, что цель нашей экспедиции в Добруджу состояла в захвате русского корпуса, оставленного при отступлении на правой стороне Дуная. Для достижения сего результата 4500 башибузуков были отправлены за Кюстенджи и должны были перейти на правый берег Дуная. 1-я дивизия прикрывала движение их своим полком зуавов и должна была послать 6–8 батальонов по направлению к Рассове.

1-я дивизия, оставаясь в арьергарде в Мангалии, должна была атаковать русских во фланг, а 2-я дивизия, стоявшая лагерем близ Базарджика, должна быть готова к выступлению туда, где её присутствие будет полезно.

Башибузуки встретили достаточное количество казаков у Кайгарлыка и заставили их отступить, но сами не могли продолжать наступления по предположенному плану, остановленные молниеносной холерой, которая истребила у них более 400 человек в один день, и вскоре перешла затем в две ближайшие французские дивизии.

Вследствие сего маршал был поставлен в необходимость отступить с армиею к Варне.

Во время этого движения 1-я дивизия потеряла более 800 человек, от 20–25 офицеров и из них 4–5 главного штаба, а со времени вступления в лагеря, вообще около 3 тысяч лиц, отправленных в госпитали. 2-я дивизия понесла более важные потери, а именно: около 400–500 человек умершими и 1200–1500 отправленными в лазареты.

Что касается нашей дивизии, то она сохранила самое цветущее санитарное положение. Только наш командир, принц Наполеон подвергся эпидемии и должен был отправиться в Константинополь 8 или 9-го, передав начальство генералу де Моне.

Другая новость, переданная генералом Тома и возбудившая во мне радость, как решенное дело, состоит в предстоящей важной экспедиции либо под Одессу, или в Крым, к Анапе или в страну черкесов. Генерал не мог точно определить, имеется-ли окончательное намерение произвести осаду Севастополя… Я предпочел бы встретиться с неприятелем лицом к лицу, но что делать! пойдем осаждать и Севастополь!

Затем, смотря на карту, мне кажется, что до осады Севастополя необходимо завладеть Перекопским перешейком, с целью помешать русским присылать извне армию и подкрепления городу, и чтоб дозволить осаждающим с уверенностью производить свои работы; мы бы могли иметь тогда надежду на несколько сражений в открытом поле.

Вчера тезоименитство Императора было отпраздновано в наших лагерях очень весело и оригинально. Были устроены все возможные игры, мачта с призами, стрельба в цель и проч., и лагеря представляли большую ярмарочную площадь, оживленную представлениями клоунов, силачей, паяцев, фокусников, жонглеров и прочих артистов из полков.

Ужин был обильный и против обыкновения лучший, в сопровождении экстренного театрального предъявления, а затем праздник продолжался далеко за полночь.

Я аккуратно получил все ваши письма; почтовая и казначейская части устроены у нас прекрасно. Объявление на деньги получено мною так же легко, как на почте во Франции.

13

Лагерь под Джеферликом 25/13 августа 1854 г.

Холера, унесшая из армии столько жертв, заметно уменьшается, больные оставляют лазареты и возвращаются в свои части. Умирает весьма мало. Через несколько дней армия будет готова исполнить все приказания маршала.

Говорят, что генерал Эспинас в немилости, за то, что преступив полученные распоряжения, проник слишком далеко в Добруджу, и что его неблагоразумию необходимо приписать опустошительность эпидемии! Но кто может утвердительно сказать это? Когда приходит несчастье, человеческая слабость заключается именно в способности делать легко ответственным за бедствие одно какое-либо лицо, вместо того, чтоб отнести это к причинам, часто ускользающим от наблюдения.

Принцу Наполеону гораздо лучше, и он скоро должен возвратиться к нам. Его дивизия продолжает по отношению к здоровью находиться в исключительном положении, хотя у нас и были несколько слабых случаев холеры.

Ожидаю веселую суматоху в лагерях…

Приказ получен, мы отправляемся в Крым!

Нет времени для получения подробных распоряжений! Мы сядем через несколько дней на военные суда в заливе Балтчик и на большое количество коммерческих кораблей, нанятых для этого и сосредоточенных в порту Варны.

Прежде всего необходимо привести наш личный багаж в возможно меньший объем, так как мы предупреждены, что на суда будут грузить две лошади и одного мула для дивизионного генерала, одну верховую лошадь для офицера генерального штаба или строевого, и одного мула для шести офицеров. Необходимо, чтоб каждый офицер мог иметь только 12 кило вещей и 5 кило пищевых припасов.

Всё излишнее останется в лагерях, в депо под охраной полка, состоящего из слабосильных. Полковник, по своему усмотрению, назначит для сего офицеров, и несчастные, которым выпадет на долю командование депо, будут осуждены на бездеятельность.

Когда армия высадится, суда возвратятся в Варну и привезут в Крым оставленные нами вещи.

Солдатам относительно лучше, так как они могут сказать подобно Биасу: «всё на себе несу» (omnia mecum porto).

Слышу разговор шепотом, что Черное море бывает весьма неспокойно во время равноденствий, что очень большое число

судов рискуют столкнуться при шквалах, что русский флот, уничтоживший турецкий при Синопе, легко может поднять свои якоря и, пользуясь случаем, нанести ущерб нашей флотилии, обремененной людьми и материалами… Кто не рискует, не выигрывает, и маршал имеет более смысла, нежели все те малодушные, которые жаждут успеха, но без всякого риска…

А звезда Франции?.. Тучи, затемнившие ее на минуту, имели время рассеяться после сорока лет!

Жалею о своей лошади, которую я превосходно выездил; она исполняла на рыси с поводом на шее, все манежные упражнения… и вдруг за ней будут дурно ходить!.. увижу ли я ее когда-нибудь? Попробую оставить ее на свободе или лучше, подарю доброму фермеру, меня всегда так хорошо принимавшему. Что касается моей собственной палатки, сундуков и вещей, то я не беспокоюсь, всё придет ко мне вскоре после высадки.

Я велел составить список людей моей роты, которые мне кажутся менее сильными, так как приходится ограничиться только 75 рядовыми, включая и унтер-офицеров. Хотя и не много, но зато прочно. Предвижу, что явится много недовольных, но не могу поступить иначе, так как по точному приказу маршала, можно вести батальон численностью не более 650 человек.

Произведу строгий осмотр белья и обуви, для того, чтобы все мои люди имели хорошие вещи, и разделю недельную пищевую порцию с таким расчетом, чтоб в походе отряд не лишился бы своей обыкновенной дачи, в случае потери запаса.

Буду осматривать оружие и прикажу переменить то, которое покажется мне испорченным, а также и поврежденные патроны; следует взять с собой только то, что можно употребить с пользой.

Как видите, у меня дела на много дней.

14

Лагерь под Балтчиком 31/19 августа 1854 г.

Случилось то, что я предчувствовал. С неестественным трудом успел я выбрать 60 человек из моей роты, которым приходилось оставаться для охраны вещей, но и эти добрые малые стали приходить ко мне в палатку, с плачем умоляя взять их с собою, и хотя с сокрушенным сердцем, но мне пришлось отказать в их просьбе, пообещав, что они скоро догонят роту, так как, по всему вероятию, армия не предпримет ничего без подкреплений и что может быть до их приезда мы не успеем выпустить ни одного заряда.

Одним словом я употребил всё возможное, чтоб утешить их и предполагал уже, что освободился от просьб, между тем оказалось, что каждый из них снова обратился ко мне отдельно с тем же требованием.

Принц, вполне оправившийся, собрал свою дивизию сейчас же по получении сведения о движении вперед.

28/16 генерал Тома произвел подробный смотр своей бригаде, и лично убедился, что все его распоряжения исполнены как следует. 29/17 большие палатки были сняты, сложены и переданы на хранение лагерной прислуге. 30/18 дивизия вышла в поход и прибыла в Балтчик, где и расположилась лагерем, под маленькими доходными палатками.

Рейд Балтчика заполнен военными и транспортными судами.

1-я дивизия под командой генерала Канробера, должна направиться морем в Варну.

2-я дивизия под командой генерала Боске, села на суда сегодня в 3 часа для отправления в Балтчик.

3-я дивизия под начальством принца и 4-я — генерала Форе сядут на суда завтра для отхода в Балтчик.

Англичане под начальством лорда Раглана, отбудут из Варны на своих кораблях.

Турки под командой Ахмета-паши также перевезены на своих военных судах.

Экспедиционная союзная армия, по сведениям, которые мне удалось собрать, будет состоять из 56 500 человек т. е. 28 000 французов, 22 500 англичан и 6000 турок.

Все приказания о подробностях были отданы с полнейшею точностью и ясностью, устранившими всякую неопределенность.

Я должен буду идти на корабле «Вальми». Это великолепное трехпалубное судно, вооруженное 120 орудиями и вероятно

считается самым сильным во флоте, но вместе с тем и самым тяжелым на ходу. Впрочем, не пугайтесь, в дурную погоду, если нам придется столкнуться с каким-либо кораблем, погибнет конечно не «Вальми».

Не умею описать с каким удовольствием и самоудовлетворением я принимаю меры к участию в этой экспедиции, еще хотя и не выяснившейся окончательно в моем уме, но которая вероятно в самом скором времени приведет нас к действиям.

Вполне надеюсь на своих начальников и верю в самого себя… желал бы, чтоб и вы сами разделили эту веру в нас!

15

На борту «Вальми». 3 сентября/23 августа 1854 г.

1/20 сентября в $7^1/_2$ часов утра, вся моя рота с мешками за спиной, поместилась в шаланде, которую пароход отбуксировал до трапа на «Вальми». Море было спокойно и переход с судна на судно произошел в порядке и без происшествий. В $8^1/_2$ часов все мои люди были помещены в нижней батарее, а свою койку, специально отведенную капитанам, я получил в верхней батарее. На «Вальми» 1200 матросов, а также и принц Наполеон со всем главным штабом 3-й дивизии, весь 22 легкий полк и 6 рот 20 легкого, всего 1750 человек пехоты, так что с экипажем гарнизон этого судна составляет более 3000 человек.

Снаряжение судна находится в таких условиях, что «Вальми» не придется быть бездеятельным, если бы флоту явилась необходимость вступить в бой.

Морские офицеры оказали нам сердечный прием и возможную помощь.

Высшие офицеры обедали за столом капитана корабля, субалтерн же офицеры за столом офицеров-моряков. Ординарцы и фельдфебеля у гардемаринов.

Площадка, на которой мы обедали, вероятно приготовлена для этого специально, так как из стола для 12–15 морских офицеров пришлось сделать его более чем на 100 приборов; прислуга, посуда и проч. и главным образом провизия, также были заготовлены в пропорции, необходимой для всей новой потребности.

Интендант хорошо сделал, приказав заготовить большое количество провианта. Капитан фрегата на вопрос о численности жизненных припасов, которым следовало запастись, отвечал, что необходимо рассчитывать на неделю хода, а потому интендант решил в видах избежания недостатка, взять провизии по крайней мере на 12 дней. Значительный расход для стола офицеров, покрывается излишними запасами, назначаемыми для каждого пассажира.

За ужином, старший офицер-моряк в прекрасных выражениях, провозгласил тост за единение морских и сухопутных армий и во славу нашего оружия, а мы с энтузиазмом опорожнили стаканы, наполненные шампанским, провозгласив: «Да здравствует Франция! Да здравствует Император»!

Единственный случай, как мне рассказывали, произошёл в Варне; шаланда с 60 зуавами была разрезана надвое шедшим

пароходом в момент её отчала от пристани, причем спасено было не более половины людей, остальные же потонули.

С непривычки неудобно взбираться на койку, необходимо прибегать к гимнастике и подниматься на руках; не один капитан должен был на первое время обратиться к помощи товарищей. Я хотел похвастаться ловкостью, но к стыду своему оборвался и, грузно упав на орудие, ушибся.

Видел принца, он выздоровел и у него осталась от болезни только небольшая бледность. Он показался мне озабоченным и обеспокоенным. Дивизия его посажена на суда. 1-я бригада на «Алжир» и «Баярд», 2-я на «Вальми» и «Город Марсель», где находятся и остальные люди моего полка. Все суда принадлежат к кораблям первого ранга.

Маршал, генерал Мартемпри, начальник главного штаба, генерал Тизи, начальник артиллерии, генерал Бизо, начальник инженеров и адмирал Гамелин, командующий эскадрой, помещались на корабле «Город Париж».

Наши солдаты нисколько не потеряли в хорошем расположении духа, хотя дисциплина на судне была строже чем на суше, им жилось хорошо и они получали утром порцию водки и вина за обедом. Всякий день часть пассажиров выходит на палубу подышать чистым воздухом; всё подчиняется строгим правилам, даже указано место, где солдаты могут курить свои трубки. Матросы славные малые и не насмехаются над своими пехотными сотоварищами.

Мы проклинали англичан за их неготовность, задерживавшую нас в Балтчикском заливе, который предполагали оставить еще вчера 3 сентября; турки ожидают также, как и мы… Лишь бы только море было спокойно, вот единственное желание всех.

16

На борту «Вальми». 11 сентября/31 августа 1854 г.

Последнее письмо известило вас о моем устройстве на судне и общем недовольстве на медленность англичан, которые задерживают наше отплытие. Маршал должно быть еще более других и нетерпеливее нас чувствует, как важно произвести высадку в Крыму, прежде чем русские успеют вооружиться и без сомнения, для того, чтоб заставить поторопиться англичан, отдал приказание французской и турецкой эскадрам, поднимать паруса утром 5-го числа.

Контр-адмирал Люго, находившийся на нашем корабле, говорил, что английская эскадра должна сопровождать все коммерческие суда с тяжелым материалом для армии, и что нашему флоту предстоит собраться вблизи Змеиного Острова.

Как бы то ни было, эскадры тронулись в 7 часов утра, все под парусами, колонною в три линии. Французский флот состоит из 15 военных кораблей, из которых шесть нагружены только одним войском, для того чтоб быть готовыми к бою, — много фрегатов и несколько небольших транспортов с артиллерийскими запасами. Турецкий флот состоит из 9 военных кораблей и идет также колоннами на одном уровне с нами.

Этой внушительной эскадре предшествуют и идут с флангов лоцманские пароходы, назначенные для указания пути.

Море, всё время спокойное, покровительствует нашему путешествию.

Возле Змеиного Острова, флот остановился для ожидания англичан. 8-го на рассвете на горизонте показались маленькие черные точки, и я поспешил на ют. Наконец то идет английский флот со всей коммерческой флотилией!

Не нахожу возможным объяснить вам то чувство, которое испытал, увидя эти сотни кораблей, постоянно увеличивающиеся на горизонте! Сердце мое успокоилось и мне казалось, что я заплачу! Кто может бороться с такой силой? О Франция, как ты велика во всём, и как я горжусь быть французом! Никогда, ни в какую эпоху истории, не бывало сосредоточено в одном месте флота, состоящего из 90 военных кораблей и 350 транспортных парусных и паровых судов!.. лес мачт.

Английская эскадра, вместо того чтоб войти в линию колонн, как мы ожидали, продолжала свой путь по направлению к северу, и вечером мы потеряли из виду её корабли и транспорты. Я узнал вчера, что они направились к Одессе, чтоб сделать диверсию к

ложной высадке в этом месте и ввести этим русских в ошибку. Мы же продолжали свой путь к Востоку.

Офицеры «Вальми» по-прежнему предупредительны к нам. Подается шампанское или бордо каждый день к обеду, сотерн к завтраку, и мы очень довольны таким столом.

После обеда, с особого любезного разрешения, мы выходим на ют, обыкновенно назначаемый для высших офицеров, беседуя о вероятностях будущего. Здесь часто прогуливается принц, и хотя он охотно разговаривает только с офицерами высших чинов, но мы хорошо слышим всё, о чём он рассуждает с ними. Он критикует в резких и горячих выражениях нашу высадку в Крыму. Если нам, субалтерн-офицерам, приходится не одобрять своих начальников, то никогда мы не делаем этого перед подчиненными, а поэтому его выражения по сему поводу нас не трогают и не удовлетворяют.

Сегодня море немного волнуется, и я подвергся морской болезни, чувствуя облегчение только в лежачем положении, весьма впрочем неудобном для письма.

13/1 сентября 1854 г.

Море делается беспокойным, хотя еще и не опасно. Однако адмирал решил более благоразумным бросить якоря. Мы находимся вблизи Тарханкутского маяка.

Предположения выясняются. Английская эскадра и транспорты соединились с нами, и флот в комплекте! По всему вероятию, нам предстоит высадка на одном из пунктов прибрежья полуострова.

Говорят, что маршал желал бы выйти на берег возле устья реки Качи, между тем, как по мнению лорда Раглана следует высадиться на Ольдфордском берегу.

Небольшой пароход «Карадок» с генералом Канробером и английским генералом Блумом, адмиралом Брюа и полковником главного штаба Трошю отправился для осмотра берега: окончательное решение о месте высадки будет принято по его возвращении.

Здоровье маршала с каждым днем ухудшается и только благодаря своей железной воле, он превозмогает болезнь… Да сохранит его Бог для нас до окончания кампании, на славу Франции!

«Карадок» возвратился, имея возможность приблизиться к берегу только на расстояние полувыстрела, и обозрев более внимательно устье Качи и Ольдфордскую плоскость, которые представляют одинаковое удобство для высадки.

Лорд Раглан решительно желает высадиться в Ольдфорде, и

маршал соглашается с его мнением. Мы имеем эти подробности от принца и контр-адмирала Люго, который ездил на корабль «Город Париж» для получения инструкций.

Море сделалось спокойным и весь флот подвигается в стройном порядке, строго соблюдая интервалы между кораблями. Какой величественный вид! Я жажду морского боя! и желал бы видеть эти великолепные, колоссальных размеров корабли, в схватках с русскими судами, слышать гром 3000 орудий, находящихся на наших бортах!

А всё-таки да избавит нас Бог от этого! какая бы ни была судьба сражения, всегда это дело рискованное.

Мы увидели землю и вскоре затем небольшой город Евпаторию, а на возвышенностях возле него 12–15 ветряных мельниц.

Четыре роты пехоты под руководством полковника Трошю, сев в шлюпки, направились к городу и высадились, не встретив ни малейшего сопротивления; несколько русских солдат, составлявших гарнизон, сдались без выстрела и наши люди расположились в их казармах.

Маршал снова вызвал к себе всех начальников для снабжения их последними указаниями, так как высадка должна произойти завтра.

Предвижу, что у меня будет много дела.

Будущее письмо напишу на материке, на что я не посетую, несмотря на удовольствия путешествия на корабле, так как буду рад моциону.

Думаю, что наш интендант не должен быть в претензии за очищение судов от войска, потому что провизия его истощилась и уже в продолжении нескольких дней мы получаем наши роскошные припасы вперемежку с войсковыми: свиным салом, сухими овощами, чечевицей и проч. Нет более ни шампанского, ни тонких вин. Действительно, хорошее время для ухода с судов. Мы оставляем «Вальми» без сожаления, но сохраним лучшие воспоминания о приеме, оказанном нам моряками, считая себя обязанными им благодарностью, и постараемся воспользоваться всяким случаем, чтоб отплатить им тем же.

14/2 сентября, утром.

Корабли с войском немедленно приблизились к берегу, буксируемые пароходами, сохраняя порядок и интервалы между собой в 350–400 метров. Все ротные командиры получили подробные инструкции для исполнения высадки и сообщили их своим командам; всё предвидено, всё обдумано.

На возможном для обозрения горизонте не видно неприятеля,

что является хорошим предзнаменованием.

Люди завтракают и берут в мешки ужин, а в запасе будут иметь провиант, полученный в Балтчике на неделю. Офицеры собираются для завтрака.

Кончаю свое письмо. Будьте уверены, что всё пойдет хорошо.

Часть флота отделяется от эскадры и направляется к востоку, чтоб произвести, как уверяют, ложную высадку в другом месте в целях отвлечения внимания неприятеля.

Еще раз, будьте спокойны.

17

Лагерь под Ольдфордом. 18/6 сентября 1854 г.

Высадка произведена в точности, согласно приказаний 14/2 сентября.

За сигналом с адмиральского корабля, шаланды находившиеся на флангах эскадры и всевозможных видов транспорты были отправлены к кораблям для снятия с них солдат. Маленькие пароходы брали транспорты на буксир и приводили возможно ближе к берегу.

Чтоб высадиться, люди сходили в воду по колено, и достигали берега вброд. Генералы подавали пример, идя во главе своих частей. В 2 часа вся пехота была уже на материке, а в 5 часов на суше были 60 орудий, обоз, лошади и даже наши вьючные мулы.

Фланкеры, под руководством офицеров главного штаба, не теряя времени, разбили боевую линию, на которой мы должны поставить свои походные палатки и в 6 часов мы уже заняли свои места. Лагерь был устроен. Линия его описывает полуокружность, опираясь своими концами в море. Французы на правой стороне, англичане на левой. Дивизия принца занимает середину этого полукружия, а турки в центре примыкают к морю.

Высадка предполагалась на всю ночь, но поднялся ветер и принуждены были прекратить ее.

Мы должны быть благодарны морским офицерам, за настояния их в минуту отбытия с корабля, взять с собой на каждого по два хлеба в килограмм весом, так как без этой предосторожности были бы поставлены в необходимость лечь спать без завтрака, питаясь воздухом. Не было ни воды, ни дров близко к нашему лагерю и солдатам пришлось закусывать насухо, тем, что взято с корабля и лишиться своего кофе.

Поставили обычный главный караул и каждый лег спать, довольный этим первым и удачным переходом.

На следующий день 15 сентября с восходом солнца, я был уже на ногах, перед передней линейкой, собирая сведения от солдат, вставших еще ранее и возвращавшихся из окрестностей нашей стоянки. Каждый из них нес две больших манерки, одну с водой, другую с вином; многие были с гусями, утками и курами добытыми мародерством. Я отправился по указанию их в деревню за 4 километра, вполне убежденный, что там совершаются действия, противные дисциплине.

Напавши в скором времени на род погреба для вина,

устроенного посреди виноградника, я встретил здесь несколько солдат, проклинавших предупредивших их товарищей. Действительно, для наполнения своих манерок, они пробили штыками 60 или 80 бочек с вином и в погреб можно было проникнуть по колено в вине.

Я продолжал свой путь, встречая большое число зуавов, тюркосов и пехотных солдат, нагруженных съестными припасами; в деревне такая же толпа! Солдаты всех оружий, уведомленные товарищами, спешили принять участие в грабеже. Какое печальное зрелище!.. Я был взволнован… но чувствовал себя бессильным!

Впрочем мародеры не воспользовались принесенной добычей.

Генерал Тома, бригада которого занимала передовые посты, отдал приказание задерживать всех возвращающихся солдат и отбирать у них на полицейском посту все найденные припасы. Было отобрано более чем две тысячи штук птицы, которые затем раздавались поровну офицерам и солдатам. Первые получали две части, из которых одна была послана морским офицерам на «Вальми», обратившим их в корабельные запасы.

Были высланы разъезды вперед на несколько лье. Англичане захватили обоз, состоявший из 60 арб, нагруженных мукой, а французам посчастливилось доставить в лагерь кроме 15 арб муки, еще и стадо быков. Интендантство может, следовательно, снабжать войска свежим и несомненно хорошего качества мясом.

В полдень того же дня, беседуя с некоторыми товарищами о предстоящих действиях, мы отправились на небольшую возвышенность для осмотра плоскости, куда пришли и английские генералы Броун и Кодрингтон, которые были весьма любезны с нами и предложили свои зрительные трубки. Мы узнали от них, что русские перешли на левый берег Альмы с намерением ожидать в очень сильной позиции наступления союзной армии.

Я был счастлив, узнавши эту новость, так как по природе своей, люблю лучше нападать, чем защищаться, и кроме того уверенность, что нас не обеспокоят до назначенного времени, дает большое умиротворение телу и душе.

Вообще же английские офицеры не обладают деликатностью своих генералов, о которых я упоминал. Вы можете судить об этом по следующему случаю. На другой день по высадке, море всё время неспокойное, не позволило выгрузить на берег кухонный материал и припасы для английских офицеров, и они, лишенные этого, были в большом затруднении. Увидев группу из 3–4 офицеров, проходивших возле наших палаток, с головами быков из нашей бойни, освобожденных от всех мясных частей, мы

заметили, что следом за ними шли другие офицеры, не успевшие воспользоваться таким счастливым случаем, как их товарищи.

В это время перед палаткой шесть офицеров моей роты собирались садиться за обеденный стол, меню которого состояло из хлебного супа, вареной говядины, утки от упомянутого распределения птицы накануне, и наконец салата из сухой фасоли. Объяснив своим товарищам желание оказать сердечное участие этим англичанам, я возможно деликатнее пригласил двух их офицеров разделить с нами трапезу, чем они немедленно и воспользовались с нескрываемым удовольствием. Каково же было наше удивление, когда эти господа без всякой скромности и церемонии стали брать прежде всех себе большую половину блюд! Может быть, они не ели в продолжении 36 часов, и в таком поступке можно бы было видеть только грубые потребности голодного желудка, если б уходя они хотя поблагодарили бы за оказанную им услугу. Но нет, они удалились с надменным видом и на следующий день, при двух встречах, прошли мимо наших палаток, даже не кланяясь с нами.

Убежден, что у них весьма мало так дурно воспитанных офицеров и что вообще английские офицеры вежливы, но для начала сношений это не ободряет. На будущее время стану оказывать им услуги только по просьбе.

Третьего дни утром, я и мой товарищ Жандр отправились в ближайший к деревне замок. Мы были приглашены дивизионным переводчиком на завтрак, состоявший из чаю, свежих яиц и ржаного хлеба. Переводчик нашел в этом замке прислугу польку, свою соотечественницу, принявшую его с распростертыми объятиями и отдавшую в распоряжение его всю провизию, которую она могла припрятать. Этот замок легкого стиля и прекрасно меблированный, занят по военному положению лордом Рагланом и ротой английских солдат. Он принадлежит старому русскому генералу, который жил здесь со своей дочерью и зятем и, узнав внезапно о нашей высадке, приказал заложить экипаж и быстро уехал, оставив дом на охранение двух или трех слуг. Отъезд его был так поспешен, что мы нашли еще фортепиано открытым, и несколько ручных дамских работ на столе.

После превосходного завтрака отправились в накануне разграбленную деревню, где стояли часовые, не допускавшие солдат, но бедные жители не были еще убеждены в своей безопасности. Наш приход в страну их разорил. Как печальна эта внутренняя война!

15/3 и 16/4 числа были очень благоприятны для выгрузки оставшегося на кораблях материала, и теперь нас ничто не задержит в движении вперед. Но не то у англичан, которые

никогда не спешат. Говорят, что маршал очень досадует на них за это, и уверяют, что он высказал лорду Раглану в весьма живых выражениях, печаль испытываемую им по поводу такой медлительности, которая дает время русским выжидать нас на укрепляемых ими высотах.

Наконец приходит приказ о походе, — мы снимаемся завтра 19-го из лагеря и идем вперед!

Через два или три дня встретимся с русскою армиею, и вы узнаете прежде чем получите это письмо о результатах нашей первой встречи! Убежден, что будем иметь блестящий успех, и что знамя моего полка впишет в свои складки лишнее имя победы.

Не тревожьтесь, вы получите известия обо мне с первым курьером после сражения, если же случайно не будет этого письма, то всё-таки не беспокойтесь, так как это значит, что служба помешала мне выбрать время для сообщения вам о себе.

С большим доверием иду против неприятеля! Молитва матушки должна мне принести счастье!.. Вперед!..

18

Поле битвы под Альмой 20/8 сентября 8 часов вечера.

Победа! Победа! Победа!

О, как я горжусь быть французом. Подробности?.. Вот они:

Неприятель на крутых высотах, у подошвы которых течет Альма.

С нашей стороны: две боевые наступательные линии.

Первая: первые бригады стрелков каждой дивизии.

Вторая: вторые бригады в развернутом фронте, в 300–400 метрах за первой линией.

В час пополудни раздается выстрел из орудия дивизии нашего правого фланга, назначенной для атаки.

Затем: бум… бум… пиф… паф… паф… бум, пан, пан, бум, пан, пан… Вперед! в штыки!

Первая линия переходит реку…

Вторая подходит к самой Альме… бум, бум… пан, пан, пан, бум, пан, пан… Вперед! Вперед! в штыки!..

Первая линия достигает гребня высот…

Вторая линия переходит реку…

Бум… бум… пан, пан… Вперед! Вперед! в штыки! в штыки!..

Русские отступают. 3 часа… сражение выиграно. Молитвы моей матери услышаны!

19

Поле сражения под Альмой 22/10 сентября 1854 г.

Я провел весь день 21/9, осматривая поле сражения и могу вам сообщить подробности не такие краткие, как те, которые послал тотчас после дела.

19/7 мы оставили Ольдфордскую плоскость в 7 часов утра, причем французская армия была расположена уступами:

В голове 1-я дивизия (Канробера) в боевом порядке в полковых колоннах.

Направо, вдоль морского берега, 2-я дивизия (Боске) в двух колоннах, состоящих каждая из бригады.

Налево 3-я дивизия (принц Наполеон) в двух колоннах, по бригаде каждая.

В арьергарде турецкая дивизия, также в двух колоннах.

В середине эшелонов генеральный штаб, офицерские вещи, резервная артиллерия.

За турками войсковой обоз, походные лазареты и все предметы, составляющие помеху (impedimenta)?

Наконец, в замке в качестве резерва 4-я дивизия (Форе).

Артиллерия каждой пехотной дивизии, состоящая из двух батарей идет в интервалах колонн.

Английская армия не была готова к назначенному часу движения и могла выступить только около 10 часов, соединившись с нами вечером и заняв место на нашем левом фланге.

Флот поднял якоря в час, назначенный маршалом и подплыл возможно близко к берегу, остановившись на высоте 1 дивизии, чтоб быть в состоянии, если понадобится, оказать нам поддержку своей тяжелой артиллерией.

После 5 часов похода в таком порядке, по совершенно обнаженной и бесплодной долине, мы достигли при очень хорошей погоде небольших высот, отделяющих бассейн Альмы от незначительной, летом пересыхающей реки называемой Булганак.

В походе развлекались скачками зайцев. Бедные, сильно напуганные животные, убегая от одной колонны, встречали другую и очень трудно было запретить солдатам воспользоваться этим, хотя такая охота нарушала порядок, скоро впрочем восстановляемый.

Поставили палатки на прилежащей к западной части возвышенности и всякий предался заботам, обычно являющимся по вступлении в лагерь.

Недоставало воды для супа и кофе и необходимо было рыть колодец в сухом ложе реки, где на небольшой глубине и найдена была вода в количестве достаточном для всех нужд.

В это время я взошел на вершину возвышенности… Ах! на этот раз я увидел неприятеля!!

В бесплодной долине, которую мы только что миновали, предо мной представились русские кавалерийские разъезды, которые двигались рысью или галопом во всех направлениях, в то время как наши передовые посты делали по ним несколько выстрелов.

Вскоре затем колонна русских из двух или трех эскадронов показалась из-за высот на левом фланге нашей передовой цепи, состоявшей из 30 человек моего полка, и направилась в атаку, вследствие чего взвод английской кавалерии (25 гусар), стоявший за небольшим пригорком, быстро понесся галопом, на значительную колонну русских и сделав в упор залп из своих штуцеров, возвратился без преследования под прикрытие своей пехоты.

В тоже время английская артиллерия и наша 1-й дивизии построилась в развернутом боевом порядке и своими гранатами заставила русскую кавалерию возвратиться на то место, откуда пришла.

При этих стычках полковник главного штаба Лагонди с плохим зрением, думая догнать взвод английской кавалерии, устремился по направлению к русским эскадронам и попался в плен.

День, 20/8 сентября.

В 6 часов утра, после свежей, почти холодной ночи, все выдвинутые вперед отряды возвратились в лагерь, позавтракали кофе и уже в 7 часов были готовы к выступлению.

Солдаты, без всяких приказаний, позаботились о своих ружьях, и всякий чувствовал, что будет «жарко» (que ça va chauffer) все были веселы и в добром настроении духа, внушающем доверие.

Но в 10 часов, мы еще не были в пути и причиной такого опоздания были опять англичане, которые вместо того, чтоб выступить в 7 часов утра, тронулись только в 9-ть.

Я взошел на высоты, заслонявшие нам долину и увидел слева английские колонны, которые направлялись на правый фланг русских; на нашем же правом фланге держалась возле моря дивизия Боске.

В 10 $^{1}/_{2}$ часов мы получили приказание идти вперед.

Долина, по которой предстояло наше движение еще ровнее

той, если только это возможно, которую мы прошли накануне, и неприятелю, находящемуся на крутых высотах левого берега Альмы, вполне удобно пересчитать нас и следить за всеми нашими движениями.

Мы медленно и стройно подвигались по направлению реки, в том боевом походном порядке, как и накануне и около 11 часов остановились приблизительно в 4 километрах от Альмы, чтоб перестроиться в наступательный боевой порядок.

Две дивизии центра (1-я и 3-я) построились в две линии, первая из первых бригад, в развернутом порядке, вторая из вторых бригад приблизительно в 300 метрах сзади, в сомкнутых батальонных колоннах. Этим двум дивизиям поручена фронтовая атака.

Дивизия Боске, назначенная для атаки левого неприятельского фланга, продолжала свое движение колоннами, параллельно морскому берегу.

Англичане, которым предстояло атака правого русского крыла, направлялись на два земляных редута, на которые это крыло опиралось.

Флот, стоящий у нашего правого фланга для настильного обстреливания берега, готов к прикрытию своим артиллерийским огнем нашего фронта.

Нам ясно были видны русские позиции, а на высотах многочисленный главный штаб и даже группы дам, приехавших вероятно из Севастополя, чтоб посмотреть, как будет опрокинута в море французская армия.

Маршал стоит недалеко от нашей дивизии и его окружают много генералов в ожидании получения, как я полагаю, окончательных инструкций. Через несколько минут они галопом разъехались к своим частям.

Деревня Бурлюк, глинобитной постройки, расположенная перед нашим фронтом, была подожжена русскими и густой дым, ветром направляемый в нашу сторону, мешал нам видеть далеко вперед.

В $12^1/_2$ часов первые бригады 1-й и 3-й дивизий развернулись в рассыпной строй, а вторые бригады построились в батальонные колонны.

В этом порядке первая линия подошла на расстояние выстрела к неприятельским стрелкам, засевшим в виноградниках и садах по правому берегу Альмы, идущих полосою около 200 метров.

Во время этого движения центра вперед, дивизия Боске перешла реку в брод возле её устья, не встретив неприятеля и взобралась со своей артиллерией, втащенной на руках на высоты,

считавшиеся неприступными и была немедленно поддержана бригадой дивизии резерва (Форе).

Англичане в тоже время подошли к фронту правого фланга русских и двум земляным редутам.

Русские, считавшие свой левый фланг обеспеченным от всяких опасностей по причине почвенных неудобств, оставили его совершенно открытым и поместили свои резервы позади своего правого фланга. Когда их главнокомандующий Меньшиков узнал, но уже поздно, что французская дивизия появилась на плоскости, подвигаясь во фланг его армии, и не имея времени призвать свои, весьма удаленные от этого места, резервы, он переместил часть войск из центра для подкрепления левого крыла.

В это время неприятель, в надежде замедлить нашу атаку с фронта и чтоб дать возможность прибыть своим резервам, открыл артиллерийский огонь, но ядра только докатывались до нас, по причине отдаления; всё-таки действие их беспокоило нас, так как полет их был виден ясно и можно было даже следить за ними. Когда один из таких снарядов падал по направлению батальона, то испуганные люди бросались из строя в стороны, и только после пролета ядра возвращались на свои места.

Принц Наполеон и его штаб держались на конях между двумя батальонами моего полка и я был в десяти шагах от принца, когда снаряд принял направление к его группе.

Помощник военного интенданта, видя опасность, угрожавшую ему, хотел избежать её, подвинув свою лошадь направо и этим движением оттолкнул лошадь принца в сторону и снаряд ударил в помощника интенданта, оторвав ему ногу; может быть, если б он не сделал никакого движения, жертвою был бы принц, но последний не испугался и оставался продолжительное время возле батареи, которая потеряла убитыми 7 человек и 8 лошадей.

Ядра стали падать всё в большем числе и принц приказал развернуть наши батальоны, чтоб сделать глубину расположения войск меньшей и быть в лучшей возможности поддержать первую линию.

Мы оставались в большом недоумении относительно дивизии Боске. Сначала, следя за всеми её движениями, мы потеряли ее из виду, как только она достигла плоскости, но затем услышали её первый пушечный выстрел.

Был ровно час пополудни, и этот выстрел раздался во всех сердцах, так как являлся сигналом общего наступления.

Стрелки 1-ой и 3-ей дивизии бросились вперед, выбивая неприятельских застрельщиков, засевших в виноградниках и заставляя их отступать за реку, переходя ее вслед за ними; бросив

ранцы на землю, они начали взбираться на склоны возвышенностей, вершины которых занимались русскими.

Нам, второй бригаде было видно это движение вперед и мужество и энтузиазм наших стрелков, заставляли нас завидовать их участи!

Но вот произошла небольшая остановка на уступах холмов! Русские, храбрые как и их противники, не уступали своих позиций и не отступая предоставляли их взять, схватившись штыки в штыки!

Тогда принц отдал приказание нашей бригаде перейти реку, для подкрепления первой линии и люди, побросавши на землю ранцы кое-как где стояли, бросились вперед.

Сотни гранат и ядер были направлены в нас, но многие из них перелетали цель, мы же быстро, подавались вперед, обходя препятствия и взбираясь на склоны, уже взятые первыми бригадами.

Неприятельская линия, не получая подкреплений, ослабела и наконец подалась назад.

Наша бригада появилась в развернутом порядке на плоскости.

В эту минуту дивизия Боске, отваге которой был обязан в большей части успех дня, выдерживая неравный бой в продолжение часа с лишком, геройски сокрушила геройскую же защиту и заставила неприятеля отступить.

Что касается англичан, назначенных для атаки левого фланга, то они направились на редуты, возведенные русскими для прикрытия своего правого крыла, не спеша, шагом и с оружием в правой руке; два раза они не могли достичь подошвы укреплений, несмотря на их хладнокровие и выдержку, и только при третьей атаке, наконец овладели пунктом опоры неприятельской армии. С этого момента борьба сделалась невозможной, наши соперники сознали это и стали поспешно отступать.

3 часа, сражение выиграно…

Знамя Франции развевается на телеграфе, центре неприятельской позиции…

В то время, когда вторые развернутые бригады получили приказ преследовать неприятеля, для того, чтоб дать возможность первым бригадам воспользоваться вполне заслуженным отдыхом, маршал, в парадной одежде, проехал галопом перед фронтом войск, отдавая честь заметным жестом, последовательно всем знаменам. Неистовое ура сопровождало эту гордую, освещенную торжеством фигуру и крики энтузиазма «Да здравствует Франция!» «Да здравствует Император!» «Да здравствует

маршал!» вырывались из груди всех.

Чувство, которое испытывает каждый в минуту уверенности, что сражение выиграно, нет возможности выразить. Это совершенно особое возбуждение ни с чем, я думаю, не сравнимое и его необходимо испытать, чтоб отдать в нём отчет.

Вторые бригады, также в развернутом боевом порядке, выдвинулись вперед и остановились в 5 километрах от реки, а русские продолжали свое отступление в хорошем порядке, не прибегая к защите.

Около 5 часов, мы возвратились назад за ранцами, оставленными на левом берегу Альмы, а затем все войска поставили палатки на местности, которая была занята утром русскими.

Турки не принимали участия в битве и служили общим резервом.

4-я дивизия, составлявшая резерв 1-й линии, отделила бригаду для подмоги дивизии Боске, когда та заняла плоскогорье. 2-я бригада в свою очередь достигла вершины в то время, когда наша вторая линия замещая первую, оставила эти высоты для преследования неприятеля.

В 7 часов вечера лагерь устроился; солдаты, успевшие выпить только кофе, не теряли времени для приготовления супа, который был уже готов в $8^1/_2$ часов, хотя свиное сало еще не вполне проварилось.

В 9 часов все, усталые и счастливые заснули глубоким сном.

Мне хотелось до ночи возвратиться на место битвы, чтоб отыскать нескольких раненых, мимо которых я проходил… О! если чувство победы возбуждало меня, то посещение поля сражения сильно тронуло мое сердце!.. Особенно на вершинах высот, где борьба была оживленнее, где неприятель бился с нами грудь с грудью, я нашел раненых, лежащих большею частью по двое вместе, и часто русский и француз в таком положении помогали друг другу перевязывать раны, передавая взаимно свои манерки, и хотя не говорили на одном языке, но понимали и сожалели друг друга.

Долг исполнен и исполнен блестяще, а затем не осталось и следа, ненависти у этих людей, несколько часов перед тем изыскивавших возможные средства для взаимного умерщвления. Человечность входила в свои права… Мимо меня прошли зуав, раненый в руку, поддерживавший русского, раненого в ногу. Оба тяжело ступая, плелись на перевязочный пункт.

Я встретил также нескольких несчастных раненых, умолявших меня о духовной помощи, но ввиду невозможности исполнения желания их, я всё сделал, чтоб утешить их, убеждая,

что Бог прощает все грехи раскаявшемуся, и что великодушная смерть солдата за свое отечество Ему особенно приятна.

Эти простые слова переродили их… черты лица прояснились… и они, казалось, испытывали успокоение, которое делало их последние минуты менее жестокими!

Возвращаюсь к мысли, которую уже излагал вам несколько недель тому назад, что полезно бы было дать каждому священнику помощника. Первый оставался бы в лазарете, между тем как другой посвятил бы себя требам в лагерях и на полях сражений.

Я отправился также на перевязочный пункт, устроенный по обыкновению на открытом воздухе. Здесь раненые были перемешаны без различия национальностей, в том порядке, как их принесли носильщики, и последовательно осматривались докторами, фельдшера же производили первую перевязку. Им приносили кофе, суп, говядину, смотря по положению, покрывая на ночь хорошими одеялами, одним словом оказывали возможные заботы.

Вчера и сегодня прошли в перевозке на мулах к судам французских и русских раненых, где они будут содержаться более комфортабельно. Затем наши корабли перевезут их в Константинополь, где для них приготовлены снабженные провиантом госпитали. Все убитые солдаты были погребены на местах их смерти.

Мой бригадный генерал Тома был ранен в нескольких шагах от меня, в ту минуту, когда после перехода через реку, он указывал мне направление, по которому следует идти для того, чтоб достичь вершин высот. Я оставил его в мертвом пространстве около стены укрепления. Он расстегнул свой доломан, и я заметил небольшую рану, из которой сочилась кровь каплями. Вчера 21 генерал прощался со своими людьми, выражая сожаление, что не может следовать с нами в минуту начала славной эры битв и опасностей.

Со всех сторон подходят офицеры с рассказами об эпизодах, в которых они принимали участие или о чём успели узнать от раненых русских офицеров.

Говорят, что Меньшиков не допускал возможности движения генерала Боске на его левый фланг, и отвечал доносившему ему об этом офицеру, что склоны неприступны, и что ему из страха чудятся везде французы. Затем несколько позднее, узнав, что дивизия действительно взобралась на плоскость, он сказал: «Нет причины бояться, так как это погибшая дивизия».

Наконец когда факт стал очевидным при громе на левом фланге ружейной пальбы, Меншиков опрометчиво взял людей из

центра, чтоб разом покончить с этой неожиданной атакой, а затем, вследствие ослабления центра неприятеля, последовало наше стремительное нападение на него с фронта.

Рассказывают, что английская кавалерия, за ошибочностью принятого ею направления, не могла принять участия в сражении, так как попала в болото, из которого с трудом вышла.

Вероятно, английская кавалерия, имевшая в строю две тысячи лошадей, могла бы быть полезна в то время, когда неприятель начал отступать и мы забрали бы большое число пленных и изрядное количество орудий.

В довершение этих россказней (racontars) передают, что маршал взбешен англичанами, которые под предлогом того, что им пришлось больше перевозить раненых, и что они более удалены от судов, не захотели идти вперед ранее 21-го, и дали таким образом время русским оправиться после битвы.

Мы взяли нескольких пленных, двух генералов и частного секретаря Меньшикова, забрали много оружия и несколько повозок и между ними фургон главнокомандующего, с бумагами, заключавшими самые точные сведения о составе нашей армии, её организации во время отбытия из Варны, о снабжении её припасами, нравственном состоянии и проч.

Этот славный день стоил французам: 136 убитыми, 251 легко ранеными и 852 более серьезно; англичанам: 400 убитыми, 1600 ранеными. Русские потеряли убитыми и ранеными 5–6 тысяч человек. Наша наступательная линия была на протяжении около 5 километров, оборонительная же линия около 3-х километров.

Завтра 23/11 мы идем к Севастополю… Вперед…

P.S. Забыл сказать, что проходя по полю сражения, я поднял возле убитой русской лошади очень хорошенький хлыстик с головкой коня из платины, и попавшие в землю серебряные кольца, которые буду хранить заботливо, чтоб передать своему батюшке, как воспоминание о дне Альминской битвы.

20

Лагерь под Балаклавой 28/16 сентября 1854 г.

23/11 утром союзная армия двинулась вперед. Батальоны 4-й дивизии (Форе) в развернутом фронте, под прикрытием стрелков, составляют первую линию.

2-я и 3-я дивизии (Боске и Наполеон) в батальонах сомкнутыми колоннами вторую линию.

1-я дивизия (Канробера) составляет резерв.

Англичане идут наравне с нами на левом нашем фланге. Турки сзади за обозом.

Флот, придерживаясь берега, остается на нашем правом фланге. Несколько разведочных пароходов идут впереди и указывают путь.

Мы спускаемся по склонам возвышенной плоскости, взятой 20-го числа, и останавливаемся вечером на левом берегу Качи.

Эта река очень похожа на Альму, и на её зеленеющих и обработанных берегах находятся значительные огороды и виноградники с дорогими сортами винограда. Невдалеке от нашего лагеря видно несколько деревень, куда быстро направились наши люди, и где с трудом мы достали несколько гусей и уток, ускользнувших от русских мародеров.

24/12 продолжаем свой поход в том же порядке, как и накануне. Дивизия Боске составляет в свою очередь арьергард, а дивизия Наполеона авангард.

Те же места, те же обнаженные долины до самого Бельбека, другой реки, имеющей одинаковый вид с Альмой и Качей. Берега первой еще более плодородны, чем берега остальных двух речек.

Мы остановились на холмах левого берега, среди леса и находимся только в нескольких километрах от северных укреплений Севастополя. Наши солдаты находят в соседней деревне немного провизии, улучшающей их обед, и пользуясь случаем, разоряют и предают огню прекрасный замок, под тем предлогом, что он был построен пленными в войну 1812 года французскими солдатами.

26/14 армия, вместо того, чтоб идти прямо на Севастополь, внезапно изменяет направление весьма трудным фланговым движением через лес.

Наше движение очень затрудняется, так как мы должны каждую минуту останавливаться ввиду препятствий и малой ширины тропинок. Положение было бы критическим, если б неприятель застиг нас в этом беспорядке.

Вновь появилась холера, и многие во время похода, падали как пораженные молниею, и должны были ожидать прохода лазаретных мулов. Около полудня, я сам почувствовал возбуждение в мозгу, у меня потемнело в глазах, и едва я успел выйти из строя, как опустился на землю и потерял сознание (В эту минуту матушка должно быть молилась за меня).. Побуждаемый чувством, которое не могу объяснить, я машинальным движением вынул из своей небольшой священной ладанки, которая всегда при мне, флакон с эликсиром Гранд Шартрез, который обещал вам взять с собою, и почти весь выпил его одним духом!.. Не знаю, что произошло в продолжении 5–10 следующих минут, но я встал, не чувствуя никакого недомогания, догнал свою роту, остановившуюся сто шагов далее, и мог без усилий дойти до бивуака, на который мы пришли в 9 часов вечера.

Мы вышли из лагеря в 6 часов утра и могли сделать в 15 часов лишь 10–12 километров.

За нашей дивизией шла остальная армия. Ночь была темна, направления едва указаны, и есть предположение, что много людей заблудилось при таком трудном переходе по этому лесу. Принц отдал приказание зажечь большие костры на прогалинах, где было можно, и во что бы то ни стало разбить походные наши палатки и поочередно заставил трубить всю ночь в полковые сигнальные рожки, с целью сбора заблудившихся.

Около 3-х часов утра армия почти собралась, правда, немного в смешанном виде, но зато в одном месте. В этот день никто ничего не ел и не пил, по случаю невозможности отыскать капли воды! Офицеры и солдаты умирали от жажды! Простые рядовые тщетно предлагали 10 франков за манерку воды.

Около часу утра, мой вестовой вандеец, по названию Какино, проскользнул в мою палатку, где уже спали 4 офицера и растолкал меня, а когда я с досадой спросил, что ему нужно, то он отвечал шепотом, что ему необходимо переговорить со мною наедине. Отослав его ко всем чертям… но, зная его обычную скромность, я вышел из палатки.

«Что такое?» — спросил я.

«Потрудитесь подойти сюда, капитан».

И приблизясь к моему уху он тихо прибавил:

«У меня есть вода».

Добрый малый боялся, что если его услышат, то украдут его манерку.

Велев ему взять из моего погребца вазу и кофейник, мы оба, как преступники, поставили тайком вазу на огонь, считая, что лучший способ воспользоваться водой будет обращение ее в

горячий кофе.

Затем он рассказал мне, что узнав о случившемся со мной в пути предположил, что я буду иметь большую нужду в живительном питье, и не отыскав воды по прибытии, возвратился назад, чтоб достать ее; долго ходил в темноте и только голоса привели его к кучке солдат, сидящих на корточках вокруг подобия колодца, который они вырыли в одной лощине. Спрятавшись, в благоразумном ожидании, когда они наполнят свои манерки, он наконец успел налить и свою и принес ее мне, потеряв целый час на отыскание моей палатки.

Я разделил кофе на две части и, выпив с жадностью свою, другую отдал своему доброму солдату. Рассказываю вам этот факт, чтобы вы могли судить о моем чувстве благодарности ему, если мне лично и невозможно будет выказать этого ему самому.

На следующий день, 26 сентября, палатки были убраны и батальоны построились в обыкновенном порядке. Отдохновение и свежесть ночи умерили солнечный зной и действительно, все весело выступили в поход, покидая без сожаления это ужасное место, прозванное лагерем «Жажды».

Англичане шли впереди, и в этот день не опоздали. В 3 часа утра они построились и направились на восток. Вскоре затем они пошли по большой дороге из Севастополя в Симферополь, и мы услышали перед собою выстрелы, а вскоре я узнал, что англичане захватили часть русского обоза, отправившегося из Севастополя, и завладели несколькими повозками с провиантом.

В нашу очередь мы дошли до большой дороги, которая раздваивается на высотах у фермы, называемой Мекензи, и направились по дороге к Балаклаве, небольшому, ближайшему к Севастополю порту.

Дорога идет по довольно крутому склону в прелестной долине. Вскоре мы увидели поток воды, и, конечно, все силы русской империи не помешали бы нам достичь его, вследствие того, что жажда, возбуждаемая палящим солнцем и мельчайшей пылью, была более сильной, чем накануне! Никто не жаловался, но каждый чувствовал, что страдает! Мой славный Какино подошел ко мне, подавая манерку и сказал: «Я пил вчера вечером и сохранил часть, которую вы мне оставили».

О, славное сердце!

Вскоре мы достигли долины, а в 2 часа дивизия переходила Черную речку.

Неужели после нашего прохода, осталась еще вода в реке?

В ста метрах за рекою Черною имеется канал, приводящий воду в Севастополь. Мы перешли через него, чтоб расположить наш лагерь на холмах, господствующих над окружающими

крутыми высотами.

Англичане устроились возле Балаклавы, порта, который уже наводнен английскими и французскими судами.

Турки стали немного впереди нас на нашем левом фланге.

Того же 25/13 сентября мы получили прощальный приказ маршала, который я вам переписываю буквально:

> «Воины!
>
> Провидение отказывает вашему главнокомандующему в возможности вести вас по славному пути, открывающемуся впереди. Побежденный жестокою болезнью, с которой бесполезно боролся, он взирает на это с глубоким горем, но сумеет исполнить настоятельную обязанность, вынуждаемую обстоятельствами, сдать командование армией, тяжесть чего нести ему не дозволяет навсегда расстроенное здоровье. Воины, вы пожалеете меня, так как несчастье мое велико, невознаградимо и, может быть, беспримерно».
>
> Передаю командование генералу Канроберу».

Не могу описать глубокую печаль по прочтении этого приказа в ротах!! Впрочем, генерал Канробер внушает большое доверие, как приобретший в Африке прекрасную репутацию храбреца, но всё-таки не он выиграл Альминское сражение, и не его мы приветствовали после победы!!!

Бедный маршал!.. О! да, мы сожалеем о нём!!! Мы его оплакиваем!!! Здоровье его уже было сильно расстроено, когда он принял командование армией, но он обладал такой энергией, что скрывал свои страдания и никто не догадывался об этом.

В день перехода через Качу, который произошел по единственному мосту 23-го числа, он не сходил с лошади до тех пор, пока последний солдат не перешел мост… оказалось теперь, что ему хотелось еще раз видеть всю свою армию, чтоб сказать ей свое последнее прости!

Не зависело ли это от пребывания его в бездействии в продолжении многих часов в болотистой местности, где болезнь его усилилась и разрешилась приступом холеры?..

27/15 после утреннего завтрака 3-я дивизия оставила лагерь на Черной, чтоб приблизиться к Балаклаве, занятой англичанами. Возле нас находится деревня Кадыкиой, которую поставленные на время часовые охраняли от мародеров. Вокруг нас сады и виноградники, плоды которых очень вкусны.

На следующий день интендантство, выгрузившее жизненные припасы наших транспортов, подмоченные в Балаклаве,

возобновило запасы в ранцах и в первый раз со времени нашего отбытия из Ольдфорда, роздало свежее мясо из стада в 60–80 быков, которым мы завладели по прибытии в долину реки Черной, так как русские не успели загнать его в Севастополь.

Кстати о быках… При прогулке с моим другом Жандром в окрестностях нашего лагеря, мы встретили двух таких прекрасных жвачных, пасшихся мирно в долине. Предполагая, что они принадлежали к стаду армии, мы по возвращении в лагерь указали на них солдатам наших рот, для отвода животных в интендантство. Но, меньше чем через час после того, люди принесли каждому из нас по громаднейшему куску мяса и прелестнейший филей. Мы вскрикнули от удивления, и вместо благодарности, строго заметили им о неисполнении наших приказаний, но они скромно извинились, объяснив, что быки увидав их, бросились по направлению к Севастополю, и их необходимо было убить на месте… Хотя мы и не были вполне убеждены в этом, однако желудки наши требовали извинения виновных, и, чтоб успокоить свою совесть, мы подвергли таким же искушениям и совесть нашего полковника, послав ему добрую часть добычи.

Конечно, ввиду того, что наши солдаты не ели свежего мяса в продолжении десяти дней, в этот день они вознаградили потерянное время, и два быка были разделены на два обеда, на что вероятно никто не жаловался.

Получили известие, что генерал Тома был замещен полковником Соль, произведенным в генералы. Мы уже несколько знали нового нашего генерала, так как он командовал 22-м легким полком, с которым мы составляли бригаду. Это назначение не радовало нас, так как мы боялись, чтоб новый генерал не вздумал приносить наши интересы в жертву полку, которым он только что командовал.

27/15 французская армия была разделена на два отряда, с различными назначениями.

Первый отряд составился из 1-й и 2-й дивизий и отдан под команду генерала Боске. Целью его было сохранить позицию и защищать ее против неприятеля извне; это наблюдательный отряд.

Второй составился из 3-ей и 4-ой дивизий под командою Форе. Он назначался для исполнения всех осадных работ. Это осадный корпус.

Англичане также были разделены на два отряда, один должен был стоять лагерем с кавалериею возле Балаклавского порта, другой — для осады.

Турки должны были составлять связь осадного корпуса и

наблюдательного отряда с Балаклавским портом.

Сегодня 28/16 и завтра 29/17 войска должны занять места, соответственные их специальным назначениям.

Я посетил Балаклаву. Город самого примитивного свойства, где море на протяжении около 200 метров касается берега, составляя порт, старый укрепленный замок, пристани, несколько домов… и более ничего.

Этого порта недостаточно, чтоб вместить все французские и английские суда, и говорят, что мы его вполне предоставим англичанам, и что флот наш нашел другой порт, более обширный и ближайший к местам, которые мы будем занимать во время осадных работ.

Кажется эта причина заставила генерала Канробера изменить боевой порядок, одобренный в первые дни, и состоявший в помещении на нашем левом фланге англичан. Такое изменение явилось с целью приблизить две армии к центру их запасов.

Я слышал днем несколько орудийных выстрелов и даже ружейную перестрелку, но мы не становились в ружье.

21

Лагерь «Перепелов», 2 октября/21 сентября 1854 г.

29/17 мы оставили Балаклавскую долину и подвинулись к Севастополю, а в полдень наш лагерь был разбит на возвышенной плоскости Херсонеса.

В 7 километрах влево от нас Камышинская бухта; в 3 километрах справа крутые склоны, господствующие над Балаклавскою долиною, в 4 километрах впереди Севастополь и, наконец, сзади в 5 километрах, на высоком утесе монастырь Св. Георгия.

Наше прибытие на это новое место было очень забавно, так как походом мы буквально наступали на хвосты несметного количества перепелов, которые были так жирны, что с трудом взлетали и вскоре опять садились вблизи; солдаты гонялись за ними с криком и толкотней, всех развлекавшими. На другой день, увы! перепела улетели, но скольких будет недоставать на перекличке!.. В воспоминание сочного жаркого, которое они предоставили собою для всех, наш лагерь получил название «Лагеря Перепелов».

Холера еще унесла несколько жертв, но она заметно уменьшается. Нашего подполковника должны были перевести третьего дня в Балаклаву, чтоб отправить по назначению в Константинополь, и я думаю, что мы более его не увидим. Он убит нравственно и если выздоровеет от этой болезни, то потребует отпуска для окончательного поправления.

Солдат, который поддается горю удаления от семьи, не старающийся отделаться от него, или в ожидании будущих опасностей, приходящий в отчаяние, по моему скромному мнению, потерянный воин, — а потому я встряхиваю свою роту и не позволяю черным бабочкам времени принимать моих людей за цветы!.. они так молоды, такие еще дети и чтоб поддержать в них веселье, я не очень сержусь, если они учиняют небольшие и несерьезные шалости.

Вчера наша бригада встала в ружье после утреннего кофе и под командою генерала Соль пошла вперед, чтоб осмотреть местность и подступы к ней. Наше движение, под прикрытием стрелков, я думаю, было тем, чем оно должно быть в виду неприятеля т. е. весьма медленным и очень осторожным, во избежание попасть в засаду.

Через $1^1/_2$ часа мы остановились за вершиной горы, на которую поднялись наши генералы.

Все навели бинокли и могли видеть Севастополь!

Так как неприятеля не было видно, то офицеры получили позволение выехать к голове колонны, чтоб удовлетворить свое любопытство, и я наконец увидел в расстоянии 2-х километров этот знаменитый город, против которого три большие державы двинули отборные части своих армий.

Ниже города видны некоторые фортификационные работы, на которых кажется находится довольно большое количество людей. Видны даже несколько дам между группами рабочих! В порту ясно различаю, при помощи своей зрительной трубы, корабль с высокими темными бортами и белыми по бокам чертами, пересекаемыми черными точками, амбразурами для орудий. Если русским заблагорассудится все эти орудия поместить на укрепления, мы услышим хорошую музыку!

Вдали и на другой стороне порта видны еще форты в очень хорошем положении, но они слишком удалены для того, чтоб могли помочь защите города и, должно быть, назначаются лишь для обороны входа в порт.

Говорят, что русские потопили многие суда, чтоб запереть порт, но я не понимаю цели этого. Если форты взаимно обстреливаются, то такой прием, пожалуй, указывает на твердую решимость защиты до крайности.

Но мы это увидим!

Время продолжает нам покровительствовать и мы имеем воду, дрова, жизненные припасы, патроны в сумах, добрые ноги и глаза, хороших начальников… всё у нас есть… Танцуем ригодон, ожидая Севастопольскую музыку!

22

Под Севастополем 7 октября/25 сентября 1854 г.

Вот уже несколько дней, как мы оставили наш прекрасный лагерь Перепелов и подвинулись к центру предположенных работ, которые должны начать перед Севастополем.

Осадный корпус расположен следующим образом: налево дивизия Форе опирается в Камышинскую бухту, правее этого отряда дивизия принца, занимающая по фронту 12–15 метров в обыкновенном боевом порядке. Мои полк помещается в неглубокой лощине и на левом его фланге стоит 22-й легкий полк, а на правом морская пехота, 2-й полк зуавов и 19-й батальон пехотных егерей.

Генеральный штаб остался на своем первом месте, между наблюдательным отрядом и осадным корпусом. Главные штабы двух дивизий, назначенных для осады, а также и бригадные, помещены на указанных им местах.

Принц, который остановился сперва в ближайшем к 4-й дивизии доме, перешел в палатку. Генерал Форе, как командующий осадным корпусом, оставил за собою дом, в котором хотел поместиться принц. Все строевые офицеры и рядовые расположились под походными палатками.

Перед лагерем зуавов находится дом, занимаемый авангардами и аванпостами этого полка. Перед нашим фронтом и немного влево в 1200 метрах имеется здание, занятое главным караулом от моего полка.

Я обошел окрестности нашего лагеря до Камышинской бухты; вся почва бесплодна, камениста и разработаны лишь весьма небольшие полосы. Имеются источники с очень хорошею водою и кустарник в достаточном количестве, для наших надобностей.

Камышинская бухта, свыше посланное благо для французской армии, так как самые большие корабли могут в ней держаться на якоре, а за линией, которую они составляют при входе в бухту, стоят многие суда, шедшие с нами от Варны. Несколько коммерческих судов выгружают на морской берег запасы, которые маркитанты помещают в повозки, закрытые парусиной, обещаясь продавать их нам на вес золота.

Такие предположения безошибочны, так как нам действительно недостает необходимых вещей: свечей, мыла, бумаги и прочее, и мы находимся в необходимости удовольствоваться ротными сухарями, свиным салом и сухими фруктами!

Впрочем ко всему привыкают, даже скорее чем каждый предполагает.

Посетил также лагерь англичан, расположенный на нашем правом фланге, за пунктами, которые они должны будут атаковать. Наши союзники, также как и мы, хорошо размещены, имеют воду, и даже более дров чем мы, но почва и у нас не лучше.

Впереди англичан и немного правее видна большая круглая, совершенно белая башня, вокруг которой возвышаются некоторые защитные работы для укрытия орудий.

Англичане менее чем мы снабжены инструментами, а за неимением походных палаток, как у наших солдат, должны оставаться и спать под открытым небом. У них нет кухонной посуды, котлов или чего другого, необходимого для отдельного отряда. Всякий английский солдат лично приготовляет себе, что нужно и должен, если желает иметь суп, сам идти за водой и дровами, очистить овощи, разложить огонь и проч. У нас же, все люди одной партии одновременно занимаются этими подробностями, вследствие чего обед приготовляется очень скоро.

Английские войска теперь не представляются такими прекрасными и восхищавшими меня как сначала. Солдаты относительно веселья и расположения духа не могут сравниться с нашими, хотя и показали себя с хорошей стороны на поле битвы, но мы убедились под Альмой, что они не так расторопны (debrouillard) как наши старые служаки, и несмотря на старания английского начальства, должно быть будут жить в худшей обстановке, сравнительно с нашими людьми и подвергаться большим лишениям.

5 октября/23 сентября 1-й батальон 20-го легкого полка, батальон зуавов и батальон егерей, были сведены в общую колонну под начальством генерала Д'Орель, возле дома занимаемого генералом Форе. Дело шло о производстве серьезной рекогносцировки, возможно ближайшей к Севастополю, чтоб решить о начатии работ. Генерал Бизо, начальник инженеров армии, руководит этой рекогносцировкой.

Сначала на соседних с городом высотах, колонна встретила только нескольких казаков-разведчиков, но как только она появилась в виду укреплений, то была встречена ужасной канонадою… Из наших лагерей были слышны пушечные выстрелы, и мы с большим беспокойством ожидали возвращения наших товарищей.

Через три часа после того, колонна возвратилась в целости, имея лишь трех раненых осколками гранат.

Я слышал от офицеров, участвовавших в этой рекогносцировке самые завидные похвалы генералу Бизо, который шел впереди один перед войсками, производя и отмечая наблюдения, и несмотря на множество снарядов, исключительно направленных на него, сохранил спокойствие духа, как бы присутствуя на простом учении.

Лишь только возвратилась колонна генерала Д'Орель, аванпосты дали знать о движении неприятеля. Довольно значительное количество русских батальонов, выйдя из города, подвигалось вперед.

Генерал Канробер, взяв с собою несколько орудий, скоро был посреди нас и две дивизии стали в ружье. Но неприятель, видя такие серьезные намерения с нашей стороны, отошел назад, зажегши несколько домов, которые могли быть полезными для нас.

Не знаю, какой план будет одобрен после рекогносцировки, но мы с доверием относимся к исполнительным приказаниям.

23

Под Севастополем 12/1 октября 1854 г.

План атаки, на котором остановился главнокомандующий, состоит в устройстве перед французской и английской линиями очень сильных батарей, которые в связи с нашими судами, должны будут бросить в город такое количество снарядов, от которых он должен сделаться ненадежной защитой для войск, назначенных для его обороны.

Существует общая вера в успех. После трехсуточной бомбардировки, кажется невозможно, чтоб в Севастополе остался камень на камне.

Суда, которым не было назначено принять участие в бомбардировке, высадили часть своего экипажа около 15–18 тысяч человек, поступивших под начальство капитана корабля «Ригоде» Женульи и эти моряки с судов поместились правее 19-го батальона егерей. Они должны устроить одну или две батареи, которые вооружат своими чугунными орудиями большого калибра. Такая честь вполне заслужена моряками, до сих пор исполнявшими самые тяжелые работы, что мешало принять им участие в славе.

Но если, против общего убеждения, атака не удастся, то предпримут правильную осаду, в обыкновенных классических условиях, с траншеями, параллелями и проч.

Без тщеславия высказывая свое личное мнение, я всё же могу объяснить вам, почему особенно желаю успеха этой атаке… Да, не будет бешенной радости, если придется зимовать здесь, без средств, медленно подвигаясь вперед вместе с продолжительными осадными работами! Но… мужество и доверие!

25 сентября вечером неприятель произвел сильную вылазку, чтоб ознакомиться с расположением наших отрядов и убедиться, начали ли мы какие-либо работы.

Вся 4-я дивизия встала в ружье и русская колонна не перешла даже высоты, которые отделяют наш лагерь от города.

Неприятель должен иметь громадные средства в вооружении артиллерии и во всяком случае, он их не жалеет, посылая нам в день более 3000 ядер или гранат.

Между тем, мы испытываем относительно незначительные потери и нам нечего сожалеть о такой расточительности снарядов, понемногу приучающей нас к этой адской музыке и заставляющей сильнее убеждаться в том громадном количестве

пороха и металла, который необходим, чтоб вывести из строя человека.

9 октября/27 сентября было назначено для открытия траншеи. Всегда составляет особую честь принимать участие в первых работах, потому что они представляют большие опасности, так как действительно люди совершенно при этом открыты и находятся в возможно близком расстоянии от передовых фортов крепости. Если неприятель точно предупрежден о часе и месте, где должны начаться работы, то все выстрелы сосредоточиваются на этих пунктах… Я разделил честь этого первого дня с 200-ми солдат моего полка, под моею командою. В 6 часов вечера, мы подошли к дому, находящемуся впереди нашего фронта и слывущему теперь под именем «Колоколенки», (Clocheton) найдя там начальника де Сент-Лаурент с несколькими инженерными офицерами и унтер-офицерами, назначенными руководить работами.

Солдаты взяли ружья на ремни и каждый вооружился туром, лопатой и пешней и мы выступили из лагерей очень темною ночью.

Командующий просил нас сохранять самую строгую тишину и мы идем без шуму… внимательные… умеряя шаги, если случайные движения заставляют слишком гулко срываться камням… затем начальник останавливает нас… и идет вперед с несколькими унтер-офицерами, не спеша, предварительно осмотрев хорошенько почву, чтоб провешить линию, которую мы должны занимать. Но вот пушечный выстрел, затем несколько ружейных… «Ложись» командует тихо начальник… Как приказано, так и сделано… Проходит несколько минут… начальник встает один и продолжает намечать на земле линию… Его работа кончена… всё готово. Новая канонада по нашему направлению… ядра свистят… вновь тишина… вновь остановка… десять минут… — «Вставай». Затем отряд в одну шеренгу, по указанию инженерных унтер-офицеров, следует вдоль разбитой линии и каждый ставит тур перед собою… Командующий обегает, линию и убеждается в её правильности… «Руки вверх» командует он тихо. Сейчас же солдаты приступили к копанию земли и с жаром, не требующим возбуждения наполняют землею туры, поставленные перед собою, зная, что заполненный тур даст каждому защиту от снарядов!

Неприятель, предупрежденный звуком пешней, забрасывает нас снарядами, но, благодаря темной ночи, прицел его неудачен, и канонада не приносит нам никакого вреда.

После двух часовой лихорадочной работы, туры были наполнены и люди стояли уже по колени в выкопанной траншее,

а при выходе солнца она была доведена до указанной глубины. Оставалось расширить ее и дать брустверу необходимую форму и толщину.

Наша задача была исполнена и мой отряд отошел назад под прикрытие выведенной ночью траншеи, а нас заменила другая часть для продолжения работ.

В настоящий раз, более чем в сражении под Альмой, могу сказать, что я получил крещение огнем… С того времени как началась эта ночная работа, пули свистели весьма неприятно мимо моих ушей, что особенно озабочивает, так как я не мог исполнить того, что мне подсказывало внутреннее чувство… Всякий раз как слышал этот проклятый свист, я не мог заставить себя не опускать головы и кланялся каждой пуле!.. Это было глупое бессилие, но невозможно противостоять ему… Я крепко сжимал кулаки, но воля моя оказалась парализованною… я выходил из себя, что не мог осилить свои нервы… А возле меня слышу, как командующий де Сент-Лаурент давал такие ясные и спокойные объяснения, что мне вовсе не нужно было видеть его, для того, чтоб убедиться, что он не кланяется снарядам. Я ругал свою бессмысленность, давая ей самые оскорбительные для самолюбия названия… но тщетные усилия… Я был вне себя…

К счастью наконец, командующий позвал меня для некоторых разъяснений. Ужасное очарование прекратилось!.. Пули продолжали свистеть, ядра жужжали в воздухе, гранаты взрывались почти повсюду… но внутренний зверь был побежден, я больше не кланялся ни пулям ни ядрам, ни гранатам… Какое громадное нравственное облегчение! но что я перестрадал в продолжении этой двадцатиминутной борьбы! Надеюсь, что теперь всё кончено, и что отныне я не буду приветствовать ни пуль, ни ядер… Лично испытал, что лучший способ избавиться от этого нервного состояния, быть чем-нибудь занятым.

По возвращении в лагерь, я выпил горячего кофе, оказавшегося особенно приятным после бессонной ночи, и позавтракал с большим аппетитом припасами, доставленными впрочем не интендантством.

Несколько маркитантов устроились за нашей дивизиею и снабжают нас запасами по доступным ценам. Так, вино, которое сначала продавалось по 4 франка за бутылку, уступается теперь за 2 франка 50 сант. Картофель 1 франк вместо 2-х, сахар 3 франка вместо 5-ти, табак 2 франка 50 сант. гектограмм, пачка свечей 5 франков, сардины 2 франка 50 сант. за маленькую коробку и проч.

К несчастью у нас недостает белья, и хотя я еще не нуждаюсь в нём, воспользовавшись доброй идеей взять с собою только

новые вещи, но многие из моих товарищей жалуются… Очень здесь затруднительно мытье белья, которое устраивается по нашему приказанию и состоит только в том, что белье кладут в горячую воду, а затем выполаскивают в холодной… солдаты не могут делать лучше.

Ночи становятся холодными, а днем дожди, вследствие чего приходится ложиться в сырость. Всё это, впрочем, не очень озабочивает нас, мы смеемся над таким маленьким горем, и хорошее расположение духа одного поддерживает моральное состояние другого.

Со времени открытия траншеи, артиллерийский огонь русских сосредоточивается на наших работах и отличается особым ожесточением, так что нет возможности сосчитать выстрелов ни во время дня, ни во время ночи. Это непрекращающийся гул, но который не тревожит, так как наши потери незначительны, сравнительно с количеством посылаемых к нам снарядов.

В ротах, находящихся на работах или в прикрытии траншеи, командующий назначает кого-либо для наблюдения за направлением полета снарядов неприятеля и он возбуждает внимание каждого криком: «Берегись, бомба!» когда видит ее летящей в направлении сотоварищей, а последние, предупрежденные, живо бросаются в стороны или ложатся, выжидая пока разорвет снаряд. Много случайностей избегается таким способом.

24

Под Севастополем 24/12 октября 1854 г.

16/4 пять французских и четыре английских батареи назначенных бомбардировать Севастополь, были вооружены и снабжены запасами. Отдан приказ открыть огонь завтра 17/5 в 7 часов утра.

В этот день мой батальон составлял прикрытие траншеи, соединяющейся с нашими батареями и немного выдвинутого для обстреливания их справа и защиты, в случае, если русские сделают вылазку.

Моя рота была несколько удалена от остального батальона и одна занимала фас выдающегося угла, представляющего лучшие удобства для обстреливания. Я избрал себе прекрасное и без всякого риска место, с целью наблюдения за выстрелами, в 200 метрах от сферы огня неприятеля.

В назначенный час все батареи в одно время открыли огонь, начавшийся с большою силою, но неприятель с равномерным ожесточением сейчас же отвечал на это тем же.

В это время в нашем лагере сформировались две осадные колонны, каждая из двух дивизий осадного корпуса с ротами охотников из батальонов и наш полковник Лабади удостоился чести командовать колонной нашей бригады. Люди поели суп, напились кофе и дожидались за ружейными козлами, пока артиллерия сделает удобные бреши, позволявшие нашим колоннам устремиться на штурм города.

Я был свидетелем этого славного нападения и рассчитывал вместе со своими людьми, что может быть буду призван для его поддержки, а потому команда моя весело приготовлялась принять участие в битве.

Я со скрытым неудовольствием заметил, что, несмотря на силу огня наших 50 орудий, русские были сильнее в этом отношении, так как у них было по крайней мере 200 орудий большого калибра, снятых с кораблей и кроме того батареи громадных мортир, не перестававших посылать бомбы на наши позиции. С места, которое я занимал, мне можно было хорошо судить о верности их прицела и о разрушениях, которые были произведены ими в брустверах наших батарей.

Но моя вера в наши силы всё-таки не поколебалась.

В 10 часов, вдруг поднялся вулкан пыли и огня на наших укреплениях и раздался невероятный гром… Какое-то несчастье случилось с нами?.. Все почувствовали волнение сердца!..

Взорвало пороховой погреб нашей батареи №4!

Но почти в одно время большой столб пламени поднялся в стороне русских и послышался ужасный взрыв… там также взлетел на воздух пороховой погреб. Одинаковое с нами несчастье, поддержало наше мужество и послышались возгласы: «Да здравствует Франция!.. Да здравствует Император!»

Увы, нравственное ободрение в такой форме продолжалось недолго; снова ужасный грохот встревожил всех нас… взорвало другой наш пороховой погреб!

С этого момента огонь наш чувствительно уменьшился, так как большая часть орудий была подбита, а в 11 часов пальба была совсем прекращена.

Русские же орудия продолжали стрельбу безостановочно, и гранаты, бомбы, картечные жестянки и проч. падали почти повсюду в наши траншеи.

В полдень, думая, что устрашенные их 10-ти тысячными пушечными выстрелами, мы оставили все позиции, осажденные сделали против наших батарей вылазку из 200–300 стрелков, приготовив к выступлению другие войска, если окажется, что наши укреплении покинуты.

В эту минуту бригадный генерал, без шапки, с воспаленными глазами, с грустным видом, но с энергиею пробежал мимо нас и не останавливаясь прокричал: «Капитан, ведите свою роту вперед!».

Я взобрался на бруствер, возбужденный также, как и мои люди: «Вперед!»… и вторая рота второго батальона ринулась в штыки. Русские стрелки, увидя наши укрепления занятыми, стали отступать, а орудия неприятеля должны были прекратить огонь, чтоб не поражать своих.

Пройдя около 100 метров, мы возвратились в наши траншей, все здравы и невредимы, так как преследование не могло состояться.

В час дня наши военные корабли подошли к порту Севастополя и в свою очередь стали обстреливать форты и войска крепости, осыпая их громадным количеством снарядов.

Стрельба продолжалась до ночи, и русские форты отвечали выстрел на выстрел на огонь флота.

На следующий день, в лагерях говорили, что наши суда слишком далеко держались, чтоб произвести хорошие результаты действием своей артиллерии. Я не знаю, но уверяют, что адмиральский корабль понес большие потери и серьезные аварии, из чего можно заключить, что наши моряки были на настоящих местах.

Англичане оказались счастливее нас, воспользовавшись

расположением местности и тем, что против них сосредоточивалось менее орудий; они могли продолжать свою стрельбу до ночи, и если потеряли свой небольшой пороховой погреб, то взорвали в свою очередь такой же у русских!.. Этот успех мы встречали громким ура!

На следующий день утром, мои батальон был снят с прикрытия, и я вернулся в лагеря.

Мы будем исправлять повреждения, возобновлять батареи и предпримем атаку в лучших условиях, а если будет угодно Богу, то надеемся слушать в воскресенье обедню в Севастополе!.. По крайней мере, я слышал кругом себя такие разговоры, после нашей неудачи 17/5 числа, но подобные предположения не осуществились и мы приступили к работам правильной осады.

Полковник Рауль из главного штаба был назначен траншей-майором и поместился в «Clocheton», где организовал перевязочный пункт.

Бригадные генералы должны переменяться с полковыми командирами в службе прикрытия траншей.

Генерал Канробер сформировал роты вольных стрелков из искуснейших людей каждого полка и вооружил пристрелянными карабинами. Обязанность их беспокоить неприятеля, помещаясь в ровиках перед нашими траншеями.

Вторая параллель была открыта вчера… Рота моя отправилась сегодня утром, под руководством инженерного офицера, на соседние с Балаклавой склоны высот рубить лес для туров. Эта работа становится трудною, так как является более преград при копании почвы для траншей, по случаю её каменистости и инженеры должны будут на многих пунктах делать прикрытие сообщения или свои параллели при помощи туров и мешков с землею.

Я отдохнул несколько дней и не в претензии за это, потому что из 12-ти дней провел в прикрытии четыре раза по 24 часа и две ночи в траншейных работах, хотя после всякой службы укрывался в палатке и спал… Люди еще более устали, исполняя все лагерные тяжелые работы. Никто не жалуется, но у нас есть несколько больных.

Думаю, что завтра могу прогуляться и посетить разные учреждения.

25

Под Севастополем 3 ноября/22 октября 1854 г.

Утром 25/13 октября я отправился на прогулку в Балаклаву, думая, что там, хотя и за дорогую цену, найду хороший завтрак с хлебом и вином, но едва успел подняться на возвышенность, как услышал пушечные выстрелы, а потому поспешил добраться до вершины высоты, господствующей над долиною.

Передо много открылась целая русская армия, пехота, кавалерия и артиллерия, занимающие редуты, охранение которых поручено было туркам; на протяжении до моста Трактира их было тысяч 20 или 25.

Я соблазнялся остаться на выступах над долиною, чтоб иметь возможность наблюсти поразительные перипетии настоящей битвы, но сообразив, что неприятель мог произвести одновременную атаку на правый и левый фланги нашей линии, и что меня не будет на своем месте, я поспешно вернулся к своему полку.

Там было всё спокойно, и полковник к которому я пошел, имел только одно приказание удержать в лагерях всех оставшихся людей.

День прошел для нас без всяких случайностей.

После я слышал много россказней и в числе их, что тунисцы, занимавшие редуты, оставили их без сопротивления, побросав свои орудия!

Говорят также, что бригада английских драгун опрокинула русскую кавалерию с стремительностью, удивившею обе армии и что кавалерийская бригада Кардигана с несравнимою храбростью произвела несвоевременную атаку, и была почти вся уничтожена…

Русские отступили, увидя спускающиеся подкрепления англичан из наблюдательного отряда Воске, между тем как осадные английские войска также приближались прямой дорогой из Севастополя в Балаклаву. Кроме того, говорят, что русские получили серьезные подкрепления, что 25/13 числа была только рекогносцировка и что следует ожидать настоящей вылазки и проч. и проч. Лагерные сплетни, основания которых может быть и правдивы, проверить нет средств.

Я узнал по моему возвращению в лагерь об одном обстоятельстве, доставившем мне большое удовольствие. Капрал моей роты Пуеч из крестьян окрестностей Перпиньяна, не занятый работою приготовления туров, оставался в лагерях с

людьми своего капральства, которое служило для комплектования наличного состава 1-го батальона до 500 человек, назначавшегося для прикрытия батарей.

Во время обеда в траншее, солдаты сидели возле своего капрала, как вдруг среди них падает граната… ее должно разорвать и все будут убиты или ранены… пламя брызжет из трубки! в это мгновение капрал Пуеч, жертвуя собою за всех… берет обеими руками гранату и бросает ее через бруствер… и она разрывается ранее, чем достигла земли, но на другой стороне насыпи… все были спасены!

Я собрал нескольких солдат моей роты, оставшихся в лагерях и пред всеми поздравил моего мужественного капрала, и сердечно его обнял.

Добрый малый, удивленный общими похвалами, плакал от волнения и говорил, что исполнил только свой долг.

В тот же день, в другом месте траншей произошла подобная же история; капрал Турне из моей прежней роты карабинеров, рабочей лопатою выбросил за бруствер дымящуюся неприятельскую гранату.

Принц, уведомленный рапортом о таких двух актах героизма, пожелал приветствовать капралов и, отдав приказание явиться им в свою палатку, пожал им руку, обещая представить каждого к медалям и дал каждому по 100 фр. для того, чтоб они могли поднести по стакану вина людям, которые обязаны им жизнью и, большая честь, — пригласил их к своему обеду, где они сидели вместе с ним за одним столом.

Вот это хорошо!

Полковник в свою очередь произвел этих капралов в сержанты.

Наши работы перед Севастополем идут медленно, несмотря на серьезные усилия, большую неутомимость и энергическую волю; русские защищаются ожесточенно и с большим смыслом, геройски обороняясь за своими укреплениями, — но вследствие ли ослабления их нравственных сил, потому ли что они ждут серьезных подкреплений, или по каким-либо другим причинам, но они не делают вылазок для заклепки наших орудий или разрушения наших апрошей. Может быть боятся, что мы при преследовании, ворвемся в Севастополь по их пятам…

Они оказываются такими же хорошими солдатами в бою, как и прекрасными тружениками в оборонительных работах. Из траншей нам видно, как они подвергаются нашим выстрелам, исправляя брешь, а утром мы удостоверяемся, что большая часть работ исполнена ночью. Их артиллерия и боевое снабжение неистощимы, и они имеют в распоряжении защиты весь судовой

материал и моряков и могут скорее нас вооружить самым устрашающим образом, свои батареи, а так как крепость обложена не вполне, то располагают возможностью получать извне все запасы и необходимые подкрепления.

Кроме того, они живут в казармах, между тем, как мы находимся под открытым небом, подвергаясь всем жестокостям зимы.

Эти то причины и разговоры между многими офицерами и солдатами, заставляют всех сильно желать приступа открытою силою, который мог бы иметь успех.

Наши генералы имеют более сведений, чем мы, через шпионов и беглых, которые сообщают им о положении неприятельской силы, поэтому благоразумнее основываться нам на опытности наших начальников.

Кстати о беглых; я видел двух таких недавно в наших траншеях, они ушли в ночное время и приблизились к наружной подошве откоса нашего бруствера, а днем явились с большою предосторожностью и, если наши солдаты оказывают горячий прием пленным, если их окружают заботами, предлагая кто свою трубку, кто табак или порцию водки, — то прием, оказываемый дезертирам совсем не тот. Их толкают, бьют прикладами ружей, проклинают, и доказывают этим, что если уважают храбрость и выражают симпатию мужественным, то умеют установить различие между первыми и низкими людьми, изменяющими своему отечеству.

Но и мы, однако, имели также дезертиров! Я признаюсь в этом со стыдом. Пусть русские обходятся с ними подобно нам!

Несчастные, если б они знали предстоящую им участь, то подумали бы прежде чем оставлять свое знамя!

Боюсь чтоб мое письмо не дало вам повода думать, что армия теряет веру в себя и что нравственные её силы падают! Это будет большая ошибка! Достаточно луча солнца для того, чтоб сделать всех довольными, и все мы, офицеры и солдаты, мало-помалу привыкли к этой, сознаюсь, тяжелой жизни. Наши мысли не останавливаются на настоящем, а мчатся вперед и видят пред собой почести, славу, семью и Францию!

26

Под Севастополем 5 ноября/25 октября 1854 г.

Еще одна победа союзных войск! Возблагодарим Бога, пославшего нам ее. Поражение повело бы за собою несчастье!.. Радость и надежда во всех сердцах! Однако, это не тот энтузиазм, который чувствовался после Альмы.

Я принимал только косвенное участие в этом сражении, стоившем больших усилий; подробности позднее.

27

Под Севастополем 10 ноября/29 октября 1854 г.

Чтоб дать вам общую идею Инкерманской битвы, необходимо возвратиться к описанию положения союзных войск по тем моим личным наблюдениям, которые я успел сделать.

В действительности армию составляют 72 тысячи человек т. е. 42 тысячи французов, 25 тысяч англичан и 5 тысяч турок.

Осадный корпус под командою генерала Форе считает, включая и отряд моряков, наличность в 20–22 тысячи человек.

Английский осадный отряд состоит из 9–10 тысяч человек, и почти такой же численности их наблюдательный корпус; кроме того, в Балаклаве у них кавалерия и остальная пехота.

Турки составляют дивизию приблизительно в 5000 человек.

Начертите полукруг около Севастополя, упирающийся на юге в Стрелецкую бухту, а на севере в отвесные высоты, на которых расположены несколько избушек, слывущих под названием Инкермана. Из этой крайней точки, которая господствует над всеми нашими позициями, проведите прямую до Балаклавы. На полукруге поместите осадный французский корпус из 5, 4 и 3 дивизий, отряд моряков, и затем отделенный от французов глубокой лощиной осадный английский корпус. На тангенсе обсервационный английский отряд, наблюдательный корпус Боске, дивизия турок и наконец английский Балаклавский отряд.

Сзади полукруга на равном расстоянии от Камышинской бухты. Севастополя и Балаклавы главные квартиры французов и англичан с инженерными и артиллерийскими парками.

Подкрепления, полученные русскими довели гарнизон Севастополя до 60 000 человек. При таких условиях неприятель решился атаковать союзную армию, направив нападение на единственный слабый пункт осадной линии, угол, составляемый полукругом и тангенсом.

Если наши противники будут иметь успех в этом месте, то союзной армии предстоит быть разрезанной надвое, и каждая часть, взятая во фланг, может быть отброшена на Балаклаву и Камыш, и даже не будет иметь времени сесть на суда. Необходимо прядется тогда бросить раненых, больных, артиллерию, снаряжение, запасы… и славу!

Эта мысль приводит в содрогание!

Чтоб достичь такого результата, русские сделали следующее: 1-е, 40 000 атакуют центр, ключ позиции. 2-е, Севастопольский гарнизон делает энергическую вылазку, чтоб помешать войскам

осадного корпуса двинуться на помощь центру. 3-е — русская дивизия в 12–15 тысяч человек производит живую демонстрацию к Балаклаве, чтоб удержать на месте все войска правого фланга нашей линии.

Казалось невозможным, чтобы так хорошо составленный план, и исполненный такими храбрыми и дисциплинированными войсками, мог бы не иметь успеха!.. Но, к счастью, он совершенно не удался.

4 ноября/23 октября. Дождь не переставал весь день и частью ночью, затем густой и холодный туман окутал город и окрестности.

Англичане устроили на левом фланге своего наблюдательного корпуса два сильных аванпоста из 50 человек, один против Килен-балки, другой восточнее на дороге, ведущей к Инкерманскому мосту, и лагерь заснул под прикрытием этих двух постов.

Ночью русские собрались и разделились на два наступательных отряда. Один под командою генерала Соймонова должен был взобраться на плоскогорье через Килен-Балку, другому под начальством генерала Павлова предстояло соединиться с первым отрядом, следуя по дороге от Инкерманского моста к плоскогорью. Этот путь пролегает по каменоломням, составляющим пропасти в 60–80 метров глубины.

Английские сторожевые посты ночью не слышали ничего необычайного и около 5 часов утра, люди развели свои бивачные огни и собрались кругом них, чтоб согреться и обсушить свою одежду и даже отдельные часовые незаметно приблизились к кострам.

Такая беспечность, которую военные законы наказывают смертью, позволила неприятельским войскам взобраться незамеченными на крутые откосы высот.

Когда голова русской колонны подошла на выстрел к английскому посту, она обойдя его, забрала весь в плен, так что люди не успели ни взяться за оружие, ни уйти.

Пост на дороге подвергся той же участи, но несколько солдат успели бежать и предупредить лагерь.

В это время русские уже взошли на высоты и открыли по лагерю частый ружейный огонь, сопровождаемый не менее сильным огнем артиллерии.

Англичане внезапно пробужденные, выбежали из своих палаток и бросились к оружию; многие были едва одеты и хотя сопротивление было геройское, но численность напавших и редкая в таких случаях энергия, заставили их уступить место.

В 7 часов утра, огонь русской артиллерии с высшего пункта

плоскогорья был ужасен и продолжался без остановки.

Весьма густой туман не позволял англичанам определить неприятельские силы, ни отдать себе отчета о занимаемом им положении. Это был бой лицом к лицу на многих пунктах. При первых выстрелах, генерал Боске помчался галопом к английским линиям, чтоб узнать, что там случилось. Подъехав к английскому генералу, он предложил ему подкрепления, но тот отказался, надеясь лично отбить атаку, и действительно был прав, рассчитывая только на мужество своих солдат, но численность неприятеля участвовавшего в битве была весьма значительна.

Генерал Боске вернулся в свой лагерь, удаленный более чем на 5 километров от места атаки и услышав затем пушечные выстрелы со стороны Балаклавы, быстро сообразил план неприятеля и решил, что атака на наблюдательный корпус англичан, была более серьезна, чем представлял себе ее английский генерал, и что он весьма вероятно будет нуждаться в помощи, направление же атаки на Балаклаву он счел лишь за диверсию. Затем Боске разделил свою армию на две части, из которых первая была развернута на вершинах высот, господствующих над долиной, а вторая в сомкнутых колоннах была в готовности направиться туда, где чувствовалась необходимость её присутствия.

Между тем битва на плоской возвышенности Инкермана героически продолжалась с обеих сторон!

Головы колонн двух русских корпусов, были соединены, а батарея в 38 орудий поставлена в самом возвышенном пункте площади.

Английский осадный корпус, на который атаки произведено не было, послал свои свободные силы для поддержания обсервационного отряда.

Прибытие этого подкрепления позволило англичанам вернуть свои позиции.

Русские старались развернуть свои колонны, но местность не представляла для сего достаточной поверхности, а потому движения одного отряда стесняли движения другого, батальоны перемешивались, обгоняли друг друга и производили беспорядок в рядах.

После переменных успехов и неудач в продолжении более двух часов, англичане на правом фланге были смяты и отступили. Кроме того, их боевые запасы истощились, между тем, как они у русских были постоянно возобновляемы с подходом свежих сил.

Английский генерал увидел, что пришла пора принять подмогу, предлагавшуюся Канробером после генерала Боске, но оказалось, что это было уже поздно. Все его свободные силы были

введены в дело, а с остатками своего войска он не мог выдерживать борьбы.

С этой минуты сражение было проиграно. Русские достигли наконец возможности развернуть все свои части и ударить на наши линии во фланг.

Генерал Боске, предуведомленный о таком критическом положении дела, приказал двинуться беглым шагом двум батальонам пехоты, под командою генерала Бурбаки, большего почитателя зуавов, и поехал лично убедиться в ложности атаки, произведенной в Балаклавской долине.

Прибытие этих двух батальонов на поле битвы, произвело большое действие… Как только они появились, англичане встретили их такими неистовыми и воодушевившими наших «ура», что они бросились на русских с стремительностью, которая должна была уничтожить всякое сопротивление. Пораженный прибытием французов, и не имея возможности определить их численности по случаю тумана, неприятель счел свое дело потерянным и отступил, преследуемый до самой встречи со своими арьергардными войсками, также искавшими места, чтоб развернуться; возвращение отступающих еще более увеличило смятение в этих силах.

Однако, наши два батальона должны были остановиться, когда генерал Боске пришел сам с тремя батальонами старых африканских войск, пехотными егерями, зуавами, тюркосами и батареей артиллерии.

Прибытие этих подкреплений еще более ободрило англичан, мужество которых не иссякло и эти соединенные войска оттеснили русских, быстрое отступление которых увлекло и вторую их линию.

Перед фронтом и на правом фланге англичан также происходил бой. Русские войска отряда Соймонова, не введенные еще в дело, намеревались произвести нападение на наш левый фланг. В эту минуту, прибыла батарея отряда Боске и капитан Фьеве, командовавший ею и получивший разъяснения о положении дела от посланного к нему навстречу офицера главного штаба, не замедлил, несмотря на опасность, которой подвергал свои орудия, поместить их на Инкерманской дороге, открыв стремительный огонь по массам русских, а также направив выстрелы на ужасную 38 орудийную батарею, которую стал обстреливать с фланга.

Наша батарея была под прикрытием двух батальонов пехоты и батальона зуавов, и эти свежие силы поместились на левом фланге англичан, остановив движение войск хвоста корпуса Соймонова.

Генерал Канробер сел на лошадь при начале атаки и поехал к Мельнице и когда английский генерал поставлен был в необходимость просить помощи у французов, он послал приказание осадному корпусу направить батарею и одну бригаду на Инкерман. Для этого была назначена 1-я бригада дивизии принца, которая отправилась со своими орудиями под командою генерала де Моне; она пришла к Мельнице около $11^1/_2$ часов, готовая войти в дело, но только одной батарее пришлось принять участие в битве.

В это время отступление русских обозначилось вполне, подвинутое еще новыми усилиями сражавшихся против них, которые, чувствуя за собою поддержку, преследовали по пятам два отступавших русских корпуса.

Русская 38 орудийная батарея продолжала свой губительный огонь, несмотря на потерю в людях и боевых запасах, но всё-таки и она должна была последовать за отступающей армией, прикрыв ее и исполнив таким образом все, что доступно человеческой возможности.

Принц после ухода его 1-ой бригады, собрал всех свободных людей своей дивизии, включая сюда и больных, способных еще носить оружие и во главе этой небольшой колонны, направился к Инкерману. Его прибытие к Мельнице было приветствуемо последними гранатами главной русской батареи, вынесшими у него из строя нескольких человек.

Было два часа пополудни, и всё кончалось. Принц возвратился в лагерь со своим отрядом, а 1-я бригада его дивизии получила приказание остаться у Мельницы.

Вторая часть плана русской атаки заключалась в возможности помешать стремительной вылазкой войскам нашего осадного корпуса подать помощь англичанам. Около 9 часов сильная колонна, выстроившись перед бруствером под командою генерала Тимофеева, с целью нападения на наши работы с фланга и с тылу, отправилась вперед под прикрытием многочисленных стрелков.

Наши войска в траншеях не ожидали этой атаки, скрытой туманом и защитники батарей. №№ 1-ой, 2 и 3-ей, подавленные численностью, отступили к своему правому флангу, но роты 1-го батальона моего полка (20-го легкого), из прикрытия батарей 8, 9, 13 и 14-ой под командою полкового адъютанта капитана Морено, бросились беглым шагом на помощь защитникам батарей, уже занятых русскими, и заставили оставить их.

Генерал де ла Моттеруж, командовавший в этот день рабочими войсками в траншеях, перейдя через брустер, бросился с нашими ротами на русских, отступивших чтоб собраться под прикрытием орудий своих укреплений. В момент, когда

расстроенный неприятель, вновь двинулся вперед, резервная бригада под командою генерала Лурмеля, прибыла беглым шагом и бросилась на русских с такою стремительностью, что совершенно привела их в беспорядок и отбросила за укрепления. Генерал Лурмель, без сомнения, имел намерение ворваться в Севастополь по следам отступающих русских, но в ту минуту, когда отдавал такое приказание, — он был убит наповал ядром в грудь…

Немного после, около 11 часок, генерал Форе дал сигнал к отступлению.

Другой попытки вылазки в этот день уже не было.

Что касается третьей части русской программы нападения, состоявшей в энергической демонстрации к стороне Балаклавы, с целью удержания в позициях правого фланга союзной армии, то может быть этой программе не доставало только энергии, которая необходима была для исполнения. Генерал Горчаков, введенный в ошибку количеством войск, расположенных на виду генералом Боске по вершинам плоскости, ограничился посылкою достаточного числа орудий к стороне турецкой дивизии, а после того, как она оставила занимаемые ею редуты и отступила к Балаклавскому ущелью, он не пытался более делать серьезных атак, а удовольствовался лишь передвижениями своих войск в долине.

Понесенные нами потери значительны. Считают, что убитых и раненых англичане потеряли 3000 человек, французы 1500 а именно: 1000 человек на Инкерманской плоскости и 500 в бою осадного отряда. У русских выведено из строя около 10–12 тысяч человек.

С 5-го числа по настоящий день, собирали раненых, между которыми очень много русских, находимых в кустарниках и скрывшихся в расселинах утесов. Они не отваживаются позвать носильщиков, преходящих мимо и не замечающих их, хотя и не сомневаются в симпатичной встрече, которая им будет оказана и заботах, которыми их окружат на наших перевязочных пунктах!

Русские раненые помещаются вместе с нашими и все пользуются одинаковыми уходом и вниманием наших докторов, без всякого различия. Разве они не такие же люди и добрые, храбрые солдаты, как и наши?

Не без труда я мог собрать все эти разъяснения и привести их в порядок. Желая дать вам общую идею этого смертоносного боя, я осведомлялся почти у двадцати офицеров, и каждый рассказывал, что он сделал или что видел, не имея никакого понятия о том, что сделал его сосед.

Спорят о причинах успеха, но тем не менее не приписывают,

как успех Альминского сражения, хорошо составленному и исполненному плану. Не было заранее обдуманного предположения о защите Инкерманской плоскости, и так как нельзя допустить, чтоб с такими противниками как русские, французский пыл (la furia) мог что-либо поделать, — то необходимо искать причину в ошибках, сделанных нашими соперниками… Я поступаю, как и все другие, ищу эти ошибки, и несмотря на мою некомпетентность, вот мое мнение.

1-е, атакующие колонны одновременно появились на пространстве невозможном их вместить, а потому не могли развернуться и взаимно мешали друг другу. Такое положение должно было необходимо внести беспорядок при исполнении движений в подробностях. Русский начальник атаки Даненберг, оставался близ Инкерманского моста и не мог устранить этих неудачных распоряжений.

При первом отступлении стрелков беспорядок, поддерживаемый туманом, обозначился вполне, и с этого времени атака стала случайностью, тем более, что даже и на коротком расстоянии, трудно было судить о её результатах.

Я же предполагаю, что если б на плоскости явился только один русский корпус, то он мог бы действовать с большею одновременностью и точностью.

Генерал Соймонов, командовавший 2-м корпусом, должен бы был послать часть своих войск по направлению к английскому осадному отряду, и начать взбираться на крутые склоны на его левом фланге, только в то время, когда 1-й корпус Павлова развернулся, и, пожалуй, даже лишь тогда, когда этот корпус имел бы успех, на который он действительно мог рассчитывать, так как наличность его войска была почти равна с численностью англичан, причём последние были застигнуты спящими и не приготовленными к бою. 2-е, генерал Горчаков, кажется, не исполнил своей роли, имея большую наличность против англичан и турок в Балаклаве.

После довольно быстрого оставления редутов порученных охранению турок и по отступлении их к Балаклавскому ущелью, он должен был оставить в этих редутах часть своих сил, (2–3 тысячи человек) с тем, чтоб удержать английскую кавалерию на месте и прикрыть при необходимости свое отступление. (Затем с остальными 1000 человек, он должен был продолжать наступление на турок и преследовать их до высот, занятых генералом Боске).

Перед такой мужественной и решительно высказанной демонстрацией, генерал Боске должен был явиться со всем корпусом против войск Горчакова, и не мог бы своевременно

поспеть на помощь англичанам.

Потеря сражения, по моему скромному суждению, не может быть приписана только туману, слабости неприятельских сил и стремительности нашей поддержки. Эти причины, хотя и не оспоримы, но всё-таки недостаточны.

Принц Наполеон в этот день дал прекрасный пример своей дивизии. За несколько дней, все знали, что он довольно серьезно болен и должен был оставаться в постели, — когда же он узнал о нападении, то не замедлил сесть на лошадь, а на протест докторов гордо отвечал, что бывают обстоятельства, когда никто не в праве считать себя больным Он бросился к траншеям, где незначительная часть его дивизии составляла прикрытие и, удостоверившись в бесполезности своего присутствия в этом месте, так как ему там не приходилось делать распоряжений, возвратился в лагеря, собрал там колонну, о чём я уже упоминал, и повел ее, без всякого приказания, туда, где слышалось особенно сильная канонада.

В лагерях говорят, что принц был очень недоволен отделением от своей дивизии 1-ой бригады под командою Моне, оставленной возле англичан после сражения, что он горько жаловался на ту пассивную роль, которую ему создали и против которой он не переставал протестовать, что даже послали по сему предмету возражение Императору, и если последний не уважит его мнения, то он испросит увольнение от командования, которое не дозволяют ему практиковать в достойных условиях…

Правдивы ли эти россказни, не знаю, но я видел принца и был поражен его озабоченным видом и недовольным лицом.

Генерал де Лурмель, один из молодых и блестящих генералов нашей армии, приобретший в Африке репутацию храброго, особенно при местечке Затча (Zatcha) и все очень сожалеют о потере его.

Лорд Раглан сказал после сражения, желая выразить чувства благодарности французской армии за оказанную услугу английским войскам: «Французы отняли у меня руку при Ватерлоо, но возвратили мне ее под Инкерманом». (Вы знаете, что у него только одна рука).

Английский генерал Каткар был ранен ядром в верхнюю часть бедра и с трудом держался на лошади, и когда офицеры его свиты упрашивали сойти с лошади и сделать перевязку, он сказал: «Оставьте меня, надобно показать английским солдатам, как умеют умирать их генералы»… и с нечеловеческими усилиями, выехал перед фронт своей части, спокойный, с поднятою вверх головою, с гордым взглядом… но у последних рядов, упал с лошади мертвый!..

Моя роль была самая простая в этот памятный день. Узнав что случилось, и не имея солдат, я отправился к полковнику Раулю, начальнику траншей и отдал себя в его распоряжение. За недостатком офицеров он принял меня с готовностью для передачи приказаний осадным войскам.

Возвратившись в лагеря по окончании дня, когда моя служба кончилась, мне посчастливилось встретиться с аббатом Профиле, с которым я ехал из Парижа до Авиньона, когда он отправлялся на службу духовником на военный корабль. Теперь же он назначен в Восточную армию. Этот молодой священник, живший в Париже со своею матерью в полном довольстве, испросил и получил должность духовника во флоте. По прибытии в Камыш, чтоб не оставаться без дела, он выпросился принять участие в отряде, сформированном из моряков. Я его встретил на поле битвы, утешающего раненых, напутствующего умирающих и находящего для всех сердечные слова.

Мое письмо довольно длинно; часть ночи я провел за ним и если в нём есть ошибки или пропуски, я вам сообщу о них позднее.

Засыпаю от усталости.

Взгляните на карту Севастополя и его окрестностей, сделанную офицерами Генерального Штаба и напечатанную в Атласе осадных действий генерала Ниеля. Она находится у книгопродавца-издателя Дюмень, 18, улица Дофина, Париж.

28

Под Севастополем 17/5 ноября 1854 г.

В лагерях продолжается разговор об Инкерманском сражении. Кажется, судя по слухам, доходящим до нас из штабов, генерал Канробер в согласии с лордом Рагланом решился испробовать 6 ноября/24 октября штурм Севастополя открытой силой.

Предупрежденный о сем Меньшиков, чтоб расстроить ото предположение, захотел предпринять наступление, и два великих князя Михаил и Николай, приехавшие за два дня с сильными подкреплениями, одобрили намерения генерала.

Великие князья, действительно находились среди своих солдат с начала действий и электризовали их своим присутствием, и только, когда большая часть их войск перешла Черную по Инкерманскому мосту, они также оставили поле сражения и отправились на правый берег реки.

Отступление русских произошло почти всецело на Инкерманский мост, составляющий продолжение шоссе на много сотен метров, среди болота. Этот узкий проход не был бы возможен для движения, если б союзная армия с большею заботливостью не ознакомилась с местностью, соседнею с английскими позициями. Действительно, над мостом и шоссе господствует бугор, который был занят нашими солдатами около 2-х часов, и с этого пункта легко можно было обстреливать продольно мост и шоссе.

При окончании дела в рядах русских распространилась молва о падении Севастополя, и это, кажется, было причиною, которая окончательно заставила неприятеля отступить на правый берег Черной: должно быть в городе оставался очень слабый гарнизон, так как все здоровые люди, около 5–6 тысяч генерала Тимофеева, послужили к укомплектованию корпуса генерала Соймонова.

Если бы генералу Форе да вдохновение генерала де Лурмеля…

В числе потерь англичан кроме убитого генерала Каткарта, упоминают о генералах Странгвей и Гольди, затем между ранеными находятся генералы Адамс, Кодрингтон, Торинг, Бентинк и другие, имена которых я не удержал в памяти.

Два первых батальона, отправленные генералом Боске на помощь англичанам, принадлежали 6 и 7-му пехотным полкам: полковник де Кама вел батальон 6 полка и заметив, недолго спустя после своего прихода, что в стычке знамя его полка

перешло к русским, понесся на лошади чтоб возвратить его, но пал сраженный пулею в грудь! Подполковник Гозе, видя его пораженным, в свою очередь бросился вперед и имел счастье возвратить знамя, которое вырвал из рук русских и привез в среду своих батальонов!

Но я никогда не кончу с той памятной и губительной битвой, если буду увлекаться желанием обрисовать все черты мужества союзников и их соперников, а потому необходимо остановиться…

На следующий день после Инкерманского сражения, начались правильные осадные работы, и уже не было слышно разговоров о предположении штурма открытой силой, следовательно, хочешь не хочешь, необходимо приходится провести по меньшей мере часть зимы на этом холодном плоскогорье.

Моя рота возвратилась в лагеря, и я снова вступил в командование ею, неся подобно товарищам траншейную службу.

Ночью 13/1 на 14/2 мне назначено было производить работу в траншеях с 200-ми человек моего полка. Было, чудесное, довольно мягкое время с чистым звездным небом. В 7 часов утра нас подняли, и мы вышли, чтоб отправиться в лагеря, как вдруг начался ветер и такой стремительный, что невозможно было стоять на ногах. Люди мои исчезли, как по волшебству и я сам счел более разумным растянуться на земле, чтоб не быть опрокинутым. Таким образом мы должны были оставаться на месте до 11 часов, не имея возможности встать, несмотря на чувство голода и всего в 500 метрах от лагеря.

В эти четыре часа, в нашем лагере всё было перевернуто вверх дном. Мы видели большое число лошадей, стремглав скакавших через всякие препятствия и искавших несуществовавшего убежища; затем летели палатки, барабаны, бочки, подхваченные бурей… Мы совсем не были приготовлены для борьбы со стихиями и только около полудня могли возвратиться в лагеря, или скорее в местность, где был лагерь. Здесь всё было перемешано, не осталось на месте ни одной палатки, и никакого следа кухонь!

Ветер продолжался до 5 часов вечера, хотя и менее сильный, но всё-таки не позволявший развести огни! Вся армии была осуждена в этот день завтракать и обедать запасными сухарями с небольшим количеством свежего свиного сала.

Ночью тишина сменила ураган и на следующий день пришлось исправлять все повреждении, при чём неунывающая французская веселость появилась вновь, как в лучшие дни.

В море потери были более серьезны. Двадцать французских и английских судов, нагруженные запасами были выброшены на

берег и разбились о скалы; пароходы испытали ту же участь. Кроме того военные суда понесли большие аварии.

Сегодня, когда погода совершенно исправилась, мы почти забыли о бурном дне 14/2-го числа.

29

Под Севастополем 20/8 ноября 1854 г.

Благодаря следовавшим до сих пор серьезным событиям, я не позаботился описать вам подробности нашего водворения в лагерь и о тамошней службе.

Солдаты и офицеры военного отряда помещены под походными палатками и это положение, превосходное во время хорошей погоды, и особенно во время похода, представляет важные неудобства, когда очень продолжительно и если при этом солнце сменяется дождем. Почва, размятая ногами, не представляет более никакой преграды, являясь липкой грязью, которую невозможно обойти. В лагерях также все ходят по грязи, как и в траншеях. Везде мокро, всякий старается сидеть в палатке и если защищен от прямого дождя в спину, то не избавлен от необходимости лежать в грязи; нет ни соломы, ни ветвей, чтоб подостлать ее. Солдаты спят под этими маленькими палатками один возле другого по шести человек, и так как каждый имеет одеяло, то они расстилают три по земле, по грязи, а тремя укрываются; подкладывая под головы ранцы с вещами.

Так как очень трудно найти дров даже для приготовления пищи, то невозможно вполне высушить носильных вещей. По приезде сюда у нас еще был кустарник и несколько рощиц, теперь же остались только корни от них, которые надобно выкопать. У нас совсем не будет дров, если кампания продолжится, и флоту необходимо придется идти за ним в Варну.

Раздача жизненных припасов производится довольно правильно, и солдаты получают свои пайки хлеба и мясную порцию, как во Франции. Когда нельзя привезти припасы в лагеря из Камыша, находящегося более чем в 4-х километрах, то производится раздача запасов, состоящих из сухарей и свиного сала.

Каждый солдат имеет постоянно в запасе провизию на неделю.

По случаю недостатка воды и затруднения высушить белье, наши бедные рядовые осуждены на долгую носку одной рубахи, и если даже случайно выберется хороший день, они не могут воспользоваться им и помыть сорочки, находясь в постоянной работе, для которой требуется также хорошее время, а именно: для очистки лагеря и его окрестностей, зарытия кухонных остатков, чистки палаток и проч. Каждый имеет свой урок.

Наша наличность в батальоне дошла до 750 человек и едва

остается по два офицера на роту. Каждый день полк должен отделять батальон в 500 человек для прикрытия траншей и особый отряд в 200 различных рабочих. Если же исключить еще кашеваров, остающихся в лагерях, дежурных, погонщиков мулов, людей, занятых полицейскою службою, нездоровых, остающихся в палатках и других… то в каждом батальоне насчитывается едва 500 человек, которые должны быть назначены в прикрытие. Поэтому выходит, что каждый человек находится на службе через два дня в третий и 200 человек сверх 500, которые не в прикрытии, проводят ночь в траншейной работе и таким образом для каждого приходится в среднем три ночи работы на одну ночь отдыха.

Может быть вы думаете, что такие слишком даже большие тягости, понижают нравственное состояние наших солдат? Вовсе нет. Каждый понимает, что этого требует необходимость, которую положительно нельзя избежать и всякий несет свою участь без жалоб и без желания отделаться от неё, и даже часто служба исполняется с песнями и прибаутками.

Если нет достаточно дров, чтоб сварить сало, люди говорят, что оно гораздо вкуснее и питательнее, когда не очень сильно сварено… Если нет воды, то она берется из грязной лужи, пропускается через платки для очистки от более крупного сора, причем уверяют, что суп будет от этого аппетитнее.

Люди не останавливаются, когда дело идет о способности шутить для своего утешения. По возвращении подвод из Камыша с луковицами и картофелем по 1 франку килограмм в лагерях наступает праздник.

Но солдаты желали бы, и это можно было для них сделать, чтоб пища была обильнее, так как по производимой ими работе, ординарный паек недостаточен. Начальство постаралось прибавить 200 граммов сухарей к тем 500, которые составляют дневную порцию, и только для тех, кто проводит ночь в траншее, — но этого мало, так как 200 граммов прибавки не приносят много пользы, в виду того, что их приходится глодать ночью, не вполне удовлетворяя аппетита. Необходимо, по крайней мере, 500 граммов свежего мяса вместо 300 и 900 граммов хлеба вместо 750, немного более сухих овощей и кофе.

Дневной заработок с одной стороны и награждение, предоставляемое рабочим составляет 0,60–0,70 сантима за 12 часов труда, если работы назначаются для артиллерии или инженеров, и такая небольшая помощь является последствием дороговизны жизненных припасов.

Служба в траншеях также очень трудна. С $7^1/_2$ часов утра люди прикрытия собираются в лагерях под командою своих

батальонных и ротных командиров и после кофе и супа, отправляются в траншейный караул, чтоб занять свое место, куда приходят около $8^1/_2$ или 9 часов, пройдя по всем узким излучинам траншейного сообщения.

Сменяемый батальон отходит назад и возвращается в лагеря, где люди садятся за суп, который находят к тому времени уже приготовленным.

Траншеи еще более грязны, нежели лагерное место, так как вода, не имея стока с постоянно взрытой ногами почвы, превращается в грязь до 30 сантиметров и более глубиною. И в этой то клоаке необходимо провести 24 часа!

Часть людей в каждой роте остается с оружием в руках для наблюдения за бруствером, готовая открыть огонь по неприятелю, замеченному через амбразуры, сделанные для этой цели из земляных мешков. Кроме необходимости наблюдать, является потребность избежать самому быть замеченным, потому что по адресу неблагоразумного, показывающего свой головной убор над бруствером, сейчас же направляются 3–4 пули.

Люди, которые не на часах, ставят свои ружья к откосу рва траншеи или держат их на перевязи, переминаясь с ноги на ногу на месте, чтоб согреться. Затем падающие гранаты и бомбы держат всех в тревоге, а иногда и отправляют к праотцам (ad patres).

По возвращении в лагерь, трудно понять, как можно было провести целый день и ночь в таком адском положении, однако через сутки в силу необходимости оно повторяется.

Перед вечером в $3^1/_2$ часа кашевары отправляются из лагеря, чтобы отнести ужин траншейной охране, и неизбежно проходя по всем траншейным извилинам, доходят туда только около $4^1/_2$ или 5 час. Суп оказывается холодным… но тем не менее его съедают.

Разводить огни в траншеях воспрещено, чтоб не привлекать внимания неприятеля, который не замедлил бы послать в большом количестве спички, в форме конгревовых ракет, бомб или гранат, благо это не запрещено.

Приходит ночь, каждый покрывается своим одеялом или сильнее начинает топтаться с ноги на ногу и терпеливо ожидает, чтоб его согрела русская вылазка, или часа возвращения в лагеря.

Повторяю вам, положение невесело и постепенно ухудшается, но избежать этого невозможно. Необходимо нести его с терпением, что мы и делаем.

Офицеры в лагерях размещены лучше солдат, по отношению к отдыху и пище и каждый из них имеет шатер, состоящий из нескольких маленьких солдатских палаток, которые так низки,

что там можно находиться только сидя или лежа, но зато почва под ними менее изрыта, не так растворена, и каждый офицер, ухитрясь раздобыть немного сена или соломы, имеет еще меховой мешок и одно или два одеяла, так что может спать, не слишком мучаясь от холода.

Жизненные припасы получаются офицерами в двойной пропорции, а жалованье их позволяет прибавить к этому несколько коробок консервов, которые имеются в Камыше.

Очевидно, что хижина и обед угольщика были бы предпочтительнее такому положению, но выбора нет.

Что касается меня, то я всех счастливее, имея свою собственную палатку, в которой могу стоять, и где в мое отсутствие мой добрый Какино успел высушить мне белье. Имею настоящий соломенник, сделанный из холста и оберточной соломы, которую мне удалось купить. Я не экономничаю в запасах. Кроме того, у меня есть табурет для сиденья и маленький складной столик для писания вам писем. Моя бутылка всегда полна для непредвиденных случаев, наконец, у меня есть свой меховой мешок, два одеяла и две пары больших сапог, взятых в рассрочку в одном артиллерийском полку. Вместе с этим я даже более всего этого, я люблю свое ремесло… не беспокойтесь обо мне, у меня есть всё.

Узнал, что в день бури 14-го числа, военное судно 1-го ранга «Генрих VI» потонуло перед Евпаторией.

30

Под Севастополем 24/12 ноября 1854 г.

Мы радуемся!

Начальство роздало всем офицерам и солдатам солдатские плащи с капюшоном и полушубки.

Этот акт забот отечества о своих, удаленных от неё сынах, согревает нас морально и физически.

Кроме того объявлено о раздаче вторых полуодеял и больших палаток!

Тогда нам нечего будет желать более… разве только, чтоб возможно скорее был штурм! Такое желание слышится во всех группах солдат: «Если останутся убитыми на месте 4–5 тысяч, — говорят они, — зато другие будут спать на сухом полу, в хороших казармах, и в состоянии иметь горячий суп».

Наши работы возможно подвинуты; мы уже недалеко от укреплений и, может быть, были бы готовы к штурму, но англичане значительно запоздали против нас, а чтоб взять Севастополь, необходимо действовать вместе. Они должны будут занять 3-й бастион (Grand Redan), в то время как мы возьмем 4-й (du Mât)!

Ох, эти англичане… положим, люди бесспорно храбрые; но они умеют только подставлять лоб!.. это поэзия их ремесла, но она весьма недостаточна для хорошего солдата! Мы уже послали целую бригаду, чтоб помочь их работам. Корпус генерала Боске построил им редут, во избежание нового для них 5-го ноября и кроме того я узнал, что тот же корпус Боске должен был еще перенести на спинах своих людей (a dos d'homme) из Балаклавы к их батареям бомбы и ядра! Какое жалкое положение!

У них с начала осады большие палатки, но они не умели поставить их как следует, и даже не сочли необходимым обрыть канавками для стока дождя.

Наконец, они питаются плохо, хотя получают двойную и тройную выдачу против ваших солдат, и несмотря даже на значительное жалованье, которое никак нельзя сравнить с нашим.

Они не умеют бороться с напастями, и у них нет никакой деятельности.

Лазареты их завалены больными и наличие команд уменьшается с ужасающей прогрессией.

Мой полк назначен для разгрузки в Камыш ожидаемого подкрепления в 400 человек для 20-го легкого полка.

Вновь прибывшие будут рассказывать, что происходит в

отечестве, что там говорят о здешних местах и особенно о впечатлении, произведенном нашими победами под Альмой и Инкерманом… сколько радости для всех! Мы получаем достаточно газет, сообщающих нам все эти сведения, но не всё равно читать или слушать рассказы об этом. Да к тому же, в общем, газеты имеют весьма недостаточные частные корреспонденции, и печатают кучу вздора, который заставляет улыбаться, особенно, когда в рассказах фигурируют собственные имена. Как и всегда, в армии имеются люди, решительно желающие чтобы о них говорили, не удовольствующиеся удовлетворением самолюбия в исполнении долга, и часто такие, которые не являются лучшими исполнителями своих обязанностей. Впрочем, у всякого есть свои небольшие недостатки.

Прибытие 400 новичков облегчит службу и даст немного отдыху нашим людям, которые будут в состоянии проводить лишнюю ночь в лагерях.

Я воспользовался днем, когда не был на службе и посетил некоторых людей моей роты, находящихся в дивизионном лазарете. Они там помещены лучше чем в лагерях, лежать под большими, высокими палатками на соломенных подстилках, совершенно отделяющих их от земли и подкрепляющая пища отличается лучшим качеством, чем обыкновенная.

Раненые отделены, и военные лазаретные служители снабжены средствами перевязки, с расчетом одного на 20–25 раненых, которых в настоящее время не много, так как их отправляют по мере возможности в Константинопольские госпитали.

Кажется, что несмотря на значительные присылки, недостает перевязочного холста и корпии. Вольные пользуются заботами двух весьма выдающихся врачей, начальников госпиталя докторов Перье и Бургильона, которые ежеминутно жертвуют собою делу.

Ни холерных, ни тифозных нет, и очень мало больных с воспалением легких, что особенно странно. Почти все люди болеют только вследствие дурного питания и изнурения.

Я видел слабых людей моей роты, которым необходим только отдых на несколько дней. Охотно протянул я им руку и они были очень благодарны за мое посещение, высказывая, что не дождутся выхода из лазарета, чтоб снова разделить опасности вместе с товарищами. Не правда ли, как трогательно видеть таких людей, которые не рассчитывая в этой войне на какие-либо преимущества, только рискуют потерять здесь здоровье, молодость и лишиться членов, но, несмотря на это, выказывают одно самоотвержение и самоотречение? Любовь к отечеству и

жертвы, которые они приносят, — чувства, свойственные людям сердца, а таких в нашей доброй Франции немало!

Распростившись со своими солдатами, я посетил четырех офицеров моего полка, находящихся также в лазарете, я нашел их помещенными в небольшом, специально устроенном для сего здании, где они имеют хороший медицинский присмотр, но им не могут доставить того небольшого внимания, которое особенно дорого для страждущих и часто помогает скорейшему выздоровлению, а потому всех больных офицеров при первой возможности отправляют в Константинополь, где они находят в госпиталях тысячу нежных забот, всегда преданных этому делу монахинь. И они всё-таки нетерпеливо ждут времени своего возвращения в лагеря, не охотно соглашаясь на свой отъезд в Константинополь.

По дороге в лагеря, проходя мимо базара, я остановился взглянуть на жизненные припасы и позволил себе маленькую роскошь! Хотя свиное сало и вкусно, но оно надоедает, а с некоторого времени дороги так плохи, что раздача хлеба и свежего мяса происходит редко. Из всего виденного, я мог выбрать и принести с собою небольшой пирог с печенкою, заплатив за него 15 франков.

И получил с отрядом, прибывшим из Франции, мое охотничье ружье и мелкие предметы, которые просил вас прислать мне. Благодарю…

31

Под Севастополем 1 декабря (21 ноября) 1854 г.

Составил список офицеров, которые заболели более или менее тяжело, со времени нашей высадки в Ольдфорде, в период $2^1/_2$ месяцев. Оказалось: 1 умерший, 2 раненных, 31 больной, из всей наличности 60 офицеров.

Очевидно, что болезнь скорее поражает офицеров, чем солдат, благодаря особенным обстоятельствам в которых мы находимся. Офицеры привыкли к большим заботам о себе и хотя подвергаются меньшему изнурению и имеют лучшую пищу, но труднее солдат привыкают к ежедневным лишениям и кроме того, в общем, у них сравнительно с солдатами меньше молодости.

Наши вновь прибывшие 400 человек были распределены почти поровну в каждую роту, где и сделались предметом особых забот; первые дни они не исполняли одинаковых работ со старыми, более привыкшими солдатами, так как их необходимо было приучить к палаткам, к грязи, к сухарям, прежде чем наряжать в прикрытие или на траншейные работы. Со вчерашнего же дня они принимают участие во всякой службе.

Моя рота вчера была в прикрытии батареи, состоящей из мортир большого калибра, в нескольких метрах от которой стоял часовой из вновь прибывших. Батарея внезапно открыла огонь, и мой бедный рекрут, изумленный, закричал, схватившись руками за голову: «Ах! Боже мой, маменька, Ах! Боже мой, маменька» и стал кланяться на все стороны. Товарищи его, как более привыкшие, осыпали новичка малоснисходительными насмешками. Выпрямившись и взглянув на них безгневным, но и непокорным взглядом, с видом человека решительного он сказал: «Хоть вы и называете меня трусом, но вы всё врете. Подите ко мне». И одним скачком, он взобрался на бруствер и встал там, как живая цель, несмотря на то, что множество пуль начали свистать мимо его ушей. Я едва успел толчком ноги спихнуть его назад в ров, так как не было еще примера, чтоб человек в таком положении мог избежать пуль русских наблюдателей… «Да, — сказал он вставая, — я никогда не слышал такого грохота и даже не понимал что случилось, думая, что мы все пропали».

Я подвел его за руку к батарее для того, чтоб он понял какого грома испугался. Увидя, как заряжают и стреляют из мортиры, он более уже не боялся и бесполезно прибавлять, что его товарищи уже не врали более на него, по его выражению.

По прибытии моем в лагеря, все оказались вне палаток,

которые были сняты, а одеяла растянуты для сушки. Весело праздновали, уверяю вас, присылку давно желанных больших турецких палаток. Они уже здесь, готовые к раздаче, каждая на 14 человек. Можно по крайней мере будет защитить свое оружие и амуницию, вместо того чтоб оставлять их постоянно на дожде, а следовательно чистить, и более удобно содержать всё военное снаряжение солдата. Люди будут в состоянии расстилать маленькие палатки по земле, вместо одеял, которые таким образом, избегут постоянного нахождения в грязи. Здоровье войск улучшится, отправка в лазарет сделается редкою и войсковые доктора будут иметь возможность оставлять в лагерях людей, нуждающихся только в небольшом отдыхе, чтоб вновь возвратиться на службу.

Офицеры также получат большую палатку на дивизию, но я не воспользуюсь ею, так как предпочитаю свою собственную, прекрасную, в которой помещаюсь один.

Положение лагеря будет несколько изменено, мы перейдем правее, чтоб нанять местность, на которой стояла 1-я бригада, около англичан.

Всё-таки надеются, что генерал Канробер решится сделать попытку к штурму. Известно, что со времени сражения под Инкерманом, крепость получила серьезные подкрепления, но также знают, что Меншиков, в виду затруднения содержать свою армию на полуострове, подался к Симферополю и Перекопу, и что поэтому он не может прийти вовремя на помощь к Севастополю. Узнали еще, что наличность осажденных день ото дня чувствительно уменьшается, вследствие нашего огня и болезней. Наконец, не безызвестно, что наши соперники значительно увеличивают свои средства сопротивления постоянными работами. Все эти обстоятельства заставляют предположить, что не пришла ли пора испробовать усилия и попытать взять город смелым ударом. Впрочем, сомневаюсь будет ли это благоразумно. Повторяю, что говорят кругом меня и что желают войска… но готовы ли англичане и требуют ли они, подобно нам, приступа?

32

Под Севастополем 8 декабря (28 ноября) 1854 г.

Погода сделалась немного мягче, только дождь упорно продолжается, но, к счастью, мы имеем средство избавиться от него. К нашим полушубкам нам дали пару брюк и полуодеяло на каждого. Когда солдаты возвращаются в лагеря, они оставляют полуодеяла, замокшие во время службы и покрываются теми, которые остаются в палатках. Санитарное состояние улучшается от таких удачных распоряжений, и у нас в продолжении этой недели вдвое менее больных.

Дурная погода очень стесняет перевозку снарядов, но она также неудобна и для русских, а потому обмен гранатами и ядрами между двумя армиями не является таким частым, как прежде.

Генерал Канробер распорядился сформировать батальон из шести рот охотников-лазутчиков. Служба их будет состоять также, как и сформированных уже рот охотников в занятии ложементов перед траншеями, с целью беспокоить русские засады из превосходных финских стрелков, вооруженных пристрелянными штуцерами, удачно обстреливающими наши траншеи и подступы.

Мера, принятая генералом Канробером, была необходима, в виду того, что когда мы отправлялись в траншеи, то должны были бегом проходить пространство от 15–25 метров, вполне открытое для пуль этих русских стрелков, каждый раз теряя несколько человек.

Русские время от времени производят по ночам вылазки. С этой целью они собирают у подошвы своих укреплений от 300–400 человек, и под прикрытием мрака, продолжающегося от 9 часов вечера до 5 часов утра, без шума подвигаются вперед до тех пор, пока движение их не будет замечено часовыми, стоящими с 6 часов вечера в 50 или 60 метрах впереди наших работ. Эти часовые отступают с целью произвести тревогу. Ближайший рожок трубит сигнал тревоги (Garde a vous). Все люди прикрытия сбрасывают с себя одеяла, наброшенные в виде плаща, берут оружие и становятся в оборонительное положение… Резервный батальон из «Clocheton» также разбирает ружья и стоит готовый двинуться вперед беглым шагом, в случае если нападение примет тревожную форму…

Этот момент полон интереса. Еще не знают какой пункт подвергнется нападению и благодаря такой неизвестности,

никакая часть не может быть перемещена. Необходимо ждать… но не долго!!.. Отчаянное ура… масса людей… ружейные выстрелы… бой в рукопашную в темноте…

Люди прикрытия, находящиеся сзади пункта нападения, для подания помощи бросаются прямо через бруствер, а не по подступам. Еще не успеют они прибыть на место, как раздается сигнал из крепости к отступлению, и русские затем оставляют траншеи, с такою же быстротой, как и заняли их, и возвращаются за свои укрепления. Дело тянется от 10–15 минут, но неприятель, зная, что наши резервы идут по прямому направлению, и когда уже местность очищена от его войск, шлет в нашу сторону массу пустотелых снарядов; это последний акт вылазки и каждый затем возвращается в то положение, которое занимал до нападения.

Такие атаки, до сего времени были не так губительны для нас, как для русских, которые всегда оставляли в наших траншеях более убитых и раненых, чем мы. Потери их увеличиваются при отступлении. В такие минуты наши разряженные ружья оказываются нам без пользы, но зато наша артиллерия преследует неприятеля и дождем сыплет на них гранаты и картечь!

Затем раненые наши, а также и русские переносятся на перевязочный пункт в «Clocheton», где получают первую помощь, а утром их распределяют по дивизионным лазаретам.

Эти нападения держат нас настороже. Скажу более, если б мы их от времени до времени не отражали, служба прикрытия в траншеях была бы невыносима. Надо, чтоб у людей поддерживался нравственный дух и чтоб они сознавали необходимость службы, которую от них требуют.

До сих пор мой полк, составляющий прикрытие правого фланга 3-ей параллели, и помещенный в самом ближайшем расстоянии от неприятеля, не имел случая отражать ночные нападения, но ему пришлось отправляться на помощь ротам, выдерживавшим нападение, и он много раз проходил открытое пространство отделяющее его от них и должен был выдержать ужасный артиллерийский огонь, всегда сопровождающий вылазку. При этом только один человек оказался раненым разорвавшейся гранатою, да я получил в плечо контузию осколком, почувствовав как бы удар кулаком.

Самое серьезное ночное дело до сегодня было истинным успехом для англичан и состояло в захвате ими сильной засады, находившейся впереди и немного влево от их работ. Эта засада, хотя и отделенная от наших крайних линий лощиной, названной «Английской» расстоянием не менее 400 метров, нас очень беспокоила. Финские стрелки обстреливали продольно наши

траншеи и подступы, по которым нам необходимо было идти к нашей 3-ей параллели. Лорд Раглан, по требованию генерала Канробера приказал атаковать эти ложементы колонною в 150–200 штуцерных и после ожесточенного боя, англичане завладели местностью, потеряв 60–80 человек.

Мой подпоручик отправился в Камыш, который мы называем также Мошенническим городом (Friponville), но навряд ли ему удастся раздобыть там что-либо для улучшения нашего обеда, сегодня довольно постного… Это постоянно составляет для нас важный вопрос.

33

Под Севастополем 16/4 декабря 1854 г.

Император недавним декретом упразднил название легкой пехоты и с 1 января будут только пехотные полки.

Хорошо понимаю, что между полками линейными и полками легкой пехоты была лишь одна разница в форме обмундирования. Обе части войска набирались одинаково, имели одно и то же оружие, исполняли одинаковую роль и таким образом ничто не объясняло различных названий, но, судя по недовольству офицеров, унтер-офицеров и солдат, время для такого сравнения избрано неудачно. 20-й легкий полк составил себе репутацию в осадном отряде, его имя было известно начальникам и каждый солдат гордился, когда генерал, проходя по траншеями осведомляясь о названии полка, находящегося в прикрытии в опасном пункте, говорил: «А, здесь стоит 20-ый легкий, я спокоен, можно спать крепким сном». Теперь же, когда мы называемся 95-м пехотным полком, у нас не будет того мелкого, но приятного удовлетворения самолюбия, хотя обстоятельства не замедлят дать возможность завоевать нам славу; несмотря на это, я также недоволен, как и другие, потому что всегда как то тяжело менять свое знамя!

Другим декретом, впрочем не неприятным, назначается лишнее содержание в 400–500 франков отправляющимся в кампанию поручикам и подпоручикам и от 600–750 франков капитанам.

Эта прибавка будет уплачиваться нам с жалованьем с 1 января и полезна всем, а особенно тем, кто употребит ее на обеспечение себя против суровости зимы, для лучшей своей обстановки, в видах сохранения сил и здоровья, двух качеств без которых воин теряет всю свою цену.

Я также по принципу расходую наибольшую сумму на возможное доставление себе удобств, для того, чтоб во всякое время быть в состоянии исполнять свои обязанности. Одинаково действую и в командовании своей ротой, за что мне люди очень благодарны и исполняют всё беспрекословно, зная, что если я и требую от них многого, то иначе не могу поступать.

Новое внимание императора заключается в том, что он прислал каждому офицеру восточной армии, без сомнения в качестве новогоднего подарка, три бутылки коньяку и 15 бутылок вина, что можно назвать очень находчивым, тем более, что становилось весьма затруднительным доставать коньяк и вино

даже в самом «Friponville».

Мы с нетерпением ожидаем, когда мороз сделает удобными дороги из нашего лагеря в Камыш, так как эти пути, проложенные по мокрой почве шириной более километра, имеют такие глубокие колеи, от проезда тысячи артиллерийского обоза и фур, что по ним двигаться невозможно, а потому хлеб и мясо нам доставляются редко! До сих последних дней скот, назначенный для убоя, вслед за его выгрузкой, пригонялся на бойню, находящуюся позади лагерей, но теперь он не может туда пройти. Вероятно волы и не сердятся на это, но нам то каково!..

Траншейные работы продолжаются с прежними затруднениями, так как часто встречается каменистая почва, поддающаяся только взрывам мин. Неприятель, предуведомленный громом взрыва, всегда направляет на эти пункты массу гранат и бомб, и мы теряем несколько человек.

Во избежание такого важного неудобства, устраивают бруствера из мешков, наполняемых в «Clocheton» землею и каждый рабочий приносит с собою один такой мешок. Вот еще одна из тяжелых работ.

Как бы то ни было, но мы достигли сооружения до сегодня 24-х батарей, вооруженных 150-ю орудиями, взятых частью с наших военных судов. Если вы пожелаете иметь понятие о весе орудия, его лафета, сплошных и полых снарядов, необходимых для всякого орудия, о состоянии дорог, возможности производить перевозку только ночью, часто по дождю, и, наконец, о затруднениях, которые вносят в эти действия неприятельские выстрелы, если вы хотите также иметь сведения о случаях, происходящих во время похода, о людях, убитых или раненых, — то представляя себе все эти картины, вы можете составить идею о сумме работы и усилий и о мере самопожертвования и мужества, которые были необходимы чтоб поставить на батареи 150 орудий, готовых выпускать ежедневно по 500 снарядов.

Англичане далеко отстали от нас, хотя и сделали всё, что от них зависело; но организация их ошибочна и несмотря на всё желание, они ничего не могут сделать более! Генерал Канробер объяснялся с лордом Рагланом и условился, что наблюдательный корпус генерала Боске будет оказывать нашим союзникам возможную помощь.

Вследствие этого уже берут из наблюдательного отряда достаточное число людей, для перевозки английских снарядов и для поддержания в исправности английской дороги из Балаклавы.

Видя наших союзников в таком несчастном положении, с изнуренными фигурами, страдающих и больных, я искренно их

жалею.

Расскажу Вам небольшое происшествие, которому не дают огласки, для того чтоб оно не достигло до наших главных начальников, которые будут поставлены в обязанность, хотя и против воли, преследовать наказанием главное действующее лицо.

Мы стояли в качестве прикрытия в траншее. Было 10 часов утра, небо пасмурно, сильный и густой туман расстилался над нами. Вдруг мы услышали горячую ружейную пальбу, из более удаленных от нашего правого фланга русских ложементов. Эта перестрелка постепенно возникала по линии, от левого русского крыла к правому и, когда мы стали доискиваться причин её, то заметили пролет большего стада диких гусей, подвигающихся от востока к западу, которые мимо русских ложементов, направлялись вкось в нашу сторону. Эта-то жирная дичь и была приветствуема русскими пулями, не задев впрочем ни одной из птиц!

Как скоро они достигли сферы наших выстрелов, поручик Кюлле взял ружье… Уже русские перестали стрелять… Паф!.. гусь падает, распластав крылья… Из русских ближайших к нам ложементов кричат: «Боно француз, боно француз! ура! ура!»

Гусь был убит на лету, но упал в 15 шагах по другую сторону откоса бруствера и идти за ним было опасно, так как неблагоразумного, рискнувшего на это, ожидала верная смерть.

Рота поручика, счастливого стрелка, находилась отдельно в конце третьей параллели, заворачивавшей вовнутрь, а потому подверженной только огню ложементов, защитники которых так сильно аплодировали по адресу офицера.

Поручик Кюлле испросил у своего капитана позволение пойти поднять свою дичь: «Вас убьют» «О! нет капитан, вы хорошо видели, что русские пули не попали в гусей: впрочем найдется средство воспользоваться взаимным соглашением». — «Ничего не знаю, делайте как хотите». Кюлле взял свой белый платок, привязал его к концу шомпола и подняв как знамя над бруствером закричал русским: «Bono Moscoves, Bono Moscoves!».

Спустя несколько времени, белый платок начальника неприятеля в свою очередь взвился над ложементами, и мы услышали явственно следующие слова: «Боно француз, перемирие заключено».

Поручик Кюлле велел поставить все ружья к брустверу, приказав не делать ни одного выстрела, чтобы ни случилось, и доверяя словам своего противника, высунулся в полкорпуса над парапетом.

Затем русский офицер взошел на скат ровика и, вытянувшись

во весь рост, геройски представил собою цель для выстрелов как бы в обеспечение принятых обязательств.

Тогда поручик приблизившись к своей птице, поднял ее, поклонился русскому офицеру и закричал: «благодарю», а затем возвратился с дичью в руках в траншею. В свою очередь ушел назад и русский офицер, одновременно с нами снявши парламентерский флаг. Вслед за этим раздались несколько ружейных выстрелов, как бы указывавшие, что вражда так рыцарски прекращенная, должна вновь войти в силу!

Этот небольшой случай, значение которого представитель власти, пожалуй, легко бы мог преувеличить перед военным советом, как уверяют, не единственный в подобном роде в продолжение этой войны. Называют капитана из наблюдательного корпуса, хорошо известного за свое прямодушие и храбрость, который находил через каждые 3–4 дня, в извилине одной скалы небольшой белый хлеб, которого у нас не было и заменял его несколькими кусками сахара, которого лишены были русские.

Говорят, что 5 ноября этот капитан нал раненый около русского офицера тоже раненого, и что они взаимно дали слово сообщать друг другу сведения, обменявшись своими карточками в том месте, где оба лежали раненые. Этих рассказов нельзя проверить; но они ходят по лагерям, и никто им не удивляется.

34

Под Севастополем 26/14 декабря 1854 г.

Вы мне пишете, что подробности которые, я сообщаю вам о наших осадных работах и вообще об армии, интересуют вас и что вам иногда приходит желание прочесть мои письма некоторым своим друзьям, прибавляя, что подпрефект, которому вы их читали, предложил послать их в газету в Реймс для напечатания.

О! Умоляю вас не уступайте никогда таким советам. Не могу понять необдуманность подпрефекта, не сознающего, что напечатание секретных разъяснений будет иметь серьезные последствия; данные в таких сообщениях обыкновенно не точны или преувеличиваются, и тогда они обманывают общественное мнение, если же случайно они оказываются правдивыми, то дают неприятелю указания, которые могут нанести нам большой вред.

Мы читаем многие газеты и часто встречаем там выдержки из писем, имеющие все только что указанные мною недостатки, и чем мы очень недовольны. Что касается рассказов о личных случаях, то мы смеемся над ними, так как они рассказываются наивными офицерами, воображающими, что только они спасли армию, и были причиной победы, или что только им одним предстоит взять Севастополь, при условии если их рвение не будет сдерживаться. Это косвенно приносит только вред рассказчику, но, к счастью, во французской армии мало офицеров, которые так смешны.

Мы находим также в газетах официальные рапорты военного начальства и уверяю вас, что они совершенно верны; в них нет всего, так как часто весьма важно оставлять неприятеля в неведении о некоторых фактах, особенно ему интересных. Думаете ли вы, например, что было бы удобно, если б он знал, что наши солдаты гибнут вследствие дурной пищи, что число больных равняется половине наличного числа армии, что почва до того промокла, что нельзя снабжать батареи снарядами в достаточном количестве, что солдаты настолько слабы, что не в состоянии сопротивляться немного более серьезному нападению? и проч.

Официальные донесения, непечатаемые, содержат все эти подробности, для того, чтоб правительство знало и могло исправить недостатки, и тысячу раз оно право, не предавая их гласности. Если в моих письмах я говорю о всех этих вещах смело, то потому только, что уверен, что вы их не отдадите на суд публике и что они не будут напечатаны ни в одной из газет.

Вы меня спрашиваете, часто ли я подвергаюсь опасностям? Я в этом отношении рискую не более и не менее, как все остальные люди моей роты, всегда бывая вместе с ними. Подобно им я оставался до сих пор невредимым и не желаю увеличивать ваши беспокойства. Наконец один раз, куда ни шло против воли расскажу, что случилось со мной недавно.

21-го декабря я командовал отрядом в 250 рядовых и мы находились в траншее в 130 метрах от крепости. Бомбы, ядра, гранаты падали на нас дождем, ни на секунду, впрочем, не останавливая нашей работы. Принесли суп. Восемь солдат спокойно уселись кругом котла, как вдруг совершенно неожиданно падает на контр-эскарп бомба, не далее как в $1^1/_2$ метрах от обедающих и в 8–10 метрах от меня. Снаряд разрывает, люди бросаются, как попало на землю, затем встают, считают друг друга… никого не тронуло, но котел с супом исчез и сгорела одна солдатская шинель. В момент, когда я смеялся над моими бедными рабочими, лишавшимися обеда, если соседи не поделятся с ними своим, приходит мой вестовой с обедом дли меня. Один из пощажённых бомбой обратился ко мне и сказал, смеясь: «Берегитесь, господин капитан, чтоб не случилось то же, что и с нами, у вас не будет того, кто мог бы предложить разделить его порцию». Вестовой поставил котелок на открытом месте контрэскарпа. Открываю его… О, удивление! Кроме супа, нахожу салат из подорожника! первый раз в продолжении двух месяцев! У меня потекли слюнки!.. Как вдруг ядро пробивает брустверь, не имевший еще должной толщины, вырывает тарелку из моих рук и смешивает мой аппетитный салат с землей, не опрокинувши, к счастью, моего котелка!

Другой и последний случай:

На следующий день, 21-го я был в охране траншеи. Было $6^1/_2$ часов утра. Ночь прошла довольно спокойно и я мог заснуть, сидя на ранце. Мимо проходил артиллерийский капитан и мы разговорились с ним, как вдруг падает бомба и попадает аккуратно в середину тура, о который я облокотился. Делаю прыжок вперед… бомбу разрывает и валит обоих нас на землю, но мы оба встаем не тронутые, между тем как сержант и двое людей, стоявших в 6 метрах от нас, были убиты наповал!

Такие происшествия бывают ежедневно и со всеми, об них даже и не сообщается друзьям, с которыми случается то же самое.

Я был до сих пор счастлив и надеюсь вперед на тоже. Горячие молитвы моей матушки должны принести мне благополучие и божественное покровительство, так благочестиво испрашиваемое, распространяется не только на меня, но чувствуется всей моей ротой.

И действительно, эта единственная из всех рот полка и даже бригады, у которой не было еще ни одного раненого или убитого в траншеях. И она не составляла какое-либо исключение, а исполняла всю службу других рот, производила одинаковые работы и стояла также в прикрытии… Люди мои считают, что я им приношу счастье. Увы! будущие события послужат им доказательством, что я не имею никакого значения в их судьбе. В конце концов мы подвергаемся лишь огню артиллерии, которая более страшит своим громом, нежели причиняет вред. Достаточно привыкнуть, чтоб считать этот гром за ружейную пальбу и уверяю вас, что все солдаты Восточной армии, даже самые трусливые, не обращают более внимания на свист ядра, чем на визг пули и более на взрыв бомбы и гранаты, нежели на гром ружейного выстрела. Мы привыкли.

24/12 декабря я был в прикрытии траншей. В полночь мой приятель лейтенант Жандр пришел пригласить меня отпраздновать канун Рождества с несколькими другими товарищами, на что я охотно и согласился. Придя в назначенное место, мы нашли там 8–10 офицеров, собравшихся за столом с хорошим солдатским хлебным пайком и прекраснейшей лионской колбасой. Три бутылки крепкого английского пива завершали пир. Через час уже ничего не оставалось… точно мы имели прекрасно сервированный стол, пулярдку с труфелями, политую Кортоном (de Corton)!

Мы были гораздо веселее, чем те, которые в такие же часы, восседали в сладострастных салонах Вефура или Rocher de Cancale и вероятно не менее их имели прекрасный аппетит, доказывая еще раз, что благополучие есть понятие относительное и что напрасно сожалеют о тех, которые для праздника имеют только колбасу, если по обстоятельствам их жизни эта колбаса является для них роскошью кутежа.

Несколько дней тому назад впервые появился снег, который ещё нас не беспокоит, разве только одних, посылаемых за дровами. Холод также приударил и наши солдаты всегда искусные, нашли хороший способ уберегаться от него под своими палатками, вырывая землю на глубину 30–40 сантиметров и делая из этой земли валик кругом палатки, который защищает снаружи против ветра и снега. Офицеры поступают, как и солдаты с прибавлением в палатке в виде усовершенствования, рода глинобитной печки, с вытяжной трубой, сделанной из сухарного ящика. К несчастью, редкие дрова не позволяют топить эти печи так часто, как бы хотелось. У меня же всё еще существует моя варненская палатка и мне нечего изменять в ней. Она двойная, и когда идет дождь, вода не проходит через нее; чувствую себя в

ней хорошо, а так как приучился не греться около огня, то едва испытываю холод.

35

Под Севастополем 31/19 декабря 1854 г.

Работы продолжаются: догадка, что цель их состоит в приближении к укреплениям крепости, а в подробностях, в уширении траншей, утолщении брустверов, устройстве ровиков для охотников и проч., — перешла в уверенность, и, кажется, даже можно считать собственно, так называемые, осадные работы законченными.

Англичане почти также подвинулись значительно вперед к 3-му бастиону (Grand Redan), который они должны взять приступом, тогда как нам предстоит брать 4-й (du Mât).

Все английские и французские батареи снабжены снарядами в такой степени, чтоб могли открыть огонь по первому сигналу и продолжать его безостановочно, в продолжении трех суток.

Почему же не испытать приступа?.

Русские со своей стороны, исправили существующие укрепления и возвели новые, которые совершенствуют на наших глазах, ставя преграды за преградой.

Говорят даже, что позади их работ они строят другие с таким расчетом, что если мы овладеем первой линией укреплений, то встретим за ними вторую линию сопротивления.

Почему бы не попытаться сделать приступ?

Наконец мы получили очень сильные подкрепления. Мой полк был переформирован, как и другие полки армии и наличность его увеличилась постепенным прибытием 850 человек, приехавших из Франции и в настоящее время он считает с лишком 1600 человек.

Армия, состоявшая в начале из 4-х дивизий имеет теперь 7 дивизий: 5-го (Левайлан), прибывшую в октябре; 6-ю (Пате) — в ноябре и 7-ю (Дюлака) — около средины декабря.

Почему же не испробовать штурма?

Вот вопрос, который возникает у инженеров, артиллеристов, в пехоте, но никто не может разрешить его!

Третьего дня я близко видел русских, командуя постом в 200 человек, расположенным в лощине называемой «Английской», и составляющим соединительную цепь между английскими и французскими отрядами.

Эта лощина не более 40–50 метров ширины, имеет очень крутые отлогости. Путь по ней приводит в южный порт, составляющий бухту большого Севастопольского рейда.

Небольшой русский пост в 15–20 человек стоит в здании,

имеющем вид четырёхугольного редута почти посредине лощины и я полагаю, что они воспользовались кладбищенскою часовнею.

Днем я произвел все наблюдения, которые казались полезными, ввиду возможности захватить в плен этот пост. Когда дежурный генерал Пиерсон посетил нас днем, я представил ему свои планы и испросил разрешение исполнить их. «Предоставляю вам сделать, как вы хотите, — сказал он мне, — но не даю вам никакого приказа, а рекомендую быть очень осторожным и избегать дела, которого генерал Канробер не желает ни при каких условиях, тем более, что результат, который вы надеетесь получить, не представляет особой важности».

Около 10 часов вечера, предупредив начальников прикрытий, стоявших у меня по сторонам, я разделил моих 200 человек на три отряда, из которых 100 человек оставил на месте поста, 60 человек выдвинул вперед на 250 метров, поставив их за стеной из наваленного камня, сам же продолжал подвигаться вперед с остальными 40 человеками, с целью обойти квадратный дом и, захватив его в тыл, разрушить и быстро возвратиться к месту поста.

Ночь была очень темна, и я с трудом распознавал местность, которую изучил днем. Остановив своих 40 человек и расположившись приблизительно в 150–200 метрах от неприятеля, я решил, прежде чем продолжать движение дальше, произвести новую рекогносцировку, чтоб с уверенностью подвести мой небольшой отряд в тыл русского поста. Для этого я взял с собою сержанта и трех солдат охотников и стал подвигаться с предосторожностью, ползя по каменистому пути, имевшему с правой стороны почти разрушенную стенку из сложенного камня, а с левой плетень. Я подвигался, останавливаясь, прислушиваясь и наблюдая, но за темнотою не мог отдать себе отчета о пройденном пространстве.

Вдруг мне показалось, что лощина уширяется, что передо мной стояла большая крепость и что я нахожусь совсем близко к Южному порту. Я был отделен от него только укреплениями, которые загораживали лощину, в чём и не было сомнений.

Обошедши квадратный дом, находившийся за 300 метров с лишком от моего места, я не встретил часового, и сам не был замечен.

В ту же минуту я услышал перед собою шум шагов приближающейся команды, между тем, как сзади стук оружия указывал мне на присутствие другого довольно значительного отряда, которого я и не предполагал здесь встретить. Мы находились между двух отрядов неприятеля… я был уверен, что мы попадемся… «Ложись, не стрелять без моего приказания»

сказал я тихо своим людям.

Мы легли на землю, за плетнем у пути и в таком закрытии, соблюдая самую строгую тишину, ожидали…

18 русских солдат с ружьями в левой руке, прошли в расстоянии метра от нас… Не хвастаясь скажу… я имел наготове пистолет, и если бы мы были замечены, то выстрелил бы, что сделали бы и мои люди. Затем мы воспользовались бы внезапностью этого неожиданного нападения, чтоб возможно скорее достичь нашего поста. Хотя русские прошли, но мы еще не были вне опасности, так как необходимо было возвращаться по той же дороге, и мы бы наверно должны были попасть в руки сменившегося и возвращающегося из квадратного дома поста.

«Встать» сказал я опять вполголоса… Русские были тогда, недалеко впереди нас, и вот мы пошли по пятам их, стараясь слить шум своих шагов с их ходом. Когда же они повернули возле квадратного дома налево, мы продолжали свой путь прямо, но в эту минуту справа раздался русский крик «Кто идет!..» Мы прибавили шагу, но не бегом… выстрел из ружья… сигнал… шум оружия.

Но вот наконец мы соединились с моим постом в 40 человек. Я узнал немного позже, что батальон русских ночью пришел в лощину в качестве резерва. Мы совсем близко проходили мимо него, и только при возвращении были замечены часовым. Мой проект не был выполнен.

Однако я не желал, чтоб моя попытка была вполне бесполезна. Недалеко впереди моего поста в 60 человек, который я свел с другим постом в 40 человек, на половине косогора, находилась прекрасная, почти разграбленная русскими вилла, так как до сего времени ни одного француза еще там не было. Я послал 25 человек взять оттуда всё, что можно. Устроилась цепь людей, идущих и возвращающихся от этого дома к моему посту и с часу пополуночи до 4 часов утра, дрова, мебель вполовину разбитая французскими и английскими снарядами, комнатные двери и прочие принадлежности были принесены на пост. Около 4 часов русские батареи заметя суматоху в вилле и около неё, послали нам достаточно снарядов, но оказалось, что даром, так как никого не задели. Однако я отдал приказание отступать, боясь, чтоб батальон, стоявший в резерве у русских, заметя наше присутствие, не отрезал бы нам путь.

Мой отряд поднялся, обремененный дровами и ломанной мебелью, и прошел мимо англичан, которые аплодировали, крича во всё горло: «Браво французы, Севастополь браво». Я сохранил для себя из этой добычи зальную двухстворчатую дверь, остальное же было употреблено на дрова при варке супа для моей

роты. Дверь оказывает мне большую услугу, так как одна половина её служила постелью, другая же — потолком в палатке.

Я сообщил полковнику траншей Раулю что видел, но он мне не поверил! Потребовалось, чтоб другой капитан из егерей Клиншан, командующий ротой охотников, уверил его, что всё сказанное мною — правда. Иногда необходимо иметь характер, чтоб не ослабеть в решимости исполнять свою обязанность, несмотря ни на какие обстоятельства!

Сегодня последний день в году и генерал Канробер делал смотр всем осадным войскам. Погода была прекрасная, снег почти исчез, а войска полны гордости и рвения идти вперед. Амуниция не блестела, может быть, как на смотру на Марсовом поле, но оружие было в отличном состоянии, вещи достаточно вычищены, выправка правильная. Проехав по фронту войск, генерал Канробер роздал кресты и медали, назначенные для Восточной армии. Наш 20-й легкий, завтра 95-й пехотный, получил пять кавалерских крестов. Избранные; капитан Луазель, лейтенант Пиерон, лейтенант Рибокур, все трое за выслугу лет, представленные ранее выхода из Марселя: подпоручик Шварц, блестящий офицер, тяжко, раненый и наконец раненый также сержант Гурбейт: капралы Пуеч и Турне, назначенные сержантами после взрыва, о котором я вам писал, получили медали.

У нас новый бригадный генерал де-Фальи еще молодой, но с видом, внушающим доверие.

Завтра первый день нового года!..

36

Под Севастополем 8 января/27 декабря 1855 г.

Положение наше не изменяется и нет никаких признаков, что должно измениться. Огонь крепости всё еще сильнее чем наш, и хотя нам известно, что мы не причиняем большего урона неприятелю, но продолжаем экономничать в снарядах, с таким затруднением перевозимых из Камыша к нашим батареям.

Вчера 7-го в 11 часов вечера была энергическая вылазка русских, которая с одинаковою горячностью отражена войсками 5-ой дивизии, прикрытием в той части траншеи, которая носит техническое название Т, по виду её формы.

Говорят, что русские сформировали специальный батальон для производства ночных вылазок численностью в 1000 человек из более рослых и сильных матросов и солдат, которые будут состоять под командою Бирюлева, самого сложения колоссального. Впрочем мы убедились, что энергия и хладнокровие делают больше, чем все соединенные вместе физические достоинства. Спросите у наших стрелковых рот, разве они не считают себя одинаковыми с нашими гренадерами и даже в некоторых случаях выше.

Холод довольно ощутительно чувствовался в продолжении нескольких дней и мы, пожалуй, не слишком жаловались бы на него, если б не выпал так неожиданно снег.

Дороги скрепленные морозом, сделали перевозку более легкой и поэтому раздача свежего мяса и хлеба бывает чаще, чему все очень рады.

Администрация теперь раздает офицерам припасы по цене закупки их оптом, вследствие чего наши кашевары могли запастись ящиками консервов мяса и овощей. Это обстоятельство приятно изменяет наш режим питания, сделавшийся слишком однообразным. Кроме того, каждый день в Камыш приходят коммерческие суда, нагруженные пищевыми запасами. Спекуляция, убедившаяся в большой выгоде первых маркитантов, и имея почти верные сведения, что армия будет зимовать к Крыму, снабжает нас теперь всем необходимым, и мы таким образом живем относительно хорошо.

Англичане отправляются чаще в Камыш, чем в Балаклаву и так как их мошна набита туже нашей и они платят за всё дорого, то цены не опускаются. Более всего мы чувствуем недостаток в дровах для варки нашей пищи, особенно когда снег покрывает землю и мешает собиранию корней кустарника, сучья которого

мы уже успели сжечь.

Три или четыре дня тому назад я был в прикрытии траншей, куда мой вестовой и принес мне обед, состоявший из чашки супа, говядины и сухой фасоли. Всё это пошло из лагеря горячим, но так как до места, где я находился, требовалось идти час с четвертью, то, когда я принялся за суп, он оказался замерзшим и мне пришлось ложкою ломать ледяную кору, причем я не мог разрезать ни говядины ни хлеба, а фасоль можно бы было послать русским вместо пуль. Но я поклялся найти способ сделать свой обед более удобным. Вспоминая о конфорках матушки со свечками, я взял небольшой солдатский котелок, вырыл неглубокую ямку и поместил на дно её свечу, получив таким образом готовую конфорку. Вчера я воспользовался ею в траншеях и через 20 минут суп, говядина и кофе были очень горячи.

Мой батальонный командир Тиге предложил мне убежище под шалашом из ветвей, устроенном инженерами в траншеях для офицеров высшего ранга. Однако около полуночи он сильно жаловался на холод и в таких выражениях, что зная его большую энергию, я обеспокоился. Не говоря ни слова, и не давая ему заметить, я в двух шагах от него зажег свою конфорку и через полчаса преподнес ему кипящий кофе. Бравый командир не знал, как меня благодарить и охотно обнял. Уверен, что в первом же карауле, у него будет своя конфорка.

С 1 января, особым императорским декретом главнокомандующему предоставлено производство в чины до батальонного командира включительно, когда должности вакантны. Тем же декретом ему предоставляется право награждения кавалерами ордена Почетного Легиона и военными медалями.

Все радуются этому распоряжению, позволяющему главнокомандующему немедленно на месте действий награждать и замещать вакантные места, не ожидая декрета из Парижа.

Может быть мне предназначено первому воспользоваться этою мерою. Старший адъютант капитан Морено назначен батальонным командиром, и товарищи называют меня заместителем его. Это бы было значительное преимущество, которого я больше всего домогаюсь, но капитан К… представлен на эту должность уже несколько лет и так как он прекрасный офицер, то я и не очень могу надеяться на успех Уже давно читал в газетах, что нам посланы в значительном количестве деревянные бараки, но их еще нет. Может быть их выслали лишь для генерального штаба или для интендантов, всегда первых, о которых являются заботы, но войска продолжают помещаться под

палатками. Во всяком случае бараки будут очень полезны для лазаретов, всегда наполненных больными, несмотря на частую эвакуацию их в Константинополь.

Легче всего заболевают солдаты, приезжающие из Южного лагеря, куда они были посланы между прочим, на поправку. Несчастные прибывают к нам изнуренные и отправляются в лазареты вскоре по высадке на берег. Вот почему на 450 человек, приехавших 6 недель тому назад, триста ушли в лазарет больные. Наоборот, на 200 человек, доставленных из наших казарм в Монпелье уже две недели, только двое были переданы доктору. Этот южный лагерь, вместо того, чтоб излечить, изнурил несчастных посланных туда и отнял у них подъем духа.

Не думайте, что все эти ежедневные потери от неприятельского огня или от болезней, нас неблагоразумно приводят в отчаяние; мы жалеем покидающих нас, но утешаемся, зная, что те, кто остаются — малые надежные. Для войны лучше сто испытанных, здоровых солдат, чем триста плохих, хилых, без энергии и деятельности. Убежден, что мы легче достигнем успеха с 60–75 тысячами людей, из числа 120 тысяч, высадившихся на берег Крыма, чем если б действовали теперь с этим количеством, но больных людей. Не говорите же, узнав о возвращении слабых во Францию: армия уменьшается, скорее напротив: армия крепнет!

37

Под Севастополем 9 января (28 декабря) 1855 г.

Тра-ла-ла, тра-ла-ла… довольно!.. старший адъютант должен быть серьезным… да; мои милые батюшка и матушка, я полчаса тому назад старший адъютант.

Меня позвал полковник: «Капитан, вы назначаетесь старшим адъютантом, вот приказ. С сегодняшнего дня вы вступите в свои новые обязанности и передадите командование своей ротой лейтенанту Леандри. Вы должны считать свое назначение наградой и доказательством также моего доверия». — «Благодарю вас, полковник, обещаюсь сделать всё возможное, чтоб быть достойным награды и оправдать доверие».

Я вошел в свою палатку с приказом в руках. Тра-ла-ла… тра-ла-ла… и спешу поделиться с вами этой хорошей новостью.

Однако, я сожалею о своей роте! Какие славные и хорошие солдаты!.. всегда преданные, усердные, старающиеся хорошо исполнить все свои обязанности.

Когда я командовал ротой, то хотя правда был и небольшой пружиною в общей машине, но зато часто внушал другим свои побуждения, действовал прямо, приказывал и имел непосредственную ответственность за факты, лично зависимые от меня, теперь же я ничто иное как колесо!.. да, но колесо, находящееся в прямой зависимости от всех больших пружин, которые дают движение. Я увижу игру, дам отчет в её действии, буду передавать распоряжения, полученные от начальствующих, узнаю их дух, цели…

Но зато если дурно пойму их указания, если передам их не точно… всё пойдет наоборот… Чёрт возьми…

Это более серьезно, чем я думал.

Последнее тра-ла-ла… и теперь весь отдаюсь своему делу!

Жалею о моем товарище К…, который вполне рассчитывал на свое назначение и даже в ожидании сего провел часть вчерашнего дня, приводя в порядок свою седловку.

Я сам иду сообщить ему эту новость, если он еще не знал о ней, и постараюсь сделать это в самой деликатной форме, надеясь, что сумею не оскорбить его и сохранить наши прежние отношения. Ведь не моя вина, что полковник предложил должность мне! Я никогда ни сказал, ни передавал через других ни одного слова, которое могло бы повредить товарищу и если он не пожмет мне руку, которую я протяну ему… то тем хуже для него.

Необходимо собрать свою роту, чтобы проститься с моими храбрыми солдатами… я уже вперед чувствую волнение… не забуду их… Зная каждого по имени, я могу быть еще им полезным… Сержант Касень и рядовой Пикар вполне заслужили медали за свою деятельность, энергию и за пример им подаваемый. Буду иметь причину им пригодиться!.. О мои люди! мои люди!.. теперь их более нет у меня… они более не мои!!!

Затем я отправлюсь к своему командиру батальона и к полковому командиру, пойду представиться моему бригадному генералу, начальнику дивизии и его начальнику штаба. Затем, мне передадут во владение лошадь моего предшественника, очень хорошее животное, которое привезено им из Франции.

Но у меня уже есть лошадь… я получаю даже три выдачи фуража, одну для казенной лошади и две для мула и другой лошади, которые мне дозволено купить на свой счет. Мое седло плохо, а потому я прошу дорогого батюшку купить мне полный седельный вьюк у Каруля и прислать его возможно скорее. Прикажите завернуть его побольше в солому, которая мне будет служить к обновлению тюфяка, уже довольно тонкого. Прибавьте также, прошу вас, по моей мерке пару больших хороших сапог Мартини, улица Риволи.

Прощусь сегодня с моим кашеваром. Старшие адъютанты обедают у полковника, с командирами батальонов и двумя полковыми врачами. Нас за столом будет семеро в ожидании прибытия помощника полкового командира.

Так как я самый младший, то, вероятно, буду назначен наблюдать за подробностями кухни, то есть для фуражировки.

38

Под Севастополем 17/5 января 1855 г.

Пишу вам наполовину окоченелыми от холода пальцами.

Температура за неделю тому назад изменилась и термометр указывает –8° в полдень, падая до –12–14° во время ночи, и кроме того почва покрыта пластом снега в 40 сантиметров. Дует сильный северный ветер, поднимая снежную пыль, проникающую повсюду и осаждающуюся на одежде, которая делается от этого твердою.

При этом является полный недостаток топлива для варки пищи. Есть роты, которые уже два дня едят только сухари, натертые салом!!! Интендантство велело раздать клепки от бочек в два гектолитра, в каждую роту и вот такой жалкой дозой дров, необходимо будет сегодня, кипятить восемь котлов!.. а завтра?

По мере того, как у нас затруднения возрастают, смелость русских увеличивается. Почти всякую ночь, они производят вылазку со славным батальоном под начальством Бирюлева. Сомневаюсь, чтоб этот батальон мог просуществовать долго, так как при каждой вылазке, он оставляет на пути убитых, раненых или пленных, более того, что теряем мы. Этот батальон выходит из своих казарм, только во время действия, так что люди его всегда отдохнувшие и свежие, с совершенно исправным оружием, между тем, как те, на кого они нападают находится в траншеях 15–18 часов, наполовину окоченелые от холода, в одежде, не дающей свободы движений, с оружием, забитым снежною пылью.

Жестокий холод сильно увеличивает число бесполезных для дела людей. Сегодня утром я с трудом мог найти 45 солдат в роте, чтоб занять траншею в качестве прикрытия, и так как оно должно состоять из 500 человек, то мне пришлось взять около 150 человек из батальона, которому полагался отдых.

Во время ночи в лагерях, люди под палатками не так страдали. У них были пальто на меху, два полуодеяла, широкий плащ и шинель с капюшоном, но днем и, особенно, когда они находились в траншеях, дело было совсем в другом виде.

Я вам описываю довольно мрачную картину нашего положения, и нисколько не преувеличиваю, но знайте, что в остальных нет никакого отчаяния. Каждый серьезно встречает неудобства положения и все, офицеры и солдаты, обладают твердостью и нравственными чувствами, которые можно бы считать неправдоподобными, если б каждый день не приносил доказательств этому. Судите сами.

…Холод заставляет меня прекратить письмо. Я буду продолжать его завтра.

18/6 января.

Ночью с 13/1 на 14/2 холод был очень силен и в изобилии выпал снег, — хороший случай для русских.

Неприятельская колонна от 200–300 человек, напав на пост в 200 человек, находящихся в Английской лощине, сначала наткнулась на передовой отряд в 40 человек под командою подпоручика Жалье; на этом пункте завязался остервенелый рукопашный бой, с обеих сторон не отступая ни на пядь земли. Капитан Лебрень, командовавший главным караулом, послал беглым шагом подкрепление в 80 человек, чем и заставил окончательно отступить русских. Таким образом 40 человек держались одни, более чем в продолжении 20 минут, защищаясь, против значительно превосходящего их числом неприятеля.

В этом деле произошли два частных случая.

Русский бросил лассо (lazzo) на французского солдата, и схватив его за горло, рассчитывал утащить, но подпоручик Жалье освободил его, ударив саблей по лицу русского солдата.

Совершенно юный, небольшого роста и хилый Мошера де Лангпре, поступивший сначала войны охотником в ряды, под покровительство своего брата, служившего в полку, увидав перед собою русского солдата колоссального роста и массивного телосложения, мужественно бросился на него со штыком. Храбрый русский смотря на это дитя, удовольствовался тем, что отбил его удар и схватив на руки отважного крошку капрала, взял его в плен.

Русский главнокомандующий, узнав об этом, приказал представить себе юношу капрала, и чтоб вознаградить храбрость (подчеркиваю эти последние слова), позволил ему на другой день после дела написать о себе брату.

В ночь 15/3, первый батальон моего полка, находился в прикрытии на путях сообщения, кончающихся 3-ею параллелью. Очень сильный, морозный ветер, поднимал мельчайшую снежную пыль. Люди, покрытые своими полуодеялами, могли с трудом ворочаться и автоматически топтались на месте, чтоб избежать замерзания ног.

В $11^1/_2$ часов ветер прекратился сразу, но звезды блистали и мороз был чувствителен.

В час утра раздались бешенные ура на пункте, занятом тремя ротами 74-го пехотного полка и лавина русских великанов заполнила траншею.

Наша рота егерей, под командою капитана Бенуа, находилась

вблизи места нападения. Люди сбросили с себя отвердевшие от снега одеяла и устремились на помощь 74 полку, но ружья не действовали, снежная пыль не позволяла их зарядить и по необходимости пришлось броситься в рукопашный бой!!! Я оставил своего батальонного командира и быстро пробежал с ближайшими ко мне людьми 200 метров, разделявших меня от места нападения, прибыв во время, чтоб видеть командира Бирюлева, стоящего на бруствере и толкающего в траншею нерешительных своего батальона. Тут я получил в правый бок удар прикладом, упал на землю и потерял сознание. Когда я поднялся, русские уже отступили, отзываемые своими сигнальными рожками. Затем начался обычный фейерверк гранат, бомб, картечи и проч.

С рассветом, траншея оказалась наполненною убитыми и ранеными и между первыми были капитан 74 полка и два очень хороших унтер-офицера моего полка Андрие и Гильемини. Между вторыми командир 74 полка Румежу.

Из этих примеров вы видите, что значение наших солдат не уменьшилось вследствие страданий и лишений, на которые их осудили обстоятельства, что нравственный дух их остается твердым и что они за свое мужество, заслуживают поощрения от Франции.

И действительно, мы узнаем из газет, что в городах и деревнях нашего отечества составились многочисленные комитеты для сбора пожертвований в пользу восточной армии, что эти комитеты взаимно соперничают в доставлении всего того, что облегчает наше положение. Какой жар энтузиазма в населении… но между тем мы ничего не видим из привозимого…

Вероятно, все эти пожертвования скопляются в беспорядке, по причине их многочисленности в магазинах Марселя или Тулона, и мы их получим тогда, когда они будут нам менее полезны. Это очень жаль.

39

Под Севастополем 29/17 января 1855 г.

Вновь была произведена попытка вылазки против наших траншей, но мужественно и храбро выдержана 46-м пехотным полком и иностранным легионом.

Кажется, все эти ночные битвы предпринимаются командиром Бирюлевым. Он действительно выказывает доблесть и неустрашимость, вне всякой похвалы. Несмотря на причиняемое нам зло, его уважают не только все французские офицеры, но даже и солдаты «Не за что на него сердиться, говорят они, он такой же солдат как и мы, и также, как и мы сражается за свою отчизну». Вот в двух словах формула, которая должна управлять отношениями двух армий, сражающихся одна против другой и всегда между ними есть связь, которая должна сближать их вне поля сражения. Связь эта, общность одинаковых чувств самоотвержения, жертв, чести, преданности отечеству! Эти свойственные всем чувства естественно приводят на поле сражения к взаимному уважению и исключают всякую ненависть. Тогда вступает в свои права любовь к ближнему. Заботятся о раненых, с деликатностью обращаются с пленными, стараются не вспоминать, что недавно были лютыми соперниками. Если бы я встретился в траншеях лицом к лицу с командиром Бирюлевым, то желал бы, чтоб между нами произошла борьба на смерть, но если мне пришлось бы встретить его не на поле битвы, то был бы счастлив пожать ему руку.

Я вам писал, что русский главнокомандующий разрешил капралу Мошера де-Лонгпре написать своему брату. И хорошо сделал, потому что всякий человек, исполняющий свою обязанность, должен быть вознагражден, даже и тогда, когда исполнение её приносит вам вред.

Наши союзники не могут более держаться, они уходят в лазареты и госпитали или лежат больные у себя в палатках, и не знаю, в состоянии ли будут в настоящую минуту выставить на линию более 5–6 тысяч человек, хотя подобно нам, получили довольно значительные подкрепления, но они пришли частями с Мальты, довольно долго оставаясь на этом острове с умеренным климатом, а поэтому прибыв в наш ледник, они быстро ослабевают и не могут исполнять службы.

Возник настоятельный вопрос о посылке нашей 2-й бригады для соединения с 1-й к Мельнице (an Moulin) и даже о совершенном отделении всей дивизии Дюлака, чтоб дать

возможность наблюдательному корпусу англичан соединиться с его осадным отрядом. Может быть тогда они будут в состоянии продолжать работы перед 3-м батальоном (Grand Redan) и завладеть им, когда придет пора.

Самолюбие англичан должно очень страдать в сознании себя такими слабыми сравнительно с французскими солдатами! Если эта кампания и не научит их бояться нас, то заставит, по крайней мере, относиться к нам с уважением. Температура сделалась немного мягче, холод уменьшился и снег пропал, однако, розданные нам носки, чулки и сабо, особенно последние, были с удовольствием приняты всеми офицерами и солдатами.

Эти предметы составляют отечественные пожертвования и идет слух о будущем прибытии фуфаек, которые также примутся с удовольствием.

Администрация решилась послать в Варну несколько коммерческих судов, находящихся на стоянке в Камышевой бухте для перевозки оттуда дров, вследствие чего могла произвести раздачу достаточного количества топлива для кипячения котлов.

Интендантство сделало бы хорошо, подумавши о лошадях, выдачи которым подлежат уменьшению. Они определены в 5 кило ячменя и 2,5 кило сена, вовсе без соломы, что совершенно недостаточно, особенно для артиллерийских лошадей, которые очень изнуряются, потому что за ними не может быть хорошего ухода. Не главнокомандующему думать о таких подробностях и это прямая обязанность интендантства; но интендантство!.. Не желая быть эхом существующего злословия о нём, ставлю вместо этого точки, так как критика не моё дело и кроме того она очень легка…

Вся армия еще не имеет больших палаток и войска наблюдательного отряда помещаются, большей частью, в маленьких. Кажется, первых нет уже более в Константинополе, а те которые имеются во Франции, употреблены в Северном и Южном лагерях, между тем, как они больше, бы оказали услуг в нашей холодной местности.

Я встретил в траншеях дивизионного генерала де Саль, который выказывал внимание ко мне, когда я был под его командою в Монпелье. Он сейчас же узнал меня и пожал руку, а я показал ему наши работы. Высадившись только два или три дня тому назад, генерал еще не был знаком с местностью. Мы встретили артиллерийских офицеров, которые давали ему технические разъяснения и сообщили между прочим, что по их вычислению, русские должны были израсходовать 3 миллиона кило пороха с начала осады! Наши четыре больших арсенала во Франции едва могут насчитать это ужасающее количество, а в

Бресте, по рассказам, у нас в запасе только 800 тысяч килограммов.

По случаю определения меня в должность старшего адъютанта, мой генерал де Фальи оказал мне честь, пригласив на завтрак.

Сменившись с дежурства в прикрытии траншей, я был в невозможном костюме, покрытый с головы до ног грязью, а потому попросил позволения генерала переодеться. «Нет, нет, — сказал он мне, — я желаю чтоб вы были в чём есть». Сознавая, что это будет простое испытание меня, я стал наблюдать. Он мне высказал новые взгляды на мою службу, и я постараюсь воспользоваться его уроками. Могу сказать, что я научился во время завтрака более, чем за год практики.

Как бы я желал, чтоб моя добрая матушка, писала мне без выражения печали. Как бы мне хотелось уверить ее, что я сам делаю только то, что требую от своих подчиненных и что не буду безрассудно подвергать себя опасностям, которым не подвергаются все другие!.. Матушка, вы всегда такая мужественная, сколько бы пролили слез, если б могли предположить, что ваш сын колеблется в исполнении своего долга… вы бы отступились от своего детища, и были бы правы… Да поддержит Вас упование на Бога в эти дни испытаний; придет время, когда во взаимных объятиях мы будем счастливы, что пережили эти события!!!

40

В лагерях под Севастополем 5 февраля/24 января 1855 г.

В ночь на 31/19 января русские произвели энергическую вылазку с целью завладения вновь сооруженной батареей, наносившей им большой вред. Неприятель ворвался на батарею, но был отбит 7-м и 42-м пехотными полками и 19-м батальоном егерей, не успев заклепать наши орудия. Русские, против обыкновения, были в большом числе, и мы потеряли около 150 человек убитыми и ранеными и в числе первых командира инженеров Дюма.

Не могу объяснить себе цель преследуемую русскими, предпринимающими такие частые вылазки и с такими незначительными силами. Думают ли они увеличить наше изнурение, а следовательно и большее заболевание? Но в траншеях при переносимом нами холоде, нет возможности отдыхать, и было бы весьма опасно не быть постоянно настороже. Когда неприятель нападает, одни только защитники атакуемого пункта с резервным батальоном выдерживают удар, а в лагерях даже и не знают, что происходит сражение. Более того, мы извлекаем большую выгоду из этих нападений, так как такие частые битвы, последовательно выдерживаемые всеми корпусами, без урона для каждого, приучают людей к военным трудам, возвышают дух, мешают нашему отчаянию и скуке, так как за ними следуют награды, и поддерживают соревнование. Неприятель не пользуется подобными преимуществами, ибо все его вылазки делаются одним и тем же батальоном, правда весьма отважным, но который с каждым днем поэтому уменьшается. Если, наоборот, русские нападали бы на нас с силами в 5–6 тысяч человек, траншейные прикрытия не могли бы противиться такой лавине, и должны бы были отступить, следовательно, были бы посланы на помощь резервы, а войска в лагерях пришлось бы ставить в ружье и идти вперед. Вот что было бы изнурительно для всех и чего нельзя бы было выдержать долго. Кроме того неприятель при таких условиях, проникая на батареи, был бы в состоянии заклепать наши орудия, повредить и сделать их негодными для дальнейшей службы, уничтожить насыпи, засыпать траншеи, одним словом, нанести бы нам значительный вред и нашим людям пришлось снова начинать ту же работу, что могло бы привести в отчаяние. Стычки могли бы иметь более серьезные последствия, если б первый удар заставил бы нас отступить.

Русский начальник, вероятно, имеет причины так действовать, но я не могу себе их объяснить.

Припасы приходят с затруднениями и у нас вот уже неделя только сало да сухари на угощение! И не только одни люди могут жаловаться на это! Выдача нашим лошадям еще уменьшена, и они теперь получают лишь 7 кило ячменя без сена и соломы. При таких условиях животные могут служить только на две недели.

Кого винить в такой непредусмотрительности?

Необъяснимые причины клонят к предположению о нашей административной неспособности! Я хорошо знаю, что англичане переносят еще более нас от этих недостатков администрации, но они не содержат, как мы, с большими издержками, специальный корпус, назначенный снабжать их без контроля, всем необходимым. Генерал Канробер предложил англичанам несколько запасов хлеба, которого у них недоставало, и хорошо сделал; необходима взаимная помощь между союзниками, но этот акт великодушия нисколько не доказывает преимущества нашей администрации. Мы не менее их дошли до многих лишений, которые можно бы было избежать при небольшой предусмотрительности, так как имеется сведение, что еще 6-го ноября высшим сферам было известно, что армия будет зимовать в Крыму.

Уже 5 дней, как мы извещены, что 2-я бригада должна соединиться с 1-ю в лагерях у Мельницы, а потому мы более не принимаем участия в прикрытии траншей. Это серьезный отдых для всех офицеров и солдат, так как мы проводим все ночи под палатками, и только днем заняты перевозкой снарядов из Камыша к нашим батареям, которые снабжаются ими с таким расчётом, чтобы быть в состоянии в продолжении трех дней выпускать 70 000 выстрелов в сутки. Так как известно, что русские возвратят нам, по меньшей мере, выстрел за выстрел, то выходит музыка в 140–150 тысяч высоких нот в день! при аккомпанементе пальбы из ружей, мы будем исполнять самые разнообразные танцы! С таким снаряжением нашей артиллерии спешат, так как главнокомандующий не желает быть застигнутым врасплох, зная, что русские вчера получили сильные подкрепления и значительный обоз пищевых запасов и вооружения.

У нас новый начальник дивизии генерал Майран, заменивший принца, возвратившегося во Францию, и мы довольны такой заменой, надеясь, что наш новый командир, заставит возвратить своей дивизии награды, которые умышленно раздавались ей скудо, когда она была под начальством принца.

Наш славный полковой командир плох, раны его раскрылись,

так как он слишком поспешил выйти из Константинопольского госпиталя, чтоб догнать свой полк. Теперь, когда он будет представляться не принцем, то мы все ожидаем, что он скоро будет назначен бригадным.

Несколько дней тому назад прибыл инженерный генерал Ниель, который, изучив с большим тщанием обложение Севастопольских укреплений и окрестности этого города, объявил, что взятие 4-го бастиона (du Mât) и 3-го (Grand Redan) не сделает нас обладателями города, что все работы, стоившие нам такого труда были, если не бесполезны, то по меньшей мере только побочными и что, по его мнению, главный пункт, который сделает нас хозяевами крепости, — Малахов курган. Он подверг критике военного совета новый план атаки и привел такие прекрасные данные, что все члены этого совета признали необходимость изменения первого плана, сообразно указаниям нового.

Впрочем, нельзя обвинять генерала Бизо в недостатке верного взгляда при составлении им первого плана. Малахов курган в то время не был тем, что он представляет теперь. Простая каменная башня, сначала не имевшая вида серьезной защиты, если б и была взята нами на первых порах, всё-таки не дала бы возможности господствовать над Севастопольскими укреплениями. Но с тех пор, генерал Тотлебен заставил произвести в ней большие работы, утроившие её значение. Кроме того, когда мы начали осадные работы, никто не предполагал необходимости правильной осады и думали, что город сдастся после первой бомбардировки в продолжении нескольких дней, если не нескольких часов, и с этой целью были очень удачно устроены наши батареи.

Исполнение нового плана вызвало другую организацию союзной армии. Приказ генерала Канробера следующим образом определяет ее.

Французская армия, считающая в действительности настоящую наличность в 70–80 тысяч человек разделена на три корпуса.

I-й корпус под начальством генерала Пелисье состоит из 4-х дивизий:

1-я генерала Форе — 5-й батальон егерей, 19, 26, 39 и 74-й пехотные полки.

2-я генерал Левальян — 9-й егерский, 21, 42, 46 и 80-й пехотные полки.

3-я генерал Пате — 6-й егерский, 28 и 98-и пехотные и 1-й и 2-й полки иностранного легиона.

4-я генерал де Саль — 10-й егерский, 18, 79, 14 и 43-й

пехотные полки.

II-й корпус под командою Боске состоит также из 4-х дивизий.

1-я генерал Буа — 1-й егерский, 7, 20 и 17-й пехотные и 1-й полк зуавов.

2-я генерал Каму — 3-й егерский, 3-й зуавов, алжирские стрелки, 50, 6 и 82-ой пехотные полки.

3-я генерал Майран — 19-й егерский, 2-й зуавов, морская пехота, 95-й, 97-й пехотные полки.

4-я генерал Дюлак — 17-й егерский, 57-й, 85, 10 и 71-й пехотные полки.

III-й корпус резервный, остается под начальством главнокомандующего генерала Канробера.

Дивизия Брюне — 86-й, 100, 49 и 91-й пехотные полки.

Бригада Императорской гвардии, генерал Ульрих.

Дивизия кавалерии — генерал Моррис, состоит из 4-го полка гусар, 6-го драгун, 1-го и 2-го полка африканских егерей.

Первый корпус будет продолжать осадные работы перед 4-м бастионом (du Mât).

Второй начнет новые работы перед Малаховым. Резерв должен находиться между двух корпусов, в распоряжении главноначальствующего.

Об англичанах не упоминается. Очевидно, что они будут все соединены в отдельный корпус, чтоб продолжать работы перед 3-м бастионом (Grand Redan) за исключением их кавалерии и одного пехотного полка, находящегося перед Балаклавой.

Что касается турок, то они посланы в Евпаторию.

Погода, великолепная, почти жарко, чем я и воспользовался, отправившись на рекогносцировку места, которое нам предстоит занять в лагерях около Мельницы (еще здесь стоят англичане) и где нам будет удобнее, чем в нашем настоящем лагере.

Во время осмотра, я проходил возле местности, где еще находятся не зарытые по меньшей мере 500 лошадиных трупов. Не следовало бы медлить закопанием их, если особенно продолжится такая жара как сегодня.

Я узнал, что командир Бирюлев ранен пулею в бедро, во время вылазки против наших траншей. Многие из офицеров, которые с ним сражались, воспользовались днем парламентерских сношений, и послали ему свои визитные карточки как знак уважения. Нахожу, что они поступили прекрасно.

41

Лагерь у Мельницы 16/4 февралі 1855 г.

Перемена лагеря, которая должна была состояться 11 февраля, замедлилась, вследствие дурной погоды, дождей, холода и снега. Она произошла только третьего дня 14/3.

Генерал Форе простился с нами самым лестным приказом и мы без всякого сожаления покинули грязную местность, которую занимали более 4-х месяцев.

Утром в 8 часов, при мягкой, но пасмурной погоде генерал де Фальи предупредил меня, что я должен сопровождать его верхом, так как он хотел быть на месте нового лагеря на несколько часов раньше своей бригады и добиться от английского отряда, занимавшего еще своими палатками предназначавшуюся нам местность, совершенного очищения её к 2-м часам.

Дорогой мы беседовали; генерал относился ко мне благосклонно, а я выслушивал его с уважением, подобающим высшему начальнику. Вдруг он меня спросил.

«Ваш полк состоит ли в комплекте и все ли ваши посты присоединились к нему?»

«Недостает одной роты, отряженной к монастырю Св. Георгия».

«Почему же она не была снята?»

«Главный штаб не прислал приказания».

«Следовало распорядиться самим её возвращением, не ожидая приказа, так как у вас не было времени составлять его. Знайте и запомните хорошенько. Когда вы полагаете, что-либо полезным или необходимым, и если не имеете времени составить приказ, следует взять инициативу этого на свою прямую ответственность. Если вы ошиблись, тем хуже для вас, вы понесете кару, если же сделали удачно, не ожидайте, чтоб вас похвалили за это. Даже более, когда вы известились о причине, вызвавшей приказ, когда вам будет предложено к достижению известная цель, не раздумывайте, если заметите, что приказание не было исполнено в духе, диктовавшего этот приказ, и если есть неотложность, пользуйтесь именем вашего полкового или даже и бригадного командиров, чтоб поставить дело в лучшее положение. Вы отдайте затем отчет начальнику, авторитетом которого действовали в том, что вы предписали его именем. В таких случаях хотя вы рискуете быть строго порицаемым, без надежды на поощрение, но будете удовлетворены исполнивши свой долг. Избегайте докучать своему начальнику, приходя к

нему во всех случаях за распоряжениями или инструкциями по всем неважным подробностям; оставляйте их на свой риск и ответственность, и вам может быть будут благодарны за инициативу. Сейчас я пошлю вас к английскому генералу, командующему войсками, еще занимающим местность нашего нового лагеря, с поручением получить от него формальное обещание очистить местность до прихода бригады. Вы знаете обидчивость англичан, уважение, которое они требуют от своих подчиненных и их медленность, когда дело идет о движении. Приготовьте заранее средства достичь цели. Я буду ждать вас у Мельницы. Если вы успеете, тем лучше, если же нет, вы мне точно докажете, что передавали им и что получили в ответ, и я не замедлю высказать, если понадобится, что вы дурно сообщили им мои намерения и вновь обращусь с просьбами к ним в уважительном тоне, так как желаю достичь цели. Одним словом, вы будете служить пробкою между мною и ими. Постарайтесь понять меня… а теперь отправляйтесь…»

Я оставил начальника немного озадаченный и отправился к английскому генералу, которого нашел прекрасно устроившимся в бараке. Спустя полчаса, я возвратился к генералу де Фальи и с довольным видом доложил ему, что местность будет освобождена к часу пополудни.

Генерал ушел, сказав мне, что приглашен на завтрак и что сожалеет, что не может привести и меня с собою.

Было около 11 часов, и я направился к лагерю зуавов, с надеждой найти у одной из маркитанток кусок хлеба и еще что-нибудь.

«А, милейший капитан, у вас чутье. — Оборачиваюсь и вижу полковника Клерка, который прибавил протягивая мне руку. — Надеюсь вы будете завтракать со мною».

Я последовал за ним в большую французскую палатку, где встретил генерала де Фальи… Прелестно убранный стол… 14 приборов… роскошный завтрак!.. (до сих пор у меня текут слюни!)

Полковник Клерк получил от Шеве, вполне приготовленный завтрак, каждое блюдо в ящике из белой жести хорошо запаянной, и достаточно было их разогреть, опустив в кипяток; только одна индейка с трюфелями потребовала особого поджаривания её в лагерной кухне. Вина бордоские, бургонские и шампанские, даже тарелки, блюда, стаканы, всё было заделано в одном ящике и пришло прямо из Парижа… Этот княжеский подарок был сделан полковнику зуавов одним из его друзей.

В половине второго генерал де Фальи и я сели на лошадей и отправились встречать бригаду и устраивать ее на местности

английского лагеря, очищенной не более, как четверть часа тому назад. Этот лагерь поставлен на плоскогорья, где происходило Инкерманское сражение, в 500 метрах впереди местности у Мельницы и в 100 метрах от почти отвесных вершим гор, господствующих над долиной реки Черной. Местность сухая, каменистая, с легким склоном, но без воды. Это рай в сравнении с местом, которое мы покинули, зато оно более удалено от Камышей, и сюда труднее будет доставлять запасы, а потому можно бояться, что раздача хлеба и мяса будет происходить еще реже прежнего. Как бы то ни было, все довольны, и так как не холодно и нет дождя, все веселы и ставят палатки с песнями.

Сзади, в нескольких сотнях метров, на нашем левом фланге английский лагерь, на правом на параллельной линии с вершинами 97-й пехотный полк, правее его и на той же линии дивизия Дюлака и наконец 2-я бригада (де Моне) за 97-м полком.

С высоты вершин перед нами открывается русская батарея, устроенная на высотах, господствующих над правым берегом Черной. Эта батарея послала много залпов в солдат, которых любопытство вызвало на возвышенные пункты перед нашим лагерем, и из всего одно лишь ядро могло достигнуть высот и докатиться до наших палаток. Но это плохо, необходимо солдату, чтоб хорошо отдохнуть, не быть обеспокоенным и не бояться никакого снаряда. Генерал отдал приказание сделать бруствер между вершинами горы и лагерем, чтоб последний был закрыт от этих случайных выстрелов, а старые служаки по этому поводу окрестили эту русскую батарею названием «Пустышка» (Gringalet).

С высшей точки местности, нами занимаемой, виден русский лагерь к северо-востоку от Балаклавы. Это корпус генерала Липранди, который прибыл 4–5 дней тому назад, для вступления в прежние позиции, которые оставил во время глубокой зимы. Ему приписывают некоторые недоброжелательные намерения против Балаклавы.

Наш добрый и славный полковой командир Лабади опять нас оставил, отправившись в Константинопольский госпиталь, так как раны его вновь раскрылись. С глазами полными слез, он сказал нам «до свидания». Подполковник Поз д'Ивуа принял командование полком.

Палатка генерала де Фальи поставлена левее и несколько позади палаток полка; он приказал разбить мою палатку с таким расчётом, чтоб я мог слышать его призывный голос.

42

Лагерь под Мельницей 26/14 февраля 1855 г.

Главнокомандующий решил попытаться произвести небольшую диверсию против дивизии генерала Липранди, которая, казалось, стояла без прикрытия на высотах, командующих правым берегом реки Черной.

Это наружное движение должно быть исполнено генералом Боске, при помощи английских войск из Балаклавы. Чтобы достичь неприятеля, необходимо перейти реку до рассвета, но ночью разыгралась в нашей местности ужаснейшая гроза и термометр почти внезапно упал до 8–10° ниже нуля. Волосы мои поутру оказались примерзшими к полотну палатки, как в самые суровые дни зимы. Генерал Боске должен был отменить приказ и уже собранные войска принуждены были возвратиться по местам.

Не даром говорили, что русские имеют намерение обменяться ролями и из осажденных сделаться нападающими. Во время ночи с 21/9 на 22/10 число, они смело вышли из укреплений далее километра за сферу действия своих орудий, для устройства редута перед нашей 1-ой параллелью правого крыла, с целью постановки там сильной батареи, которая должна затруднить наши работы. Генерал Боске решил оттеснить их с этой позиции и 23 число было употреблено для рекогносцировки подходов к редуту, чтоб приготовить средства к нападению.

Я сопровождал генерала Майрана в этой рекогносцировке, не зная еще цели её. Под видом разговора я позволил себе высказать ему, что по причине большого расстояния, отделяющего редут от крепости и затруднения послать оттуда подкрепления, русские должны были позаботиться об очень сильном гарнизоне этого редута. «Ба! — отвечал он мне, — мы нападем на него врасплох в эту ночь и опрокинем».

Пришла ночь и два батальона 2-го полка зуавов, батальон морской пехоты, всего около 1500 человек нашей дивизии, выступили под начальством генерала Моне.

В полночь позиция была атакована с наивозможной отвагой. Полковник Клер, во главе своих зуавов с пистолетом в каждой руке, одним из первых проник в укрепление, но не мог удержаться в редуте, занятом более, чем 3 тысячами человек, и после часового ожесточенного боя, атакующая колонна должна была отступить.

Генерал де-Моне, замечательно храбрый человек, получил три раны пулею в левую руку, с оторванием двух пальцев, и рану

в правую руку, которая потребует может быть ампутации. Полковник Клер счастливо избегнул поранения, но потерял более 500 человек из своего полка убитыми, ранеными или пленными.

Критиковали немного движение, исполненное морской пехотой, но если бы оно было и успешней сделано, мы всё-таки не могли бы удержаться. Русские, знавшие о предстоящей атаке, ожидали её в положении, которое можно назвать вызовом на поединок, и в таком расчете расположили свои войска.

Мой батальон находился в резерве в траншеях, готовый ринуться на неприятеля в случае преследования нашего нападающего отряда.

Весь Севастополь праздновал этот успех и радовался. Мы слышали музыку и колокольный звон в продолжении всей ночи.

Несмотря на счастливые результаты, часто достигаемые осадой левого фланга, можно сказать, что ночные нападения, вообще не подходят к характеру французов, которым необходимо солнце и неприятель во всём блеске освещения!

Национальные пожертвования не прибывают к нам и мы получили только посланные от одного из городов Алжира по 18 сигар для офицера и табак для солдат.

Выдача нашим лошадям была увеличена и каждая лошадь теперь получает в день 2 килограмма сена, 1 килограмм соломы и 5 килограмм ячменя, Бедные животные испытали большие лишения.

Я очень доволен своей кобылицей; во время голода, пожертвовал ей свой соломенный тюфяк и давал его маленькими порциями, как лакомство.

43

Лагерь у Мельницы 14/2 марта 1855 г.

Неудача 23/11 февраля придала бодрости неприятелю увеличить средства обороны перед нашим фронтом атаки, и русские воздвигли второй редут в 400 метрах к юго-западу от первого. Мы назвали эти два редута (Селенгинский и Волынский) «Ouvrages blancs»?

С другой стороны, перед Малаховым напротив первой параллели, где нападения поручались дивизиям Каму и Брюне, неприятель соорудил другой редут (Камчатский люнет) названный нами «Mamelon Vert».

Малахов, Камчатский люнет и Селенгинский и Волынский редуты, соединенные между собою перед нашими глазами, усилили город второю линиею укреплений.

Эта черта смелости, обязанная гению Тотлебена, может нас заставить последовательно производить две правильные осады.

С нашей стороны мы также хорошо усилили свои позиции, а именно: имеем два редута, прикрывающие лагерь, затем редуты Викторию, Англичан, Маяк, 5 ноября, Канробер и таким образом можем не бояться нового Инкерманского сражения.

Несмотря на все эти вновь возникшие преграды, наше доверие в будущее не уменьшается и мы все офицеры и солдаты вполне убеждены, что воздадим Франции всё то, что она ожидает от нас и что Севастополь роковым образом достанется нам.

Уже мы начали нашу 2-ю параллель и построили 6 новых батарей. Местность камениста и часто невозможно копать почву, но ничто не останавливает нас, и мы возводим свои батарей при помощи мешков с землею. Это хотя и дольше и труднее, зато мы всё-таки достигаем цели.

Погода вообще прекрасная, наши люди в хорошем расположении духа и работа ежедневно подвигается!

Перед нашей 2-ой параллелью на крутых склонах высот, господствующих над Черной, мы устроили ложементы против русских ровиков для стрелков. Защитники этих ложементов принадлежат 17-му и 19-му батальонам егерей; здесь происходит постоянная ружейная перестрелка, впрочем не причиняющая нам больших потерь.

Мой полк посылает каждый день до 200 человек на пост, расположенный на берегу отводного канала, против разрушенного Инкерманского моста, менее чем в 100 метрах от русского аванпоста.

Наши батареи обильно снабжены снарядами и отвечают выстрел за выстрелом неприятельским батареям; некоторые употребляют ракеты, имеющие довольно правильный полет и уже несколько раз причинявшие пожар в городе.

Нам видны в большой бухте русские суда, но мы еще очень удалены для того, чтоб наши ядра могли достичь их.

Каждый день получаем подкрепления. Мой полк пополнен 250-ю охотниками из 90 и 92 пехотных полков. Это избранные, разумные люди и многие из них заслуженные, пожелавшие, несмотря на галуны, отправиться в Крымские полки в качестве простых солдат.

Говорят о будущем прибытии трех новых дивизий и корпуса сардинцев в 15 тысяч. С такими средствами, мы будем в состоянии скорее подвинуть свои работы подступов и в свое время броситься на приступ крепости.

Какие бы ни были русские силы в Севастополе, теперь кажется невозможным, чтобы вылазка из города могла иметь успех. Что касается нападения со стороны Черной, то такой диверсией, пожалуй, можно отрезать нас от Балаклавы, но ни в каком случае не прогнать с занимаемой местности.

С солнцем и более милостивой погодой, наша материальная жизнь чувствительно улучшилась и отправки в лазареты значительно сократились. Несколько более крепких людей, хорошо перенесших суровости зимы, заболели цингой и доктор требовал и достиг присылки большего количества луку и лимонов. Употребление их, кажется, составляет превосходное лекарство против этой болезни, причиной которой являются лишения всякого рода.

Камыш теперь представляет город запасов, где много магазинов, устроенных в бараках, присланных из Франции, Здесь можно найти вино, ликеры, съестные припасы, и даже белье, по высоким, но доступным ценам. Сама администрация пустилась в траты и дает за плату офицерам хорошее столовое вино по 1/4 литра в день. Она отпускает также войску по хорошей цене консервы супа из кореньев.

Мы узнали несколько дней тому назад о кончине императора Николая Павловича и о вступлении на престол его наследника императора Александра II. В настоящую минуту это обстоятельство не изменяет положения дела; если необходимо, чтоб начатая война кончилась, то это будет не ранее взятия Севастополя! Обе нации сначала истощат часть своих средств, дадут доказательства одинаковой стоимости потерь и, может быть, затем уже возникнет вопрос о мире.

Император Наполеон предписал сформирование двух новых

полков Императорской Гвардии, с кадрами, взятыми из Восточной армии.

Наши полки должны снабдить каждый новый своим контингентом и таким образом мы потеряем лучших солдат. Капитан Паран переведен на такую же должность в один из этих новых полков.

Бригада Гвардии вероятно будет лучшей в армии, лишь бы только сумели поддержать её дух.

44

Лагерь у Мельницы 26/14 марта 1855 г.

Работы по-прежнему производятся с самою напряженною деятельностью, но всё-таки не подвигаются так скоро, как бы можно было ожидать, благодаря хорошей погоде и нашему рвению. Указывают на недостаточность средств перевозки, а артиллерийские лошади так истомлены, что нельзя удивляться невозможности исполнения ими той службы, которую, в праве ожидать от них, если б администрация была более предусмотрительною.

Русские чаще нас переходят в наступление и нападают на наши ложементы, подобно тому, как мы делали это во время зимы при осаде левого крыла.

Является чувство бессилия, когда ощущаешь, что не властелин положения и что оно лишь терпится за невозможностью регулировать его. Вследствие этого, царит род беспокойства в наших полках. Это еще не есть недовольство, нравственная сторона еще не подавлена и в лагерях еще существует некоторое веселие, но начинают поднимать вопрос, достаточно ли иметь личную храбрость и представительность, чтоб быть хорошим главнокомандующим. Офицеры с планом крепости в руках, более или менее точно скопированным в главном штабе, оспаривают направление, данное с первых дней осаде. «Почему, — говорят, — 17-го октября в день открытия огня, когда в городе все русские были сосредоточены, готовые броситься на защиту 4-го и 5-го бастионам, не произведено было одновременного нападении 10 или 15 тысяч человек на всю восточную часть Севастополя, заключающуюся между Малаховым и пунктом водораздела, господствующего над большой бухтой? Эта линия тогда едва была защищена несколькими небольшими работами и батареями. Малахов был башнею без всякого значения и требовалось менее усилий завладеть ею, неужели для взятия Камчатского люнета или Селенгинского и Волынского редутов. По завладении предместьем Корабельной, обложение крепости явилось бы почти полным. С пункта водораздела наши батареи командовали бы всей большой бухтой и сообщения с укреплениями Северной стороны были бы очень затруднены и даже невозможны, а через Инкерманский мост вполне прекращены. Выступив от Мельницы в 7 часов утра и направляясь прямо на Камчатский люнет, с опорой флангов наступающего отряда на ложбины Корабельной и Килен-балку, в 11 часов мы

овладели бы вершинами высот, которые начинаясь от Малахова, спускаются к пункту водораздела, а раз мы заняли их, не было бы уже возможности выбить нас оттуда».

В этих рассуждениях есть нечто, что мне нравится. Только ведь всегда очень легко составлять план действий после дела. Необходимо слышать противную сторону для заключений. Командующие нами начальники более искусны и опытны, чем мы и этот план должно быть вполне изучен ими. Как и всегда в таких спорах, я не выхожу из своей роли, слушаю и ничего не говорю.

В ночь с 22/10 на 23/11 марта русские произвели в довольно большом числе вылазку, направленную преимущественно на работы дивизий Каму и Брюне.

Нападение было произведено русскими начальниками быстро и отважно и войска их устремились на наши траншеи с горячностью и неустрашимостью, которым мы должны засвидетельствовать свое уважение.

В траншеях находилось только обычное прикрытие из 2-х батальонов в 500 человек, и несмотря на выказанное мужество, оно не могло выстоять против 5 тысяч нападавших и должно было уступить местность, дав неприятелю возможность разрушить около 100 метров работы двойной сапою. Но вскоре прибыли беглым шагом наши резервы и бой возобновись с большим ожесточением, принял форму взаимной ярости. Французские сигнальные рожки вызывали новые подкрепления, а люди наши, чувствуя поддержку, удваивали усилия, и не обращая внимания на ура, прибывающих также русских резервов, устремились снова на неприятеля и заставили его отступить.

Русские оставили на месте значительное число убитых и раненых… Честь и слава 3-му батальону егерей, 3-му полку зуавов и 82-му пехотному, которые так мужественно выдержали этот героический бой.

Мы потеряли 177 человек и имели от 300–400 раненых. Эта самая серьезная из всех ночных вылазок, произведенных с начала осады.

На третий день 25/13 числа заключено было перемирие для уборки тел. Наши солдаты стояли, держа ружья на караул для отдачи последней чести героям, павшим на поле сражения. Русские офицеры признавались, что они потеряли около 2500 человек, да унесли во время перемирия 700–800 своих, остававшихся на нашей стороне.

Во время прекращения враждебных действий солдаты, унтер-офицеры и офицеры пожимали взаимно руки, поздравляли один другого и предлагали табак и сигары.

Почти все русские офицеры говорят бегло по-французски и

очень хорошей выдержки.

Высказывалось обоюдно, что, к несчастью, политические обстоятельства сделали нации соперниками, вместо того, чтоб быть союзниками.

Императорская Гвардия плохо начала. Во время этого ужасного побоища, один из батальонов был в резерве и не тронулся с места, удовольствовавшись лишь посылкою своих пуль в среду сражавшихся, вызывая остроты старых служилых: «Подобно старой гвардии и юная не ходила… в траншеи!».

Она прекрасно составлена из хороших и мужественных офицеров и храбрых солдат, но за ней слишком ухаживают. Следовало бы, наоборот, с самого начала дать ей случай показать достоинства, которыми она действительно обладает, и которые бы заставили простить преимущества, оказываемые ей перед другими войсками отряда. Так например, первые деревянные бараки предоставлены были ей, несмотря на более настоятельную нужду в них старых полков, ослабленных цингой. Вообще французы не любят привилегированных войск, и надобно опасаться, если не исправят режима у Гвардии и не изменят назначения её, что, пожалуй, она не будет популярна, несмотря на её действительные заслуги.

Мы получили еще несколько национальных пожертвований в виде прекрасных консервов супа из кореньев и овощей для солдат, с некоторым количеством шоколада, а для каждого офицера 25 сигар по одному су, которые мы и отдали солдатам.

45

Лагерь у Мельницы 6 апреля (26 марта) 1855 г.

Работы продолжаются беспрерывно, но мы не особенно подвигаемся вперед!.. Нетерпение офицеров и солдат порождает некоторое недовольство; чувствуется, что необходимо энергическое воздействие для сдерживании личной воли. Все хотят главенствовать и управлять действиями по своему вкусу; каждый, сделанные им ошибки слагает на своего соседа и сваливает лежащую на нём ответственность на другого… одним словом, дело не подвигается вперед и все видят очень хорошо, что такое положение не может продолжаться долго.

Не хочу быть эхом тех резких суждений, которые раздаются везде в лагерях и под палатками… пропускаю их и еще охотнее в убеждении, что первый успех обратит наши беспокойства в надежду!

Наш храбрый полковник Лабади всё еще находится на излечении в Константинополе. Он накануне возрастного ценза, но его нет в списке вновь произведенных в генералы. Это человек не придворный, он не рисуется, не ухаживает ни за кем. Умеет только мужественно исполнять свой долг, и о нём забывают…

Я надеюсь еще за него, так как мне кажется невозможным, чтоб такая выдающаяся энергия не заслужила бы награды!

Получив свой ящик с седельными принадлежностями, я откупорил его с поспешностью, которую нет надобности описывать. Всё пришло в отличном виде. Как я вам благодарен за баловство. Каждое свободное пространство посылки убеждает меня в этом, и здесь я узнаю вас! Эта бутылка тонкого шампанского 1834 года, превосходные сигары во всех свободных углах, папиросная бумага, ящик табаку! Вижу, что сам батюшка укладывал их, а матушка жаловалась, что ей остается немного места для всего того блестящего белизною и выхоленного ею белья, которое она собиралась послать мне! Матушка наполнила сластями кобуры, не сказав об этом ничего батюшке, я в этом уверен; она боялась, и совершенно несправедливо, его насмешек. Если б он видел кроме того этот флакон с английскою солью!.. Дорогие батюшка и матушка, я чувствую вас в этих скромных заботах, и присутствую с вами при укладке и размещении в мои походные сундуки всех этих выражений вашего сердца! Мой платяной шкаф теперь отлично пополнен. Я получил от Терри плащ, двое красных брюк, двое из простой материи, жилет, маленькую куртку из белой фланели… Могу похвастаться, что у

меня всё есть, и я ни в чём не завидую товарищам.

Одежда во время зимы была невозможная; самые элегантные щеголи не имели никаких средств удовлетворять свои вкусы. Вещи были загрязнены и никогда не высыхали. Белье было сомнительно-рыжего цвета; грузные пальто на бараньем меху не обрисовывают тальи, большие солдатские сапоги не давали возможности вырисоваться очертанию маленькой ноги; не брились совсем и борода росла пучками, волоса плохо расчесанные, и редко обстригаемые придавали всему вид неопрятности. Прежде всего необходимо было удовлетворить потребности трудной службы и защитить себя от холода.

В настоящее время весна, и солнце светит нам уже в продолжении трех недель, — и всё приняло другой вид. Стали бриться, явилось чистое белье, новые вещи. Наступила потребность в мелких заботах о личных надобностях и офицеры уже не посещают друг друга из лагеря в лагерь, не одевшись щегольски. Для открытия танцев необходимо предварительно иметь большой оркестр… но у нас нет еще всех необходимых инструментов, а, может быть и капельмейстера!..

Хорошая одежда офицеров, также действует хорошо на солдат; они опрятны, почищены, вылощены… и возвратившийся из Франции генерал, пропуская их на смотру, мог бы подумать, что перед ним полки парижского гарнизона. Кроме того, санитарное состояние с каждым днем улучшается, благодаря лучшему питанию; скорбут не делает уже прежних опустошений, и отправки в лазарет почти сравнялись с выпуском оттуда выздоравливающих.

Я отправился в Камыш, который теперь имеет вид города, состоящего из вытянутых по одной линии бараков, наподобие ярмарки во Франции. Здесь можно найти всё, что угодно, и я даже видел модные магазины, торгующие парижскою парфюмерией, чепцами и шляпками… для госпож маркитанток.

Посетил также Балаклаву. Какая разница против Камыша! Несколько лачуг, выстроенных около порта, изобильно снабжены разными вещами, но всё это перемешано, без всякой системы, без того умения показать товар лицом, которое соблазняет покупателя, и я нисколько не удивляюсь, что англичане предпочитают запасаться всем в Камыше.

Они решили построить железную дорогу от Балаклавы до лагерей! и мы косвенно извлечем из этого большую выгоду, так как она будет подвозить снаряжение и освободит нас от тяжелой работы. Им прислали из Лондона большое число рабочих, чтоб очистить и привести в порядок их лагерь, устроить очаги и кухни. Они получают также в большом количестве очень разнообразные

пищевые запасы, подходящие к их вкусам, а также и предметы одежды…

Англия, живо уязвленная в своем самолюбии, приносит все жертвы, чтобы возродить свою армию и довести ее до уровня нашей, но, как и бывает всегда при очень большом старании, она переходит меру. Как бы там ни было, но к счастью, английская армия в один или два месяца должна принять прекрасный вид, который имела в Варне в начале кампании.

Я узнал, что командир Бирюлев послал свои карточки французским офицерам, которые ему прислали свои, когда он был ранен. Он уведомил нас, что его рана на хорошем пути к заживлению, но что он боится, что надолго не будет в состоянии явиться на службу. Мы очень уважаем Бирюлева для того, чтоб не пожелать ему выздоровления в самый короткий срок, но нам бы хотелось, чтоб отпуск его для поправки был разрешен до заключения мира. Это очень опасный соперник, чтоб пожелать ему другое.

46

Лагерь у Мельницы 8 апреля (27 марта) 1855 г.

Я уже писал вам, что был в Камыше; воспользовался же этой прогулкой для того, чтоб осведомиться, что произошло на месте осады левого крыла, после моего отбытия.

На этой стороне было произведено немного военных действий. Батальон Бирюлева, почти уничтоженный, более уже не заставлял говорить о себе. Генерал Пелисье, командующий осадным корпусом со времени новой организации армии, занял своими стрелками некоторые ложементы, — вот и всё.

Этот генерал направлял все осадные действия левого крыла с замечательною твердостью, и энергия его характера торжествует над всеми препятствиями. Он пользуется репутацией человека резкого, который хотя и не ободряет тех, кто имеет к нему близкую нужду, но ему доверяют, чувствуя сильную руку и волю, способную противостоять всяким влияниям.

Все работы подступов нам кажутся давно законченными.

Турецкая дивизия силою 10 тысяч человек, которая чрез несколько дней будет доведена до 15–18 тысяч, оставила Евпаторию для соединения с нами.

Она помещена лагерем возле Камыша, под командою Омер Паши, пользующегося большою славою между мусульманами.

Местность нашего старого лагеря была очищена, все отбросы и лошадиные трупы глубоко зарыты. Дороги к порту пронивелированы, колеи засыпаны, и теперь этот лагерь ни в чём не может завидовать вашему.

С другой стороны русские не теряют времени, и можно сказать, что все их укрепления теперь составляют одну сплошную батарею от Карантинной до Килен-балки или в сущности перед всей большой Севастопольской бухтой. Хотя еще эти новые батареи не были демаскированы, но сила их и позиции отлично известны по указаниям беглых, рассказы которых основательно проверены. Русские имеют около 1000 орудий, готовых по первому сигналу открыть огонь.

Для ответа на такую грозную артиллерию, союзная армия имеет 415 орудий, из которых 385 французских и 130 английских. Каждое снабжено 400 зарядами, а пороховые погреба хорошо блиндированы, чтоб не подвергнуться взрыву, подобно 17-му (5) октября.

Как и всегда, пехота, неистощимая в своих средствах, снабдила большим контингентом артиллеристов, чтоб заполнить

необходимую наличность, для действий такого большого числа орудий большого калибра.

Меня только что предупредили, что главнокомандующий отдал приказ открыть огонь против крепости по всей линии с рассветом завтрашнего дня.

Что же случилось? Вечер был очень теплый и с 9 часов пошел проливной дождь.

Зачем генерал Канробер заставляет открыть огонь до прибытия объявленных подкреплений, которые уже в Константинополе?

Прежде окончания вооружений всех наших батарей?

Прежде пополнения турецкой дивизии?

Не заставит ли это неприятеля обнаружить свои батареи.

9 апреля (28 марта) 10 часов утра.

В $4^1/_2$ часов утра, несмотря на потоки дождя, все войска стали в ружье. Генералы осмотрели части и убедились, что каждый имел при себе 60 патронов и запас пищи на три дня. Прикрытие траншей было удвоено и к стороне Альмы послана рекогносцировка.

Когда наши генералы убедились, что неприятель не предпринимает никаких движений, они отдали распоряжение, с целью не мокнуть напрасно людям на дожде, возвратиться всем в палатки и ждать приказаний.

В $5^1/_2$ часов все батареи одновременно открыли огонь, но русские не замедлили отвечать тем же из своих орудий. Невообразимый гром около двухсот пушечных выстрелов в минуту… Я нахожусь в своей палатке, где меня заставляет оставаться обязанность… Ах! в эти торжественные мгновения, когда, может быть, решается участь двух армий, было бы гораздо лучше присутствовать на месте действия… вами овладевает беспокойство, не сидишь на одном месте… хотелось бы знать… прислушиваешься… считаешь выстрелы… кто берет верх, наши или русские?

5 часов вечера.

Дождь продолжает идти с прежней силою, а канонада идет с одинаковым напряжением и часто залпами!

10 часов вечера.

С 6-ти часов, огонь наш несколько уменьшается, а также и у русских, кажется, теряет силу.

Дождь идет перемежаясь.

Генерал де Фальи сказал мне, что результаты дневного дела

еще не выяснились, что наши потери не велики, что многие русские батареи сбиты и принуждены были прекратить огонь.

Он сообщил также, что главнокомандующий получил сведения, будто неприятель решил сегодня же атаковать нас, и разом на всех пунктах, но, чтоб помешать этому намерению он отдал приказание открыть огонь. Ах! если б он мог предвидеть, что выпавший в таком количестве дождь должен был сделать невозможным всякое нападение!

Полночь.

Раздается сигнальный рожок в траншеях, указывающий, что неприятель в виду. Гром орудий не перестает… Слышу также ружейную перестрелку, но ничего в ней нет ненормального. Это стрелки обмениваются выстрелами.

Дождь перестал, небо ясно и покрыто звездами.

10 апреля (30 марта) 5 1/3 часов утра.

Я возвращаюсь на утреннюю перекличку. Прелестная погода. Наш артиллерийский огонь возрождается с новой силой; русский же уменьшается. Многие из их батарей настолько разрушены, что не могли быть приведены в надлежащее положение во время ночи. Наши потери очень невелики. Такой успех нашей артиллерии, хотя и без немедленного результата, дает нам надежду на удачу. Иду в 8 часов на позицию 2-й, 3-й и 5-й батарей, возведенных из фашинника и земляных мешков, и буду находиться на прекрасном месте для наблюдения за всем.

15/3 апреля.

Мое дежурство третьего дня не было очень приятно. Бомбы и гранаты беспрерывно падали кругом нас и необходимо было употребить все средства, чтоб уберечься от них. Мы были обрадованы, хотя, увы! и не надолго, убедившись, что Малахов перестал нам отвечать и предполагали, что батареи его разрушены, но оказалось, что ничего этого не было. Неприятель исправлял некоторые эполементы или переменял испорченные орудия и через несколько времени огонь его возобновился с большею силою.

Таким образом бомбардирование продолжалось три дня и, мало-помалу, огонь сделался одинаковым с обеих сторон, как и до 9-го апреля. Мы не подвинулись вперед ни больше ни меньше??! а теперь необходимо исправить наши батареи и снабдить их боевым снаряжением.

47

Лагерь у Мельницы 16/4 апреля 1855 г.

Генерал Канробер, постоянно озабоченный намерениями, приписываемыми дезертирами русской армии атаковать нас разом со всех сторон и особенно к Балаклаве, усилил эту позицию целой турецкой дивизией, вовсе не походящей на ту, которая при начале действий 25 октября так поспешно бросила, занимаемые ею в долине, редуты. Она состоит из 15–18 тысяч египтян, у которых французская школа и не только маневры их наши, но также веселие и игры их также французские.

Эта дивизия, под командою Омер-паши наверно окажет серьезное содействие союзным войскам.

Результаты бомбардирования 9 апреля лучшие, чем можно было ожидать сначала. Оно установило действительное преимущество нашей артиллерии перед неприятельской и это свидетельство имеет значительную нравственную цену. Мы теперь вполне убеждены, что в день, когда захотим действовать энергично, получим верный успех.

На стороне осады левого крыла генерал Пелисье воспользовался расстройством, произведенным бомбардированием 9-го и 10-го числа и завладел многими небольшими ложементами, взятие которых не было делом легким, так как они несколько раз, прежде нежели окончательно остаться в нашем владении, переходили много раз из рук в руки. Генерал Риве с двумя батальонами занял кладбищенский ложемент в ночь с 13 на 14 число, а генерал Лебретон с одним батальоном сильный ложемент, устроенный впереди 5-го бастиона (Bastion central). Кажется, неприятель хотел соединить между собою эти ложементы и по моему мнению имел также намерение связать ими Селенгинский и Волынский редуты и Камчатский люнет с Малаховым курганом. Нам также необходимо, как при осаде левого крыла, завладеть возможно скорее этими последними укреплениями.

Офицеры, сообщившие мне такие подробности осады левого крыла, передали событие, поразившее меня в самое сердце. Храбрый начальник инженеров де Сент-Лаурент был убит 1 апреля перед Малаховым!.. Я был бы счастлив поблагодарить его за хороший урок выдержки и хладнокровия среди пуль, который он мне дал 8 октября при отрытии траншеи. Люди с такими достоинствами, как де Сент-Лаурент, редки, и это очень большая потеря для армии. Известно, что его ожидала блестящая

будущность, но к общему горю он не будет свидетелем успехов, так искусно им подготовленных.

Осадные работы правого крыла продолжаются без перерыва, особенно со стороны Камчатского люнета. Пребывание в прикрытии траншей менее тягостно, чем сначала. Русская артиллерия идет на убыль, а наша всё делается могущественнее. Мы получили достаточное количество лошадей в замену павших во время зимы, и таким образом обеспечены в исправной подвозке снарядов к батареям. Однако мы бережем свои снаряды и пальба происходит, не превышая 25–30 выстрелов из орудия в продолжении 24 часов.

Через дезертиров нам известно, что неприятель несет большие потери, но не следует слишком доверять рассказам этих несчастных, которые, желая заслужить наши милости, льстят нам и сообщают возможно худшее о тех, которых они только что оставили. Когда они являются к аванпостам, то им оказывают встречу, практикуемую всеми армиями относительно перебежчиков. Показывая явное презрение, их оскорбляют и грубо отводят в главный штаб для расспросов.

Не знаю, сколько беглых у французов, но число их не должно быть велико и почти всегда эти люди принадлежат к таким, которые находятся в подозрении, или заблуждаются, полагая, что неприятель им дорого заплатит за принесенные сведения. Оказывается же, что на долю их выпадает лишь страх, который умеют им внушить и сверх всякого ожидания всегда от них получают всё что нужно без всяких вознаграждений.

Я читал в газетах о тех оскорблениях, которые направлялись против принца Наполеона по поводу его возвращения во Францию. Одни говорили, что он покинул армию, не найдя на хладной плоскости Херсонеса всех привычных удовольствий и радостей. Вероятно он соскучился, не имея наших занятий, развлечений и небольших стычек поддерживавших в нас дух, но я ни от кого из офицеров не слышал, чтоб отъезд его приписывался отвращению к самому военному ремеслу.

Другие передают, что его заставила уехать боязнь опасности… но это только позорная выдумка. Разве он страшился альминских пуль? Разве в этот день он не был везде, где его призывал долг? Разве он не оставался, по своей охоте, более трех четвертей часа возле одной батареи, потерявшей 7 человек и 8 лошадей! Разве удержал его страх в лагерях, в день Инкерманского сражения? У него не было причин оставлять свою палатку, он был болен и у него отняли его 1-ю бригаду, часть же 2-й взята была в прикрытие траншей! И тем не менее, разве он не собрал по своему собственному почину и без всякого приказания,

всех способных кашеваров, офицерских вестовых, погонщиков мулов, слабых и прочих, чтоб составить из них отряд, во главе которого устремился на поле сражения?

Его упрекают, что он нечасто посещал траншеи, но ему там нечего было делать; всё прикрытие находилось под непосредственною командою генерала Флери, и принц не имел права даже переставить на другое место барабан.

Не его называли генералом «Видел ли ты его» (L'as tu vu?). Не его имя фигурировало на объявлении, остававшемся наклеенным в продолжении 4-х часов у входа в траншеи: «сто франков вознаграждения, кто докажет присутствие генерала Ф…и в траншеях». (Cent francs de rè comp…a q.. sig…l p… du g… y dans les tranchées).

Солдаты не ошибаются и никто не думал упрекать, что он не присутствовал там, куда не призывал его долг. Истинная причина его отъезда, которую по крайней мере мы считаем правдивою, — созданное ему положение. Он имел высший чин, у него не отняли прав, ему вверили начальство над частью, но его войска разделили… Все офицеры, которые были бы поставлены в такое положение, поступили бы одинаково. Да будет вам известно, что это придворные интриги «низкие испанские мотивы» (las mismas causas de Espana) [1], которые и сейчас его преследуют.

Хотя дивизия не жалеет о его отъезде, предпочитая иметь более опытного начальника, но мы видим, что он является предметом несправедливости, которая создает ему симпатии и заставляет относиться к нему с участием. В этих строках я являюсь эхом чувств, выражаемых целой партией офицеров.

48

Лагерь у Мельницы 25/13 апреля 1855 г.

Еще одно большое горе для армии. Генерал Бизо, руководивший с таким достоинством и умом всеми осадными работами, был убит при нападении на форт Викторию, возле генерала Ниеля, с которым прибыл для посещения английских траншей. Все осадные войска знали его, были свидетелями его мужества, хладнокровия, деятельности и все искренно пожалели о нём!

Ночью с 15 на 16-е апреля около 7 часов вечера инженеры одновременно взорвали несколько мин перед 4-м бастионом. Я не слышал грома, но почувствовал очень неприятный, захватывающий горло запах пороха. Русские должны были ожидать нападения, так как вслед за сим открыли огонь из всех своих орудий.

Между тем это оказалось простым заложением 4-й параллели в 50–60 метрах перед 4-м бастионом, которая была затем соединена траншеями с 3-ею параллелью. Теперь, когда наступит время броситься на неприятеля, войскам придется пробежать под выстрелами небольшое расстояние.

Накануне, русские в отместку нам, напали на английские траншеи и для этого послали колонну в 500–600 человек через Корабельную балку к правому флангу 3-ей параллели. На вопрос англичан, не оставлявших эту ночь своих постов «Кто идет?» авангард отвечал: «Мы, французы», но англичане узнали неприятеля и открыли сильный огонь против отряда, который должен был удалиться.

С возвращением хорошей погоды особенное удовольствие доставляет гулянье по лагерю. Солдаты украшают свои палатки палисадниками и посеяли там коренья, салат, и даже простой ячмень, для того, чтоб иметь перед глазами зелень; всё это обсаживается дикими маргаритками. Это мелочь, но льстит взору и доставляет небольшое развлечение. Палатка, служащая столовой для полкового штаба, тоже окружена зеленым ковром, доставляющим благополучную жизнь десятку кур, которые я достал в Камыше (не забывайте, что я состою хозяйкой дома). Мы более не можем жаловаться на лишения, и разве осталось только одно воспоминание о зимних неудобствах.

Сейчас получил приятное известие, что наш храбрый полковой командир наконец произведен в бригадные генералы. Он начал свою карьеру, сражаясь против русских в 1812 г. и

кончает ее, стоя против русских и в 1855 г.

Вспоминая о тех годах, разве нельзя подумать, что русские и французы являются непримиримыми врагами, между тем наоборот, их чувства, вкусы, характер и даже интересы содействуют к сближению. Политика, делающая соперниками две нации, которые имеют только симпатию друг к другу, не может быть прочной и рано или поздно, несмотря на препятствия, эти нации сойдутся и будут жить в согласии!

Подполковник 34-го полка Даннер получил в командование 95-й полк, вместо полковника Лабади.

Наш новый полковой командир еще во Франции, и мы ожидаем его только через месяц. Он найдет хороший, весьма дисциплинированный и опытный в военных действиях полк.

Мы узнали, что генерал Горчаков заменил генерала Меньшикова в командовании русской армиею, но такая перемена для нас значения не имеет.

49

Лагерь у Мельницы 6 мая (24 апреля) 1885 г.

Генерал Канробер сделал 26/14 апреля парадный смотр 2-му корпусу. Войска были поставлены в боевой порядок, в батальонных колоннах, параллельно высот, командующих долиной р. Черной. Правый фланг опирался на Телеграф, левый на Мельницу. Генерал, в полной парадной форме, был окружен большим штабом, состоящим преимущественно из английских офицеров, и редкое явление, многими прелестными амазонками, понятно англичанками, приехавшими к своим мужьям. Наши войска были превосходны как по форме, так и по выправке и генерал Канробер должен был сознаться, что с такими людьми можно предпринять всякие попытки.

На этом смотру собраны были 45 батальонов пехоты с наличным составом в 500 человек каждый! 80 орудий полевой артиллерии и 4 полка кавалерии, всего около 30 тысяч человек.

После смотра, генерал Канробер, собрал вокруг себя офицеров и объявив нам прибытие подкреплений в 40 тысяч человек сказал «когда две нации, подобные Франции и Англии соединятся для чего-нибудь, ничто не может ослабить этой связи. Если мы не будем в состоянии войти в Севастополь через ворота, то ворвемся через окна».

Такой энергический язык нам очень нравится. Генерал Канробер умеет найти подходящие выражения и говорить хорошо.

Русские, с высоты своей Мекензиевой обсерватории, могли наблюдать за этим прекрасным зрелищем и желали обеспокоить нас, послав с батареи «Пустышки» несколько гранат, которые, впрочём, не долетали до цели.

С 1-го мая начались обычные ученья как и во Франции. Я не считаю это удачной выдумкой, так как старые солдаты имеют слишком много занятий всякого рода, и мне кажется мало полезным задавать им еще новые. Но вероятно офицеры уволят многих от этих занятий и всё устроится к лучшему.

На левом крыле осады было несколько небольших дел. Главное из них, нападение и взятие значительного укрепления под названием «Укрепление 2 мая», воздвигнутого русскими против 5-го бастиона. В ночь с 1 на 2 мая три колонны нападающих, составленная каждая из 1000 человек под командою дивизионного генерала де Саль, бросились одновременно на укрепление, которое после очень энергического сопротивления окончательно осталось в наших руках.

Это дело стоило нам 500 раненых и 100 убитых и между последними полковника Виено, — бывшего моего батальонного командира. Я питал к нему особенное чувство приязни и изредка посещал его. Он обладал открытым, твердым, энергическим, но весьма добродушным характером. Взятие «Укрепления 2-го мая» имеет важное значение в том смысле, что мы соединили его со своей 3-ею параллелью и таким образом приблизились к неприятелю более, чем на 150 метров. Кроме того в наших руках остались 8–10 мортир.

Мой мужественный товарищ и превосходный друг Кох подвергался опасности быть убитым вчера в траншеях громадной гранатою 48 сантиметрового калибра, выпущенной неизвестно какой батареей рикошетом против наружного фаса 3-ей параллели; она упала почти вертикально к ногам капитана Коха. Хотя у него оторвало только каблук и часть подошвы сапога, но с такою силою, что неизвестно еще, не понадобится ли сделать ампутацию ноги. Рота гренадер 1-го батальона, которою он командовал теряет в нём, хотя и на некоторое лишь время, очень хорошего начальника, всегда заботившегося о благосостоянии своих подчиненных и исполненного относительно их добродушием.

Прошел говор, которому впрочем я не даю никакой веры, что должен приехать Император, лично принять командование Восточной армией! Такое решение объясняют затруднениями, которые англичане создают Канроберу, не исполняя его предположений, или не помогая ему, согласно его желаний!

Всегда бывает так, когда армия имеет не одного начальника.

Необходимо, чтоб английское правительство строго подчинило свою армию главенству французского командующего войсками. Но национальное самолюбие и политика этому противятся… от чего терпит служба и ничего не идет вперед…

50

Лагерь у Мельницы 11 мая (29 апреля) 1855 г.

Со времени моего последнего письма, не произошло ничего важного ни на правом ни на левом флангах. С обеих сторон мы видим русских, которые усиливают свои передовые укрепления с явным намерением соединить их вместе, и удивляемся, какие причины мешают нам завладеть этими укреплениями ранее, чем они будут приведены к окончательному устройству.

Хорошо известно, что это будет серьезное дело, но так как оно неизбежно, то пусть лучше совершится теперь, чем позднее. Это общее желание офицеров и солдат, а последние еще настойчивее просят возможно скорейшего приступа.

Все знают, что генерал Канробер имеет в характере некоторую нерешительность, когда особенно его ответственность является обязательной, что и верно. Но небезызвестно также, что единогласный совет генералов устраняет его ответственность.

Всё-таки необходимо найти причину нашего бездействия. Я не решаюсь писать, что она может быть находится в злой воле наших союзников, хотя этим повторю то, что слышу каждый день. Есть что то, что ускользает от нас в настоящее время, и что нам может когда-либо сообщить история.

Такая медленность заставляет еще более сожалеть, что пистолетный выстрел в Императора понудил его, как можно судить по газетам, не выезжать из Франции для принятия высокого управления союзными армиями. Одно его присутствие внушило бы страх главнокомандующим, а за неимением вдохновения и опыта в военной науке, он слушался бы мнений своего совета и таким образом привел бы дело к желательным результатам.

У нас несколько дней шел дождь, чему мы были очень рады. Источники начинали иссякать, а долина реки Черной еще не вполне в наших руках для того, чтобы мы могли брать из реки воду во всех пунктах. Конечно, одной из главных задач будет овладеть левым берегом Черной, когда прибудут объявленные подкрепления.

Уже пять или шесть дней, как мой батальон находится к прикрытии, стоя резервом в редуте, называемом Английским. Не имея никакой срочной службы, я гулял в окрестностях его и встретил капитана 2-го, полка зуавов Жанари. Он известен всей Африканской армии, как человек оригинального ума. Вот что на днях придумано им из желания подшутить над русскими. Он взял

у артиллеристов, несколько испорченных зарядных картузов и выбрал оттуда подмоченный порох, а за насыпью, сделанной для защиты от рикошетов русских гранат, бросаемых батарей «Пустышки» вырыл 6 ям. Застав его за этой работой, я спросил:

«Что вы хотите сделать?»

— О! отличную шутку.

Затем он заполнил эти довольно большие ямы наполовину испорченным порохом из картузов и последовательно зажег их… Большое облако дыма поднялось над этими ямами, но я всё-таки не понимал, что будет… через минуту «Пустышка» послала нам серию ядер и гранат, которые не достигая нас, падали на крутые склоны насыпи за которой мы помещались.

«Вы видите, — сказал мне мой товарищ, — Пустышка думала, что это мортирная батарея, — я же при помощи 8 или 10 испорченных зарядов, заставил потерять их даром более 200 пушечных выстрелов!»

51

Лагерь у Мельницы 23/11 мая 1865 г.

Наш новый начальник, полковник Даннер приехал 18 мая и принял сейчас же командование полком, который ему передан был подполковником Поз д'Ивуа.

Наш полковой командир, человек большого роста, сильный и крепко скроенный. Кажется он обладает живым и даже увлекающимся характером я принадлежит к числу людей благодушных. Судя по тому, что полковник осведомился о всём, мы чувствуем, что он один будет командиром, не разделяя ни с кем этой обязанности.

После очень долгого и подробного осмотра полка, во время которого осторожно расспрашивал всех командиров роты, не для того чтоб поставить их в затруднение, но чтоб подробнее разузнать всё, полковник Даннер отправился в лазарет, куда я ему сопутствовал и и хорошо понял по вопросам, раненым и больным задаваемым, в добродушнейших выражениях, которые сумел найти в утешение или для поднятия их нравственного духа, — что мы имеем командира с добрым сердцем, который как отец позаботится о своих подчиненных.

На другой день рано утром, полковник пришел за мной и просил сопровождать его в прогулке по окрестностям лагеря, для указания, где берут топливо и воду, где производится раздача пищи, и многих других незначительных подробностей, которыми интересуются немногие полковые командиры. Вечером я должен был повести его к нашим траншеям, и он меня часто ставил в затруднение, расспрашивая, почему именно устроено такое, а не другое укрепление, о пользе его, средствах защиты и проч. Я был очень недоволен собою, потому что, хотя давно уже живу среди этих работ, но не возбуждал и десятой части вопросов, обращенных ко мне. Даже более, ему приходилось много раз на эти вопросы давать мне объяснения, когда он замечал, что я не в состоянии был ему отвечать. Наверно я показался ему невеждой!.. Я в отчаянии!

Во время завтрака полковник был прелестен, рассказывая нам о событиях во Франции, о том интересе, который возбуждает всецело Восточная армия в стране, об энтузиазме, производимом нашими победами, а также и об опасениях, рождающихся вследствие длительности осады.

Разговор его одушевлен, полон интереса и не касается службы. Мы оказали большое внимание провизии, привезенной

им для своей кухни в качестве подарка, счастливо прибывшего лица на новое дело, а он поднял бокал с шампанским в честь полка и его славы!

19/7 мы узнали, что генерал Канробер передал командование армиею генералу Пелисье и что последний был заменён в командовании осадным корпусом левого крыла генералом де Саль, и наконец, что Император разрешил генералу Канроберу по его просьбе, вступить в командование его прежней дивизией.

Эти известия нас не удивили. Мы не сомневались в отсутствии согласия между главнокомандующими союзных армий, и все были довольны происшедшей переменой.

Офицеры и солдаты дивились величию души и бескорыстию генерала Канробера, который предпочел скорее оставить занимаемый им высокий пост, чем поставить в неудобное положение интересы своего отечества. История обессмертит его, за этот акт героизма, хотя он и не прославил себя взятием Севастополя; Франция не забудет, что он сумел сохранить ей мужественную армию, несмотря на все невзгоды кампании, может быть самой ужасной из всех предпринятых до сего времени. Генерал Пелисье с железной волей и внушит ее всем своим подчиненным, а также и начальникам союзных армий. Если последние не пойдут за ним, он отправится один, без их помощи, доказав что может прекрасно обойтись и без них. Французская армия считает теперь более 120 тысяч здоровых и приученных к войне солдат, составляющих 12 пехотных дивизий, два легких полка кавалерии и кирасирскую бригаду. Этой армии одной достаточно для устранения всех случайностей. 60–80 тысяч союзников, присоединенных к ней, представляют солидную силу и обязывают нас охранять Балаклаву и долину р. Черной, слабые пункты нашей позиции, что впрочем не является необходимым для взятия Севастополя. В Африке во многих случаях, генерал Пелисье выказывал свои серьезные военные качества: мужество, энтузиазм, твердость, и все мы убеждены, что он выстоит против своего предшественника, не прибегая к исключительным средствам.

Не думаю, что наш новый главнокомандующий имеет план отличный против того, которому мы следуем уже шесть месяцев. Он вероятно желал взять город теми средствами, которые употреблялись и до сих пор. Так, в ночь на 22-е он приказал атаковать передовые укрепления, возле 6-го бастиона (de Quarantaine). Если он жаждет конца, то требует и средств также, а потому сейчас же сделал распоряжение напасть на это укрепление, с 4–5 тысячами человек под командою генерала Пате, которое защищалось русскими с редкою энергиею.

Мне рассказывали, что гвардейские егеря недавно высадившиеся, не замедлили послать пули в сражающихся противников, и несмотря на свою боевую неопытность, мужественно бросились на неприятеля, понеся серьезные потери. Бой за обладание ложементами, укрепленными одинаково сильно, как и редут, продолжался более 6-ти часов, и генерал де-Фальи мне говорил, что у нас было 500 убитых и 1200–1500 раненых.

Этой ночью была новая битва. У меня нет других разъяснений по этому обстоятельству, кроме только того, что русские теперь осуждены оставаться за укреплениями крепости, не будучи в состоянии произвести никаких контр-апрошевых работ по направлению к осаждаемому левому крылу.

В свою очередь мы можем предпринять многое со стороны осады правого фланга. Это уже является хорошим результатом наших стараний.

52

Лагерь у Мельницы 3 июня/22 мая 1855 г.

Последовало давно нами ожидаемое решение генерала Пелисье предпринять небольшую морскую экспедицию к Керчи. 1-я французская дивизия 1-го корпуса (генерал д'Отемар), английская и турецкая дивизии, наличностью около 15 тысяч человек 22/10 мая были посажены в Камыше на морские французские и английские суда, под начальством генерала Броуна.

Нам известно, теперь что русские, находясь там в небольшом числе, не могут воспрепятствовать высадке этому хотя и незначительному экспедиционному отряду. Мы заняли форт Еникале без сопротивления. Неприятель до отступления разрушил всё, что могло быть нам полезно и между прочим уничтожил более 5000 мешков зерна и муки.

Мы завладели 88 орудиями большого калибра и лишили русских очень важной линии сообщений.

В то время как флот подвигался на берегах Азии, многие паровые суда с небольшим водоизмещением разносили и разрушали незначительные суда, встречавшиеся им в Азовском море.

С другой стороны 25/13 мая генерал Канробер во главе колонны, составленной из двух дивизий пехоты, двух дивизий кавалерии и пяти батарей, по переходе Черной через мост у Трактира в 4 часа утра, нечаянно напал на русскую дивизию, стоявшую на правом берегу реки, и завладел редутом, возведенным для защиты этого прохода, занявши передние предгорий Шулиу (de Schouliou).

Таким образом, мы сделались обладателями широкой долины и большею частью течения р. Черной.

Мы теперь не будем стесняться отсутствием воды, а кавалерия наша будет иметь прекрасные пастбища. Как последствие этого успеха, стоившего лишь одного убитого и одного раненого, наша позиция на плоскости, является солидною.

Балаклавский порт и его сообщения с армиею подвергаются меньшей опасности. Мы прикрыты 15-тысячным корпусом сардинцев, недавно высадившихся под командою генерала Ламармора, который занимает высоты к югу от Чоргуна и двумя французскими дивизиями Канробера и Брюне, расположенными на Федюхиных высотах, против моста у Трактира и наконец египтянами Омера-Паши, стоящими между французами и

сардинцами.

Известие об этих двух успехах имело очень хорошее влияние на дух наших солдат, которые более чем когда-либо стали настаивать на скорейшем производстве штурма. Вероятно, он и не замедлит исполнением. Мы знаем, что огонь всех наших батарей должен начаться через несколько дней с большею силою и смертоносностью, чем когда-либо! После этой страшной канонады, значительные колонны одновременно устремятся на все передовые укрепления и особенно на Камчатский люнет и Селенгинский и Волынский редуты. Взятие этих укреплений выпадает на долю моей дивизии.

Русские, ввиду будущего нападения, устроили в Килен-балке, которую предстоит пройти нашей колонне для достижения Селенгинского и Волынского редутов, дополнительную защиту, поместив на земле небольшие деревянные ящики 12–14 сантиметров высотою, наполненный порохом, картечными пулями, дробью и прочим. Приспособление, скользящее по взрывчатому капсюлю, должно сообщать огонь этим аппаратам в тот момент, когда является нажим на пуговку. К счастью, один из высших инженерных офицеров, проходя по лощине, открыл эти небольшие машины очень искусно скрытые в высокой траве. Рабочая команда из 20 человек была отряжена для разыскания таких ящиков и в настоящее время их нечего бояться.

Не беспокойтесь о нашем санитарном положении, которое возможно хорошо и теперь должно лишь улучшаться, так как мы менее стеснены. Было несколько единичных случаев холеры, о которых и не думают даже говорить.

Мой батальонный произведен в подполковники и его заменил в 1-м батальоне командир 2-го батальона Тиге, с которым я начал кампанию в Крыму и очень рад снова иметь его своим начальником.

Я приказал сложить из камня возле моей палатки конюшню для двух своих лошадей. Деревянный брусок поддерживает крышу, состоящую из 6 тантабри. Пара ласточек избрала эту небольшую перекладину, чтоб устроить возле неё гнездо, и эти бедняжки сделались такими ручными, что садятся на лошадей и даже на голову моего вестового, чтоб докончить устройство своего гнезда… Их доверие не будет обмануто и им не причинят никакого зла; я буду лично наблюдать за этой семьей!

53

Лагерь у Мельницы 7 июня/26 мая 1855 г., полдень.

Все распоряжения были остановлены в виду предполагаемого штурма Селенгинского и Волынского редутов и Камчатского люнета.

Дивизия Майрана должна овладеть Волынским и Селенгинским редутами, дивизия Дюлака и батальон гвардейских латников, будут составлять их резерв.

Дивизия Каму, имея в резерве дивизию Брюне, назначается для взятия Камчатского люнета.

6/25 числа утром все осадные орудия открыли огонь против крепости и особенно против предположенных к атаке укреплений. Неприятель отвечал выстрелом на выстрел. Когда темнота не позволила стрелять более с прицелом по брустверам, огонь no время ночи продолжали одни лишь мортиры и единороги. При восходе солнца общая канонада возобновилась с большей силой, чем накануне. В это время казалось, что огонь неприятеля сделался медленнее.

Вчера после полудня генерал де-Фальи, собрав вокруг себя высших офицеров, капитанов лучших рот и старших адъютантов своей бригады, объяснил в очень ясных и точных выражениях цель бригады и особую задачу каждого батальона. Возвращаясь с этой беседы, мы знали, что делать каждому и были уверены в успехе.

Два батальона 95 и 97-го полков составят штурмовую колонну и должны будут устроиться в параллели, откуда выступят одновременно по данному сигналу, чтоб броситься с фронта и флангов на Волынский редут. Генерал де-Фальи станет во главе этой штурмовой колонны, в качестве её командира. 2-ой батальон 97-го полка должен будет устремиться в Килен-балку, чтоб ударить во фланг русским, которых мы заставим отступить из Волынского редута.

2-я бригада дивизии Майрана, под командою генерала Леваранда, должна была произвести подобное же движение против Селенгинского редута на нашем правом фланге.

19-й батальон егерей и две роты стрелков 95-го полка должны в тоже время овладеть ложементами, устроенными перед укреплениями для того, чтоб главным колоннам не пришлось задерживаться с этою целью.

Тогда же дивизия Каму должна занять Камчатский люнет, а англичане ложементы у Каменоломни (ouvrges de Carrieres).

Сигнал к общему нападению будет дан ракетой из редута Виктории в 6 часов вечера.

В случае быстрого успеха, колоннам дозволено будет продолжать путь вперед, чтоб завладеть батареей, под названием «Батарея 2-го мая» впереди Селенгинского и Волынского редутов и даже попытаться броситься на штурм крепости.

Все эти действия не сложны, верно рассчитаны, хорошо поняты и вероятно удадутся.

Мы нисколько не можем бояться за свой тыл, так как генерал Пелисье обеспечил его, приказав произвести далеко за Байдаром сильную рекогносцировку бригадам кавалерии и пехоты с двумя батареями под командою генерала Майрана, чем и констатировано отсутствие неприятеля на несколько лье в окружности.

Армия возбуждена, никто не хочет оставаться в лагерях, даже больные желают идти, не слушая докторов, авторитет которых забыт: утешают совершенно неспособных к движению, объясняя, что они остаются стражей лагерей, во время отсутствия товарищей. Считая наших людей за очень храбрых и мужественных, я не предполагал, однако, чтоб они были так доблестны.

Мы должны выступить из лагеря в 4 часа вечера и каждый обязан взять 80 патронов, пищевой запас на два дня и полную манерку воды.

Более двадцати человек дожидались моего выхода из палатки с просьбами не забыть их, если б потребовались охотники, отдавая себя в мое полное распоряжение и обещая исполнить всё, что мне захочется. Я записал их имена и каждый прибавил еще к этому списку фамилии трех или четырех своих товарищей, испрашивая обещание сделать и для них тоже самое. Я записал в своей памятной книжке более восьмидесяти человек, готовых на всё.

У моего бедного друга, капитана Лесторей, умного и доблестного воина, сегодня утром оторвало ядром руку. Он был в прикрытии траншейного склада и находился в постовой палатке. Это, может быть, первое ядро попавшее на сей пункт. Его рана, а также подпоручика Шварца самые тяжелые из всех, которые получили офицеры 95-го полка.

Два часа и я буду готовиться. Слышу музыку, репетирующую Марсельезу; она должна оставаться в траншеях во время штурма и при звуках этой воинственной песни, нам придется идти вперед!

Час атаки избран очень удачно. До сих пор мы делали нападения ночью. Русские будут взяты врасплох, а мы будем

иметь более двух часов дня, чтоб приготовиться к сопротивлению при возвратном нападении неприятеля.

Надейтесь, также, как и я… и будьте уверены, что мы будем иметь успех, о чём я вам сообщу сам.

Погода немного мрачная, угрожает дождем, но очень удобна для нас.

54

Лагерь у Мельницы 10 июня/29 мая 1855 г.

Возблагодарим Бога! Мы достигли блестящего успеха. Все укрепления, которые были атакованы, в наших руках!

7-го числа в 4 часа пополудни, вся дивизия встала в ружье и генерал Боске сделал ей смотр, возбудив несколькими энергическими словами наше мужество!

Наличность каждого из наших двух батальонов составляла 575 человек.

В $5^1/_2$ часов мы заняли в траншеях указанное нам место и ожидали сигнала!

Наш полковой командир Даннер должен был атаковать левый фланг Волынского редута с вторым батальоном 95-го полка. Подполковник Поз д'Ивуа — правый с первым батальоном. Полковник Мальер с батальоном своего 97-го полка должен был составлять резерв нашим двум колоннам.

В ожидании момента движения вперед, осматривали местность, с осторожностью поднимая голову над бруствером. Нам предстояло пробежать 500 метров, чтоб достичь редута. 500 метров!.. под огнем русских батарей крепости Маяка и проч. и проч. и ружейными выстрелами гарнизона укрепления!.. Забавляться в пути не придется!..

В 6 часов, огонь наших батарей повсюду одновременно прекратился и 6 ракет, пущенные из редута Виктории, где находился генерал Пелисье, обозначили свой воздушный путь бороздами дыма.

Это сигнал!

Две роты стрелков и три егерей 19-го полка, выйдя из траншей, устремились на ложементы, а защищавшие их русские, не ожидавшие нападения, после рукопашной схватки, отступили в редут, увеличив его гарнизон.

В тоже время генерал де-Фальи перешел прямо через бруствер, чему последовал и подполковник во главе 1-го батальона. Полковник Даннер, — правее сделал тоже самое с 2-м батальоном, и солдаты без колебания бросились вперед.

На половине пути генерал де-Фальи, заметив беспорядок, произведенный в подвигавшейся беглым шагом колонне, тучею направленных в неё снарядов, останавливает голову колонны под сильным огнем крепости и редутов и приказывает мне перестроить ее.

Едва половина батальона сомкнулась, он меня спросил:

— Сколько у вас человек?

«Около трехсот, Ваше Превосходительство».

В эту минуту, ядро проделав борозду у ног генерала, сваливает его на землю… но он сейчас же встает и с поднятой к верху саблей возглашает: «Вперед!» «Да здравствует Император!!!»

Движение продолжается, мы подходим к рвам, где уже находится 2-й батальон.

И все мы бросаемся во рвы 4-х метров глубиною, выбитые в скале и с отвесными боками. Ждать нельзя, — необходимо взбираться на насыпи; бреши нет, а потому прибегают к лестницам…

Пули и картечь решетят нас… защитники редута, не успевая заряжать ружей, скатывают на нас камни своих брустверов.

Мне удалось с моим бедным приятелем, капитаном Шово схватить фашину и мы, взаимно помогая один другому, взобрались на бруствер и первые явились на скате его, как вдруг ядро из крепости ударяет в фашину и мы оба летим на дно рва, наполовину засыпанные под фашиной, составлявшей нашу защиту… Я выкарабкался и хотел протянуть руку своему другу… Увы! он был убит.

Ожидать было нельзя, и я присоединился к другой группе… Защитники и штурмующие смешались, схватись врукопашную, как попало… Вскоре мы собираемся и бросаемся вперед… Прижав русских в один угол редута, мы отняли у них таким образом всякую свободу защищаться…

Полковник Мориер появился со своим батальоном 97-го полка на правой стороне укрепления и запер выход, проделанный в этом фасе редута… Укрепление досталось нам, а часть его защитников сделались нашими пленниками.

Затем мы несколько времени собираемся с духом.

На нашем правом фланге бригада Лавaранда блестящим образом овладела Селенгинским редутом и удержалась там.

На левом фланге генерал Каму, во главе 3-го полка зуавов и 50-го пехотного завладел Камчатским люнетом, в то время, как алжирские стрелки захватили важную батарею, устроенную на одном из фасов этого укрепления. Оставя часть войска в люнете, генерал Каму направил другую часть против Малахова кургана. Наши солдаты, возбужденные примером, снова устремились вперед из Волынского редута и овладели «Батареей 2-го мая» расположенной в 400 метрах впереди… а находившиеся там орудия, немедленно были заклепаны поручиком моего полка Барто.

Генерал Майран скоро сообразил, что нет возможности

удержать за собою это укрепление, открытое с горжи и хорошо обстреливаемое крепостью, а потому велел отступить своему отряду к Волынскому редуту.

В это время два русских фрегата, стоявшие на якоре в Килен-балочной бухте, стали часто стрелять в нас картечью. Поручик Гаренти, ординарец генерала де Фальи пал смертельно раненый, полковник Даннер свалился, пораженный гранатою в ногу.

Англичане не оставались бездеятельными. С большою отвагою они атаковали и завладели укреплением «Каменоломен» перед их траншеями, увлеченные примером, поданным отрядом генерала Каму, и преследовали неприятеля до рва 3-го бастиона (Grand Redan), а затем возвратились в занятое ими укрепление.

С другой стороны русские, придя в себя от внезапности удара, не уступали ничего, не испытав последних средств. Они вывели из Малахова большую пехотную колонну, под прикрытием полевой батареи. Герои дивизии Каму, подошедшие уже ко рву Малахова кургана, должны были отступить. Взрыв мины ранившей и убившей 12–15 человек, возбудил боязнь солдат, так как, по слухам, вся местность перед Малаховым была минирована, что ускорило отступление. Неприятель, воспользовавшись беспорядком, снова, возвратил себе Камчатский люнет, откуда, впрочем, скоро был выбит вторично генералом Каму, при помощи 2-й бригады.

Приближалась ночь и было уже поздно, для нового нападения неприятеля с надеждою на успех… Редуты Селенгинский и Волынский, Камчатский люнет и укрепление «Каменоломен» окончательно были в наших руках… Батарея 2 мая нами покинутая и снова занятая русскими, ночью была ими оставлена.

Таким образом мы сделались обладателями всех укреплений, возведенных за первой линией Севастопольских защит.

Во время действия наших штурмовых колонн, подполковник Ларруи, с остатком 97 полка, спустившись в Килен-балку ударил во фланг 300–400 русских, которые успели уйти из Селенгинского и Волынского редутов, и заставил их положить оружие, приведя в лагеря пленными.

Ночь с 7 июня/27 мая на 8 июня/28 мая в Волынском редуте.

Когда генерал де Фальи возвратился в редут с людьми, отступившими от батареи 2 мая, он приказал мне собрать и построить в колонну два батальона полка, установить стрелков по брустверу, обезоружить пленных и распорядиться отводом их в лагерь.

Исполнив эти приказания, я отправился в пороховой погреб, чтоб убедиться что не рискуем быть взорванными, для чего

поставил у его входа часовых. Затем спустился в ров, чтоб разыскать там товарища по производству, друга Шово и своего батальонного Тиге, убитых при штурме, что мне и удалось. Велев перенести их всех в редут… я тут же преклонил колена… а вслед за сим отправился к своему генералу, который от хрипоты не мог говорить и мне стоило больших усилий слышать отдаваемые им мне приказания. Оба мы пропадали от жажды. Артиллерийский ездовой предложил нам свою манерку с водой, которую мы быстро опорожнили.

Все умирали от усталости и в 11 часов, не взирая на гранаты и бомбы, беспрерывно падающие на нас, все люди не находившиеся на службе или на инженерных работах, крепко заснули положив голову на ближайшие к ним тела убитых французов или русских.

Нет слов для описания храбрости, энергии, быстроты, сметки и хладнокровия генерала де Фальи во время этого памятного дня, и если можно сравнить его с кем-либо, то, сомневаюсь, чтоб кто-нибудь мог превзойти его в этих качествах. Питаю к нему глубокое уважение, и мне известно, что оно разделяется всей бригадой.

Неприятель не переставал стрелять всю ночь, но огонь его ни на одну минуту не остановил исполнения инженерных работ для уширения брустверов и проделания входа в фасе укрепления, противоположном крепости.

55

Лагерь у Мельницы 11 июня/31 мая 1855 г.

Остаток ночи прошел относительно спокойно… Не было возможности перевести раненых в лазареты, за неимением ни одной безопасной дороги. Им были оказаны возможные заботы товарищами.

С рассветом неприятельская батарея открыла сильный огонь против всех укреплений взятых накануне; бруствер горжи нашего редута был уширен, но еще не имел достаточной для защиты толщины и гранаты, хотя уже и редкие, могли его пробить.

Генерал поручил мне устроить некоторый порядок в редуте, чтоб защитить раненых французов и русских от пыли и солнечного зноя, для чего я велел перенести их в казематированные редюиты, которые еще не были разрушены, а убитых поместить в менее годные к жилью и почти вполне развaленные части редута.

В одном из таких мест я нашел более сорока тел русских, которые казалось лежали уже по крайней мере два дня и между и ими оказалось до 20 человек еще живых, укрывавшихся здесь со вчерашнего дня, когда укрепление перешло в наши руки.

Несмотря на неприятельский огонь артиллерии, соединительная траншея с нашими работами в лагерях, могла быть продолжена и была настолько подвинута к вечеру, что дала возможность перенести раненых.

Офицеры и солдаты питались в этот день вчерашними запасами. Недоставало воды и после сильного дневного зноя, все страдали от жажды. Как только открыли узкую соединительную траншею, многочисленный отряд послан был запастись водою в отводном канале у подошвы Сапун-горы.

Днем генерал, мой подполковник и я находились под защитой от солнца в свободной части порохового погреба. При входе я увидел раненого русского, и предполагая, что он также ищет тени, ничего ему не сказал. Через полчаса я нашел этого, раненого уже в глубине прохода и у двери порохового магазина. Так как он не мог идти сам, то я приказал вынести его из погреба, но через два часа снова заметил его в трех шагах от этого погреба. Он притащился сюда с трудом, но без явной нужды, а потому у меня закралось подозрение о его намерениях. Снова я велел вынести его наверх и обыскать… У него оказались в правой руке спички, которые он тер об нечто вроде металлического образка, держа его в левой руке. Возвратившись на то место

откуда распорядился взять его, я поднял три незагоревшиеся, хотя и стертые спички… очевидно, что несчастный хотел взорвать нас!.. Рана его не была опасной и хотя нога была размозжена пулею, но он мог рассчитывать на жизнь после ампутации ноги. Предполагая взорвать пороховой погреб, он жертвовал своею жизнью умышленно, без шуму, ради своего Бога и Отечества… в силу долга! Если бы этот темный бедняга солдат не поразил бы меня таким самоотвержением, я может быть отдал приказание расстрелять его… и меня бы не осудили за это!.. но я ограничился арестом и наблюдением за ним до времени, когда можно будет перенести его в лазарет, отобрав у него его реликвии. Они состоят из трех медных пластинок, соединяющихся шарнирами, что позволяет сложить их одна с другой: на внутренней стороне пластинок, покрытых эмалью, рельефно выбиты три сцены из Страстей. Сохраню их и передам по возвращении вам на память о взятии Волынского редута. Почти все русские солдаты носят на груди на шнурке подобную реликвию.

День 9 июня (29 Мая).

9/29 в полдень, появился белый флаг на Малаховом кургане и в то же время другой белый флаг был поднят в Камчатском люнете.

Между главнокомандующими двух армий было условлено временное прекращение военных действий, для погребения убитых, находившихся повсюду между нашими линиями. Генерал де Фальи был назначен для сношений с русским генералом Павловским (Palousky), командированным подобно ему для наблюдения за подробностями действий и который просил меня быть его ординарцем. Французские и русские офицеры отправились навстречу друг к другу и съехались на половине дороги у водопровода, проходящего по Килен-балке. Два генерала поздоровались, тоже сделали и их ординарцы, затем после нескольких любезных слов с обеих сторон, генерал де-Фальи сказал, обращаясь к русскому генералу: «Полагаю генерал, что трех часов перемирия недостаточно будет для уборки всех наших и ваших трупов, и если у вас есть необходимые полномочия, то не угодно ли будет согласиться продолжить перерыв неприязненных действий еще на два часа?»

«Как же! генерал, я имею все полномочия, чтоб сделать вам удовольствие и достаточно выраженного вами желания, для того чтоб оно было удовлетворено. Перемирие будет продолжено на сколько вам будет угодно».

Ледяные отношения были искусно и деликатно разбиты и разговор принял другое направление. Париж, Петербург,

суровости зимы, способствовали этому.

Генерал де-Фальи сказал мне на ухо несколько слов и я послал человека в лагеря, чтоб исполнить его желание; в это время стороны обменивались сигарами и представлялись друг другу как приятели при встрече на охоте.

Приехал русский полковник генерального штаба и сказал, покатываясь от смеха, а не здороваясь еще с нами: «О, честное слово! у вас невозможные союзники: английские офицеры, пользуясь прекращением враждебных действий, подъехали к нам верхом, и стали гарцевать у самых рвов крепости, так что я должен был послать просить их отъехать подальше назад, чему они были очень удивлены…»

— «Возможно, что они несколько оригинальны в характере, но у них есть также и хорошие качества, которые наши союзники успели выказать вам не раз» отвечал генерал де-Фальи, опасаясь ловушки, и предполагая в этих словах желание узнать свойство отношений между французскими и английскими начальниками.

Такой обмен едких слов расхолодил несколько беседу, но это впечатление продолжалось недолго. Некоторые офицеры присоединились к нам и веселый разговор, начатый одним из них, снова поставил отношения, в то положение, которое было сначала. Только и слов было у каждого о желании скорейшего прекращения войны.

Посланный мною в лагерь принес с собою коробку.

«Позвольте мне, — сказал генерал де-Фальи, — предложить тост за мир, французским вином».

«Принимаю с большим удовольствием».

И шампанское запенилось в металлических стаканах, оказавшихся в коробке.

Вышло прелестно.

Но что же происходило в это время между солдатами двух наций?

Ниже нас протекал чистый и свежий источник, который хорошо был известен русским и французам… и как только взвился белый флаг, те и другие бросились к ручью… Зуавы пришли первыми в количестве около 69 человек, и так как наполнять водой манерки можно было одновременно лишь двум или трем лицам, то русским приходилось ожидать очереди… Но учтивость прежде всего! А теперь и кокетство перед неприятелем!..

Зуавы взяли манерки у русских и передали им полные водою, вспомнив о себе, только тогда когда все русские были удовлетворены.

Последние, тронутые приемом, возвратились назад к себе и

принесли свои порции водки, в свою очередь наполнив ею манерки зуавов.

Разве это неприятели?

Нет, политика могла сделать их соперниками; они сражаются, так как это долг их, и бьются без пощады… но никогда она не может поставить их неприятелями…

Погребальные работы заканчивались и приближался конец перемирия.

«Я думаю, — сказал русский генерал, — что мы скоро должны будем возобновить враждебные действия».

«Час действительно наступает, но мы вам будем отвечать только на ваш первый выстрел».

«Благодарю, генерал, мой первый выстрел будет холостой» — сейчас же ответил русский генерал.

Время настало и генерал де Фальи предложил русскому генералу послать своего офицера ординарца до Селенгинского и Волынского редутов, удостовериться что ни одного русского не остается на нашей позиции.

Русский генерал принял это предложение, но из осторожности предложил проехать провожатому до половины дороги, чтоб охранить личность генерала; затем распростившись, каждый отправился на свое место. На половине расстояния от водопровода до Волынского редута, генерал де Фальи приказал мне сопровождать в свою очередь, русского ординарца до водопровода.

Мы одни приехали к мосту.

«Ну, — сказал я, — теперь хоть на несколько минут война, будет зависеть от нас, если позволим себе выкурить по сигаре?»

«Да, — отвечал он, — назло тем, кто спешит взаимным истреблением».

И вот мы оба стали очень спокойно курить между двумя армиями, забыв в разговорах о существовании их.

Наконец в 6 часов, пожав взаимно и в последний раз руки, мы отправились на свои посты.

Затем были сняты белые флаги и мы услышали первый выстрел русского орудия. Он раздался с Малахова кургана только спустя полчаса после нашей разлуки.

56

Лагерь у Мельницы 17/5 июня 1855 г.

Ночь с 9/29-го на 10/30-е в Волынском редуте прошла благополучно. Артиллерия Севастополя продолжала наводнять нас своими снарядами, но мы ни на одну минуту не прерывали своих работ по сообщениям и исправлению насыпей, а потому с утра 10-го будем в состоянии спуститься в Килен-балку и иметь безопасное сообщение с нашим лагерем.

Утром 9-го я был свидетелем самого ужасного действия гранаты, которое когда-либо видел; снаряд, брошенный русскими, срезав верх бруствера, ударил сбоку по колесам орудий, которые мы нашли в редуте. Довольно большое число людей, сидели и лежали около орудий или стояли облокотись на них. Девятнадцать из них были убиты и буквально искрошены осколками колес, превращенных в пыль! Должен ли я умолчать о том, что проходя невдалеке, я также получил в лицо удар руки, отделенной от туловища?

Наконец 10-го в полдень, мы были, к нашему удовольствию заменены батальоном 97-го полка и изнуренные усталостью возвратились в лагерь.

Я принес из редута два тома произведений Виктора Гюго, которые нашел в редуте, недалеко от порохового погреба. В одном из этих томов находились три письма, написанные по-французски. Первое из Одессы 18 марта 1885 года, подписано «Minciesky», от матери к сыну (вероятно начальнику редута, убитому 7 июня).

Второе подписан «Marie» и помечено 28-м февраля 1855 г.

Наконец третье от 18 марта 1854 г. начинается «Дорогой мой Константин» и подписан «Carles Minc…».

Сохраню эти письма, чтоб передать их авторам, если представится к тому случай.

Я принес из редута только один очень хорошо сохранившийся стул. Вы не поверите какое доставляет благополучие ощущение спинки стула, когда вы лишены были этого удобства более чем в продолжении десяти месяцев.

Едва успел я войти в палатку, как был потребован к полковнику для приказаний, и нашел его в постели у себя, так как он не пожелал быть перенесенным в лазарет. Старший полковой доктор пользовал его в лагерях. Рана его не опасна и менее чем через месяц, он надеется встать.

Спустя час после визита к полковнику, я побежал в лазарет,

чтоб повидаться со многими ранеными товарищами.

Санитарная служба, организованная для обыкновенного времени, казалась мне недостаточной, когда в силу обстоятельств лазареты заваливаются людьми. Имеется только три доктора для пользования более трехсот раненых и такого же числа больных! Врачи устают до изнеможения и должны брать себе в помощь больничных сторожей, как для перевязки, так и для хирургических операций. Эту службу необходимо реорганизовать, так как доктора успевают заниматься только такими ранеными, которых считают имеющими шансы на выздоровление и вероятно многие умирают, из таких, которые избегли бы смерти, если б докторский персонал был утроен.

Несмотря на самый лестный для нашей бригады дневной приказ генерала Пелисье, где он выразился: «стремительная бригада де Фальи», мы не получили наград, на которые, по моему мнению, в праве были рассчитывать. Офицерский крест для полковника Даннера, и кавалерский для сержанта Ривьер, вот и всё.

Да, кресты раздаются не щедро… 16-го июня полк насчитывал украшенных этим отличием офицеров, менее чем в день посадки его на суда в Марселе.

Что касается меня, то мне не посчастливилось. Полковник по доброте своей представил меня в командиры батальона, хотя я получил чин только год тому назад; бригадный и дивизионный начальники поддержали это представление лестными для меня отзывами, но генерал Боске нашел, что я слишком еще юн летами и чином. Возвратив полковнику представление, в котором я значился один, он предложил ему представить старшего капитана, что и выпало на долю капитана Обре.

Самый удачный выбор.

Несмотря на свой возраст, этот капитан еще полон энергии и отличается большою опытностью.

Редуты Селенгинский, Волынский, а также и Камчатский люнет были переделаны нами в сильные батареи.

Траншеи, ведущие к Килен-балке, закончены.

Объявленные подкрепления почти все прибыли. Войска находятся под впечатлением успеха 7 июня и наконец неприятель еще не в состоянии оправиться от понесенных потерь. По всем этим причинам, кажется для главнокомандующего является благоприятное время испытать решительный штурм Севастополя.

Этот штурм, энергический и общий предстоит завтра 18 июня.

Мы немного удивлены, не ожидая его так скоро и очень довольны, убедись, что генерал Пелисье ведет дела быстро и

вероятно он и завтра найдет таких, которые ему удивлялись 7-го числа.

Постараемся забыть всё трудное, предстоящее на 18 июня! Уверен, что участь Ватерлоо возобновиться не может!..

Генерал Боске оставил нас, приняв командование корпусом, расположенным лагерем в долине и заменен генералом Рено де Сент Жан д'Анжели.

Такая перемена очень огорчает нас, так как мы хорошо звали генерала Боске, а также и были все ему известны. Все питают слепое доверие к его хладнокровию, сообразительности и счастливой судьбе. Он также верил в свои войска, которые неоднократна видел в схватках с неприятелем. Генерал Рено прибыл из Франции недавно и его никто не знает, да и мы ему не знакомы. Зачем же возлагать на него миссию вести нас в знаменательный день великого боя, в местности, которую он не имел времени изучить вполне?

Мне неизвестно еще ни одно из распоряжений о подробностях, которые будут приняты завтра, — знаю только, что 5-й бастион должен быть атакован англичанами, Малахов курган справа дивизиею Брюне и с левой стороны дивизией д'Отемар, что 2-я бригада нашей дивизии должна штурмовать «Petit Redan» и что 1-я бригада назначена для овладения «Maison en Croix» и «Battarie de la Pointe» на краю правого фланга.

Надеюсь скоро сообщить вам результаты нашей новой атаки подобно тому как я это сделал 7 июня.

Не беспокойтесь, и верьте также как и я.

57

Лагерь у Мельницы 20/8 июня 1855 г.

С глубокой печалью сообщаю вам о серьезной неудаче, постигшей нам штурм 18/6 июня!

Повсюду, где ни появлялись мы были отбиты, с большими потерями!

Прежде чем описать подробности, я должен успокоить вас насчет результата. Наши позиции те же самые, которые занимались нами 17-го числа, мы не потеряли ни пяди земли, нравственный дух наш не угнетен, и все готовы снова по первому сигналу идти на приступ.

17-го вечером генерал де Фальи, собрал возле своей палатки высших офицеров, старших адъютантов и командиров уют охотников, чтоб указать им роль каждой части бригады, в штурме следующего дня.

Позиции займутся во время ночи.

Сигнал для атаки будет дан, как и 7-го июня, ракетами из редута Виктории, по приказанию генерала Пелисье.

Два батальона 97-го полка под командою полковника Малер, выступят первыми на приступ Малого Редана.

Один только батальон морской пехоты, отделенный от 1-ой бригады будет участвовать в этом первом нападении.

Первый батальон 95 полка под командою подполковника Поз д'Ивуа и полковник Джиакобби, будет служить первым резервом.

Второй батальон 95 полка под командою капитана Морана останется в Волынском редуте в качестве второго резерва.

Генерал де Фальи, лично поведет войска в атаку.

Наконец дивизионный генерал Майран будет находиться вблизи первого батальона 95-го полка, чтоб всем распоряжаться.

Общее наступление производится по сигналу.

Все генералы дали командирам корпусов для распоряжений аналогичные инструкции.

В 8 часов вечера 17-го дивизия встала в ружье и мы спустились в Килен-балку. После полуторачасового движения дошли до высот Малого Редана и взобрались на крутые склоны, которые отделяли нас от него.

Второй батальон 97 полка и первый 95-го устроились на этих склонах в расстоянии 20 метров от вершины, где инженеры успели установить прикрытие из туров для временной до приступа защиты нашей колонны.

Офицеры и солдаты улеглись в высокой траве и многие

заснули несмотря на сильный огонь, направленный французскими батареями поверх наших голов в крепость. Множество гранат разрывались в воздухе над нами, благодаря их плохому снаряжению; крепость совсем не отвечала на наши выстрелы… дурной знак.

Во главе колонны, состоящей из первого батальона 95 полка лежали вместе на траве, покрытой сильной росой, генералы Майран, де Фальи, полковник Малер, подполковник Поз д'Ивуа, полковник Джиакобби, старший адъютант Эрбе и два или три офицера главного штаба.

Около 3-х часов утра, на рассвете, два русских офицера приблизились к защите из туров находившихся в 20 метрах от нас и снимая свои фуражки закричали: «Ну, господа французы, милости просим, мы ждем вас».

Нас это поразило… Очевидно, неприятелю известны наши намерения и мы найдем следовательно готовую и солидную оборону.

Генерал Майран, раздраженный таким дерзким вызовом, выстроил своих людей в колонну на дороге, которая спускается в Килен-балку от Малахова, с целью быть готовым броситься вперед, как только будет подан сигнал к атаке, а два батальона 97 полка, поместились за защитой из туров. «Должны быть три ракеты, — сказал он нам, — последовательно одна за другой».

Все глаза направились на редут Виктории, откуда должен появиться сигнал.

Как вдруг, около $3^3/_4$ часов утра, яркая черта, сопровождаемая бороздою дыма, прорезала воздух.

«Вот сигнал» закричали многие офицеры, собравшиеся возле генерала.

Вторая яркая черта, почти вслед за первою.

«Нет сомнения, — сказал генерал Майран, — это сигнал, впрочем, всегда лучше исполнить дело ранее, чем позже; 97-ой полк вперед!»

По этой команде два батальона 97 полка и батальон морской пехоты бросились через туры на остальную часть склона, отделяющую их от Малого Редана… Голова колонны сейчас же была встречена дождем картечи и пуль! Весь неприятельский брустверб был унизан защитниками, а некоторые из них стояли на коленях на гребне гласиса.

Колонна должна была остановиться; увлечение её пропало, но никто не подавался назад! Начинается общая ружейная перестрелка и приступа уже нет.

Наш батальон заменил за турами 97 полк и генерал Майран был впереди нас. Вдруг он склонился на мое плечо раненый в

руку картечной пулей, но не хочет оставить своего места и превозмогая боль, кричит: «Вперед 95 полк».

Мы перелезаем через туры и бросаемся вперед…

Наш подполковник Поз д'Ивуа падает, пораженный пулею в шею!

Мы скоро догоним 97 полк.

«Вперед! вперед!» кричат все наши люди…

Русские вскакивают на бруствера и огонь их сверху, увеличивается впятеро…

Мы останавливаемся второй раз.

Четыре часа… и вдруг видим в воздухе ракеты со звездами, сигнал к наступлению!!!

Мы были введены в ошибку!

Оказалось что светящиеся полосы, показавшиеся нам после 3-х часов, происходили от полета гранат!..

Пагубная ошибка!

На нашем левом фланге дивизия Брюне и дивизия д'Отемара бросились на Малахов курган по условному сигналу.

Дивизия Брюне подобно нам, была удержана в своем порыве; и часть её возвратилась назад в Камчатский люнет, тогда как другая часть, опираясь на правый фланг, соединилась с нами.

Прибытие этого отряда было для нас сигналом для новых усилий!

Но геройство оказалось напрасным.

Малахов курган, освободившийся от фронтальной атаки, направил свой огонь на правый фланг нашей колонны, а большой черный фрегат, поставленный на шпринг в Килен-балочной бухте, громил нас в тыл.

Нападение зуавов на батарею «de la Pointe» также не имело успеха, они отступили в беспорядке и неприятель, пользуясь этим отступлением, открывавшим нас его выстрелам, усилил свой артиллерийский огонь против нашего правого фланга.

Разом принятая со всех сторон, наша колонна не имела возможности подвигаться вперед, но никто не хотел отступить без приказания.

В эту минуту появился полк гвардейских стрелков на нашем правом фланге в сомкнутой колонне, с возгласом «Да здравствует Император!»

Он с замечательным порядком, смелостью и спокойствием отличающими только войска состоящие из отборных людей, подвигался вперед. Случай завел нас в мертвое пространство Редана, и в этом месте мы терпели только от флангового артиллерийского огня, но зато этот прекрасный и мужественный полк, попал под прямые выстрелы этого укрепления.

Тучи картечи залпами из всех орудий на расстоянии не более 200 метров, в несколько минут вывели из строя этого полка четвертую часть наличности, но он всё-таки продолжал свое движение вперед одним и тем же ходом, без малейшего колебания!

Хотя это и удивляет, но было бы неблагоразумно следовать такому примеру.

Полковник скомандовал вполоборота, и полк отошел для занятия места сзади туров.

Генерал Майран, оставшись за турами, вызвал второй батальон 95 полка и, едва тот подоспел к этому месту, как снова пораженный начальник был вынесен умирающим!

Генерал де Фальи принял командование дивизией.

Из всех высших чинов бригады остался еще на ногах только полковник Джакоби.

Положение делалось невыносимым и все усилия оказались бесполезными, но Джакоби всё-таки не хочет отступить!

Наконец генерал де Фальи послал ему приказание ретироваться.

Тогда он распорядился собрать принесенные 97 полком штурмовые лестницы и, положив их на землю, употребил для переноски очень большого количества раненых; каждая группа из двух или трех солдат, отступая, несла товарища, и только когда все эти люди постепенно исполнили свои обязанности, полковой командир ушел с места боя, с грустью оставив несколько раненых, за недостатком носильщиков.

В 8 часов утра генерал де Фальи спустился с нами в лощину, и в 10 часов мы возвратились в лагеря.

58

Лагерь у Мельницы 22/10 июня 1855 г.

Продолжаю свое письмо от 20/8 числа, прерванное двадцатичасовым пребыванием в Волынском редуте.

Англичане мужественно атаковали 3-й бастион в час, указанный сигналами ракет со звездами.

Они также нашли могущественно организованную защиту и после геройских усилий, должны были отступить за свои траншеи.

Дивизия Отемара, более счастливая, завладела Корниловским бастионом, составляющим продолжение Малахова кургана и, не останавливаясь ни перед картечью, ни перед сильным, почти в упор ружейным огнем, проникла в предместье Корабельную.

5-ый батальон егерей и 1-й батальон 19-го пехотного полка этой дивизии, не желая уступить взятое, несмотря на то, что неприятель устремил на этот пункт все свои резервы, — дрались с храбростью, удивлявшею их соперников. Наконец, подавленные числом, они вынуждены были возвратиться на свои позиции.

На 19/7 число условлено было между двумя главнокомандующими прекращение неприятельских действий, чтоб похоронить жертвы вчерашнего дня.

В полдень белые флаги были подняты на Малаховом кургане и Камчатском люнете; я присутствовал при встрече парламентеров.

Были установлены такие же подробности, как и во время перемирия 9-го июня, лишь с тем отличием, что, в целях устранения любопытства, русские поставили цепь часовых перед своими укреплениями, обозначив таким способом черту, которую не дозволяется переходить. Так как все наши убитые находились за этой цепью, то русские солдаты поднимали и приносили их к нашему местонахождению, для того, чтоб мы могли отдать последний долг чести своим, павшим в бою и приступить к их погребению.

Отношения между французскими и русскими офицерами и солдатами двух наций были также сердечны, как и 9 июня, Всякий поздравлял своего противника с храбростью, выказанною накануне в битве.

Заметно, что русские офицеры были очень довольны и гордились своим успехом, что, впрочем, было вполне естественно.

Полковник русского генерального штаба сказал мне, что один

из наших капралов, принадлежащих к главному штабу армии, дезертировал 17-го вечером и доставил неприятелю подробный план предполагаемого на следующий день штурма; русские же знали в подробности позиции и силы всех наших батальонов.

«Таким образом, — продолжал русский полковник, — имея сведения, что такой-то батальон такого то полка занимал известную позицию, такой-то стоял в резерве, в таком-то пункте, мы сейчас же заняли свои оборонительные места. Нас только удивило, что генерал Майран начал наступление ранее сигнала, так как и мы наблюдали за редутом Виктории».

Я позволил себе спросить у полковника, что сделали с этим негодяем, беглым капралом, бывшим может быть единственной причиной гибели стольких храбрых людей?

«Мы с ними поступили также, как и с другими дезертирами, — отвечал он мне: — он будет препровожден туда, где власть решила поселить его; хотим, чтоб нашим солдатам было известно, что если перебежчик и окажет даже услугу, то и при этом он не имеет права на какое-либо вознаграждение».

Во время настоящего перемирия, мы узнали, что потери русских убитыми и ранеными восходят до 5 тысяч человек, несмотря на то, что большинству сражающихся служил защитой брустверов.

Наши потери гораздо менее значительны, но между убитыми находятся начальники дивизий — Брюне и Майран.[2]

Англичане также испытали значительные потери и между ними генерала Кампбеля.

Один из русских офицеров рассказывал мне, что паровой фрегат, посылавший нам залпами картечь, мог бы еще более нанести вреда, если бы при третьем выстреле орудий, которыми мы завладели в «Батарее 2 мая», не была пробита гранатой подводная часть этого судна, которое едва успело выйти из боя, чтоб исправить свою аварию.

Эта «Батарея 2-го мая», вооружена теперь орудиями большого калибра и нечего страшиться, чтоб какое-либо неприятельское судно подошло на помощь своим в день приступа. Отныне, все русские суда осуждены на совершенную бездеятельность.

С живым удовольствием мы узнали, что генерал Боске вновь вступает в командование осадными войсками правого крыла, замещенный в начальствовании корпусом, расположенным на Федюхиных горах, генералом Гербильоном. Кажется, генерал Пелисье поставил его во главе отряда района реки Черной, с целью послать на Мекензиеву гору, чтоб отрезать отступление неприятеля в случае если бы штурм 18/6-го числа удался.

Уже давно я не описывал вам санитарного состояния армии.

Оно не оставляет желать лучшего. У нас было несколько единичных случаев холеры, вот и всё. Наши раненые содержатся возможно хорошо.

Две роты отборных людей, под начальством старшего адъютанта 3-го батальона моего полка, занимавшие гарнизон в Монпелье, прибыли к нам вчера 21/9 июня. Офицеры этого отряда не знали о делах 7/26 и 18/5 июня и были огорчены, не застав в живых многих своих товарищей.

Полк составится из 3-х батальонов в 6 рот, вместо двух батальонов из 8 рот. Из каждого действующего батальона будут взяты средние 2 роты, чтоб составить кадры для двух новых рот.

Прибытие этого подкрепления увеличивает нашу наличность на 180 человек, что очень мало, так как этого даже недостаточно для успешного дежурства.

По праву старшинства, прибывший командир Прево сделался моим начальником в 1 батальоне.

Генерал де-Фальи принял командование дивизией в ожидании заместителя Майрана, а полковник Даннер, сохранив командование 95 пехотным полком, исполняет обязанности бригадного начальника.

59

Лагерь у Мельницы 30/18 июня 1855 г.

По прежнему, начались осадные работы.

Говорят, что генерал Пелисье отказался от всякого нового нападения открытою силою до тех пор, пока осадные войска добьются возможности дойти, защищенные от огня неприятеля, до самой подошвы их бруствера.

Мы надолго не ожидаем никакого нового дела.

Служба наша не изменилась: проводим по-прежнему через два дня третий в прикрытии или на работе в траншеях.

Полк морской пехоты был присоединен к дивизии и отослан в Еникале, для занятия этой крепости.

Зуавы уже давно переделали свой театр. К общему горю, очень часто меняются актеры. Однако представления даются правильно один или два раза в неделю и охотно посещаются офицерами и солдатами, которые забавляются там от чистого сердца. Оркестр… часто слышится издалека, со стороны Малахова или наших редутов, но на эту музыку никто не обращает внимания, как мало привлекательную по своему однообразию.

Генерал Фашё, который должен заменить генерала Майрана, прислал своего сына осмотреть лагерь, и этот прекрасный высокого роста юноша очень позабавил нас.

«Генерал не будет доволен своим помещением, он желает, чтоб его палатка была в ста метрах за палатками войск, и чтоб наружный вход был против знаменной линии, служебный — с левой стороны, а вход для офицеров его штаба — с правой», — высказывал он.

Еще с большею горячностью жаловался он, когда отвечали, что лагерь занимается не для удовольствий и что каждый устраивается там, как и где возможно.

Конечно, по приезде генерал очень скоро убедится, что есть более важные дела, о которых следует позаботиться, чем думать о таких несвоевременных мелочах.

28/16 июня английская армия потеряла своего главнокомандующего лорда Реглана, умершего от приступа холеры. Не могу судить о значении английского начальника, но мне известно, что о нём очень сожалели, и все те, кто имел честь быть к нему приближенным, отдают справедливость благородству его характера.

Старший из английских начальников генерал Симсон принял

командование армией.

Мы узнали, что генерал Тотлебен, который так удивительно организовал оборону Севастополя, сделав его из почти открытого города крепостью первого разряда, в виду осадной армии, был серьезно ранен пулею в ногу. Это очень большая потери для русских войск. Если мы и не в претензии на поразившую его пулю, тем не менее желаем, чтобы рана удержала деятельность этого замечательного офицера лишь до заключения мира.

5 июля/23 июня 1855 г.

Генерал Фашё приехал два дня тому назад и вступил в командование дивизией.

По уставу, к нему явились офицеры и он, ничего нам не сказав, ограничился одним обходом всех, и раскрыл рот лишь для того, чтоб сделать замечание одному из наших товарищей за ветхое состояние его плаща.

Первое впечатление не из хороших… больше ничего не могу сказать.

Уходя от генерала Фашё, мы узнали новость, доставившую нам большое удовольствие. Наша дивизия выделяется из осадного корпуса и составит часть наблюдательного отряда на р. Черной. Мы заместим там дивизию Канробера, назначенную сменить нас в лагерях у Мельницы, чему все очень рады. Уже целых девять месяцев, как мы проводим две трети наших ночей в траншеях, а потому вполне приобрели право отдохнуть несколько дней! Да и наличность наших батальонов настолько уменьшилась, что мы больше негодны для серьезной службы и нам необходимо подождать подкреплений.

Дивизия Канробера, наоборот, принимала очень косвенное участие в осадных работах и весьма довольна, что выйдет из относительной бездеятельности.

Мы в тоже время узнали, что генерал Канробер возвратился во Францию, по формальному приказу Императора. Он замещен в качестве начальника дивизии генералом Мак-Магоном.

60

Лагерь на р. Черной 14/2 июля 1855 г.

В 8 часов утра мы без всякого сожаления оставили наш лагерь у Мельницы.

Наша дивизия стоит лагерем на Федюхиных горах, 1-я бригада — на правом фланге, а 2-я — на левом.

Две бригады разделены довольно глубокой лощиной, по которой проходит дорога от Трактирного моста на Балаклаву.

Генерал Фашё поставил свою палатку на холме правого фланга, сзади лагеря 2-го полка зуавов и 19-го батальона егерей. Генерал де Фальи приказал поставить свою за 95 полком.

Наблюдательный отряд, часть которого теперь мы составляем, находится под начальством генерала Гербильона, который также сохраняет командование своею дивизиею.

Этот отряд состоит из трех дивизий. Фашё — на Федюхиных горах против Трактирного моста; дивизия Каму — на другом холме более влево; дивизия Гербильона, 1-я бригада которого под командою Сенсье, расположена вблизи небольшого озера, левее дивизии Каму; 2-я бригада Клера — за дивизией Каму, в качестве резерва, с пятью конными батареями.

В долине правее дивизии Фашё, находится кавалерийская дивизия Морриса.

Сардинцы расположены на горе Гасфорта, правее кавалерии. На конце нашего правого фланга, в Байдарской долине, находится кавалерийская дивизия д'Алонвиля под прикрытием 3-го полка зуавов и 3-го батальона егерей, которая соединяется через Камара с турецкою дивизиею, расположенной близ Балаклавы. Трактирный мост, находящийся в 15–18 тысячах метров от нашего фронта, охраняется постом из двух рот нашей дивизии, защищенных небольшим, выдвинутым на правый берег реки, реданом.

Кавалерия занимает аванпосты возле покинутого русскими редута «Blanche», устроенного в 12–15 тысячах метров от моста, на высотах Шиулиу.

Этот кавалерийский пост соединяется с постом у моста, небольшою аванпостною цепью, отделенною от отряда, прикрывающего мост и с сардинскими постами, которые содержатся им левее Чоргуна.

Ночью, кавалерийские посты должны делать далекие разъезды в долине р. Черной, для убеждения, что неприятель не пользуется темнотой с целью соединения своих войск.

Наконец, каждый день в глухую ночь батальон нашей дивизии располагается у подошвы холма, чтоб подкрепить мостовой пост, и возвращается в лагерь, когда на рассвете, около 4-х часов утра, кавалерия сделает свой последний объезд.

Дивизия, находящаяся левее нас, также содержит посты перед своим фронтом до пункта, где речка переходима вброд, впереди дивизии Каму.

Вот расположение, принятое в обеспечение безопасности нашей армии.

На месте осады, со времени нашей несчастной попытки 18/6 июня, мы ничего не предпринимали серьезного и работы там продолжаются в обычном, правильном порядке.

С своей стороны русские употребляли все старания возвратить себе Камчатский люнет. В последнюю ночь они выслали свои лучшие войска, Императорскую гвардию, сначала на английские траншеи, а затем на ложементы между Малаховым и люнетом; после яростной борьбы, русские, по рассказам, выказавшие чудеса храбрости вне всякого описания, — были отбиты 86 пехотным полком и принуждены были отступить.

Подробностей об этом у меня нет.

Многие другие незначительные вылазки были произведены не с лучшим успехом. Неприятель теперь слишком стеснен, чтоб попытаться произвести серьезное нападение против наших линий.

Мне хорошо в лагере у Трактира. Кухня обильно снабжена припасами и белье мое прекрасно вымыто. Сплю глубоким сном, когда выберется время; наши люди веселы и болтают как сороки… но всё таки нам недостает одного… гула орудий… Теперь мы помолчим, а затем… кто может знать продолжительность нашего отдыха!..

Пред выступлением из лагеря у Мельницы, я хотел обеспечить участь моих ласточек и их семьи. С этою целью я обещал наследнику моего жилья оставить нетронутой конюшню для лошадей и шесть тантабри, служащих ей крышей, с единственным условием, чтоб он не разорял гнезда моих маленьких друзей.

Судите о моем удивлении, когда утром в 4 часа, при отправлении, я увидел всех моих птичек летающими вокруг моей палатки, под руководством своих родителей… два часа спустя, они действительно улетели и, в минуту отъезда, я уже не видел ни одной!.. Однако я всё-таки не разорил своей конюшни из желания, чтоб эта семья могла провести здесь хотя одну последнюю ночь…

Мы не видели еще своего дивизионного генерала. Чёрт возьми! что же он делает целый день, сидя в палатке. Уж не болен

ли он?..

61

Лагерь у р. Черной 29/17 июля 1855 г.

Известия, доходящие сюда с места осады, для нас благоприятны. Русские направляют свои вылазки только против наступательных работ левого фланга. Им известно, что мы не вполне оставили свои плавы с этой стороны, и действуем серьезнее на нашем правом фланге, а потому они преимущественно сосредоточивают свои усилия против Камчатского люнета и ложементов, возведенных инженерами против Малого Редана.

16/4 вечером они произвели вылазку против этих ложементов и, не успев овладеть ими, были отброшены за свои насыпи гвардейскими зуавами и рабочими в траншеях.

Несколько дней позже, они попытались сделать новую вылазку в том же направлении, но она оказалась не счастливее первых.

Работы, заключающиеся в устройстве траншей и параллелей, которые позволят нам сосредоточить штурмовые войска в нескольких шагах от пункта нападения, беспрерывно продолжаются, и чем ближе мы подходим, тем эти работы делаются труднее для исполнения, а опасность для наших рабочих увеличивается, но хочется добиться цели, и какой бы то ни было ценой, мы ее достигнем.

Войска продолжают отдыхать в нашем лагере у Трактира, и хотя не очень заняты днем, но ночью большею частью все собраны под палатками. Днем, после утреннего завтрака, люди отправляются отрядами с ружьями на перевязи в лес севернее Балаклавы, чтоб соорудить туры и фашины для инженерных работ и возвращаются в лагерь около 5 часов вечера. Кроме того, идет обычная служба, дежурства, патрули, раздача пищевых припасов и пр.

Офицеры, наличие которых так мало, что в нескольких ротах остается только по одному способному к службе, участвуют во всех этих нарядах.

Что касается меня, то я мало отдыхаю: являясь одним старшим адъютантом полка, я должен убедиться в исполнении всех назначенных нарядов. Кроме того, я исполняю обязанности ординарца у генерала де Фальи, и по случаю этого, мне приходится два, а иногда и три раза в ночь садиться на лошадь, с целью поверки аванпостов или передачи приказаний.

Поэтому солдаты меня хорошо знают, и когда я в темноте

проезжаю по лагерю, то слышу, как они говорят: «вот опять отправляется старший адъютант Эрбе, играющий на гитаре!»

Это выражение происходит от того, что веревки палаток, привязывающие верх их к столбам, натянуты, как струны и проходящий по лагерю ночью, зацепляется за них ногами, отчего палатки качаются и беспокоят спящих.

Однако, несмотря на эти занятия, не оставляющие времени для прохлаждения на воздухе, находят, что делать нечего, и начинают сожалеть об изнурительной жизни и опасностях осады!.. Нам недостает забот, возбуждения боевых дней!.. С трудом верится, но это так… понемногу такое чувство ослабеет, но в настоящее время хотелось бы битв.

Время от времени, нам производят незначительные раздачи национальных пожертвований. Офицеры предоставляют солдатам всё то из этих пожертвований, что можно достать в Камыше или Балаклаве, как например табак, сигары в 10 сантимов, столовое вино и прочее, и пользуются лишь лучшими сигарами, ликерами, тонкими винами, коньяком и тому подобными предметами. Многие из этих национальных пожертвований испорчены и не могут идти в раздачу, но те, которые мы получили, превосходного качества и мы их уничтожаем, посылая искренние желания здоровья великодушным жертвователям.

Река довольно изобильна рыбою, и во время дежурства, многие из наших солдат берут с собою масло для жарения пойманной рыбы, которым снабжают их маркитантки; когда же попадаются крупные штуки, то они с довольным видом предлагают их своим офицерам.

Прибытие двух рот отборных людей, давших возможность сформировать 3-й батальон, заставило полковую кухню разделиться на три части. 1-й стол состоит из полковника, подполковника и старшего доктора 1-го класса, 2-й — из начальников 1-го и 2-го батальонов и их адъютантов и 3-й — командира и адъютанта 3-го батальона и старшего доктора 2-го класса.

Я составляю часть второго стола и, как самый младший, состою *хозяйкою дома.* Открыв между вновь прибывшими превосходного повара, хорошего пирожника и, к тому же весьма разумного парня, я приказал ему устроить в земле небольшую хлебную печь, и он нам приготовляет тонкие пирожки разного рода. Повар сошелся с артельщиками раздатчиками мяса, и при помощи взаимного обмена услуг, приносит нам филе, заднюю часть и почки баранины. Его талант дает нам случай быть любезными относительно товарищей, и мы посылаем им разные закуски, которые они сами не могли бы легко добыть.

Я нашел возможность один раз сходить на охоту с ружьем, но не имел успеха, как в Варне. Встретил только одних маленьких пичужек и с трудом застрелил полдюжины их.

Судите о разнице между моим теперешним столом и в первые месяцы зимы…

Тогда у нас был только суп, с которого приходилось ломать ложкой ледянистую кору, сухари или мерзлый хлеб и кусок дурно прожаренного сала!.. В настоящее же время мы ежедневно имеем три блюда и к каждому блюду закуску.

Уже несколько дней зной изнурителен, и мы с трудом защищаемся от него. Вчера была страшная гроза, говорили, что дождь, падавший в изобилии, залил часть наших траншей и что у нас большие повреждения. В нашем лагере, расположенном в долине, вода проникла в палатки, чем мы и воспользовались, чтобы поднять их и почиститься внутри.

Наш подполковник Поз д'Ивуа был назначен полковым командиром 97-го полка, но мы его не потеряем совсем, так как его новый полк составляет бригаду с нашим. Рана, полученная им 18/6 июня, казавшаяся сначала очень серьезной, находится на пути к излечению. Его заменил подполковник Тиксье, еще страдающий от раны, сделанной фугасом, взрыв которого 18/6 июня произвел такую панику.

Что касается нашего полковника Даннера, то он совершенно выздоровел, и как очень деятельного человека, его видно повсюду.

62

Лагерь у Черной, 12-го августа/31-го июля 1855 г.

Уже несколько дней, как идет разговор в нашем лагере о будущем нападении! Русские, видя, что Севастополь должен роковым образом перейти в наше владение, говорят, желают сыграть свою последнюю партию.

С этого целью, они предполагают атаковать нас разом на всех пунктах, и, главным образом, со стороны Черной.

Но нас не легко выбить, так как наши позиции прикрываются рекою, которую можно перейти вброд только в некоторых нешироких местах и разве еще лишь у водопровода.

Обход этих препятствий не был бы удобен, ввиду почти 40 тысячного войска, включая сюда турок и сардинцев, более чем со 100 орудиями. Впрочем, увидим, мы свежи, здоровы и готовы к битве!

На месте осады, каждый ухищряется завладеть Малаховым курганом, предлагая свой план и, естественно, считает его лучшим.

Вот последний, преимущества которого превозносили.

Одновременно огонь должен быть открыт по всей линии всеми нашими батареями, чтоб вызвать против этого неприятельскую ответную канонаду; и затем поставят на открытом месте ночью, в 100 метрах от Малаховой башни двести небольших мортир. Перед рассветом будет произведена стрельба из этих мортир с расчетом в минуту 50-ти выстрелов бомбами, направляемыми в редут, в котором таким образом держаться будет нельзя. Днем, несколько батальонов должны занять укрепления и затем быстро перенести сюда эти 200 мортир, а огонь их направить на те колонны, которые пытались бы выбить нас из этой позиции.

Я не критикую, а ограничиваюсь указанием нам на одно из средств, созданное воображением нетерпеливых.

В эти последние дни генерал де Фальи любезно разрешил мне отлучиться на несколько часов. Воспользовавшись позволением, я прошел по течению реки с охотничьим ружьем на плече, с целью ознакомиться с бродами ниже Трактирного моста. Пройдя 5 или 6 километров я увидел болотную курочку… какое счастье!..

По возможности прячась, я стал подкрадываться, чтоб приблизиться на выстрел к этой дичи, которую уже воображал в виде сальми на своем столе… но несчастная курочка конечно

меня разгадала… по мере того, как я приближался, она уходила от меня… но я продолжал ее преследовать…

«Капитан, берегитесь» — кричат мне. Останавливаюсь, и затем прячусь за толстую иву…

«Перед вами в 100 метрах русские».

Осторожно высовываю голову и вижу через кустарник, старую лачужку, в которой находился неприятельский пост.

Я инстинктивно чувствовал, что все ружья были направлены против моего дерева, и что при первом шаге вперед или назад в меня будут стрелять залпом.

Отламываю ветвь, вешаю на нее мой плащ и выставляю его вперед… вслед за сим раздается залп… 12 или 15 пуль…

Уверенный, что весь пост произвел выстрел, я бросился назад, не давая времени русским зарядить ружья; добегаю до скалы, за которую и прячусь… Здесь я более не подвергался опасности!

Предостережение мне шло от пехотного егеря, составлявшего часть поста, расположенного в месте, представляющем род грота на дне ложбины «Каменоломни» против развалин Инкермана.

Дойдя до этого поста, я нашел здесь 15 егерей под командою сержанта.

«Много ли у вас патронов» — спросил я?

«Сколько угодно, наши патронташи полны, а вот и запасный ящик».

«Отлично, — не успокоюсь, пока не отомщу за страх, причиненный мне русскими и за эти дыры в моем плаще».

И в продолжении часа, огонь не прекращался. Неприятельский пост отвечал нам с одинаковым рвением, но у нас была хорошая защита из земляных мешков, благодаря которой в нас не попадала ни одна пуля.

Я опоздал, было $5^1/_2$ часов. Принесли егерям суп, и я приказал прекратить стрельбу, чтоб дать им время пообедать.

После супа один из солдат сказал мне:

«Господин капитан, у нас нет воды, манерки наши пусты».

«Что же я могу сделать, у меня нет воды для вас».

«Это верно, но вода есть в реке».

«Вы шутите, река не протекает через пост».

«Можно бы было сходить на реку, если вы разрешите».

«А русские?»

«Им также нужна вода, как и нам, можно бы было войти в соглашение».

«Соглашайтесь».

И затем тот же егерь повесил свою манерку на конец штуцера и, качая ее, начал кричать.

«Bono moscoves, Bono moscoves»!

А русские отвечали:

«Боно француз, Боно француз» также показывая манерку на ружье.

Соглашение состоялось.

Несколько егерей забрали манерки своих товарищей и спокойно пошли к реке, что сделали и несколько человек русских, оставив свою защиту и направившись туда же.

Пользуясь тем, что в этом месте река имеет не более 20–25 метров ширины, люди двух постов принялись жестикулировать, говоря каждый на своем наречии, и обмениваясь знаками с одного берега на другой.

Через четверть часа русские и французы вернулись к своим местам.

«Как могли вы разговаривать, когда они не говорят по-французски, а вы не знаете ни слова по-русски?»

«Они спрашивали нас, почему мы так много стреляли, мы же им объяснили, что причиной этого было присутствие офицера рунда. Затем они спросили, нет ли у нас убитых или раненых, мы им сделали тот же вопрос, но оказалось, что ни с той ни с другой стороны выбывших из строя не было».

Как же они понимали друг друга?

Загадка…

Я осведомился у сержанта, каким образом посты могли так быстро прийти к соглашению отправиться за водой, в которой нуждались обе стороны?

«Я ничего не знаю, — отвечал он. — Разъяснения передаются от поста к посту, и никогда не было ошибки; впрочем, не следует рисковать прежде, чем взаимно не получится согласие на выход, и тогда можно быть уверенным, что один другого не тронет».

Оставив молодцов егерей, я дошел до лагеря, перейдя ложбину «Каменоломни» вне неприятельских выстрелов.

С высоты вершин, господствующих над всей долиной, взгляд обнимает все наши лагеря. Более других уязвимый пункт нашей боевой линии, оказывается — Трактирный мост; но никакая атака на наш левый или правый фланги, мне кажется, не представляет шансов на успех.

63

Перевязочный пункт на поле битвы 16/4 августа 1855 г.

«Да благословит Бог Францию!»

Еще одна большая победа!

Бригада де Фальи имеет право считать за собою самую большую часть её, а мой полк может вписать золотыми буквами свое имя в славные складки знамени полка.

Я ранен.

Сначала осколок гранаты попал мне в правую мякоть ноги, которая сразу онемела, но я мог не оставлять строя и не сходить даже с лошади.

Затем, спустя несколько времени, в ту минуту, когда я передавал своему полковнику приказание отступать, пуля ударила и проникла в бедро, и я свалился с лошади к ногам полковника.

Он приказал четырем рядовым отнести меня на перевязочный пункт, что они и исполнили, подложив мне ружья под колени и под руки.

В ста метрах оттуда, в меня попала другая пуля и я уже думал, что погиб и отослал своих носильщиков в роты, но один из них возвратился и, видя наступающего по нашим пятам неприятеля, схватил меня на руки, положил на свои плечи и вынес с поля битвы.

Мы встретили старшего полкового доктора, который перевязал мне раны и сказал, что последняя пуля обошла под кожей и не причинила никакого вреда, но что он не может определить направления другой пули.

Я прибыл во временный амбюланс и врач, подтвердив мнение нашего доктора, не мог сказать ничего более.

Сражение началось в 4 часа утра, а окончательное отступление русских совершилось в 10 часов. Я был ранен в 7 часов, принесли же меня на перевязочный пункт в $7^1/_3$ часов. Теперь 11 часов и мой славный вестовой Какино возле меня, лихорадки у меня нет и я курю сигару.

Умоляю вас, дорогие батюшка и матушка, не печальтесь! Мысль об огорчении вами испытываемом, сильно меня волнует, мне же необходимо сохранить спокойствие я хорошее расположение духа.

Сообщите скорее, что вы разделяете со мною надежду в быстрое мое излечение и с твердостью перенесете это испытание, оставаясь на высоте своего характера.

Думайте, что я мог бы быть убитым, и что через два месяца, а может быть и ранее, я буду снова отправлять свою службу.

64

Походный лазарет 2-ой дивизии 21/9 августа 1855 г.

Раны мои не представляют теперь чего-либо более беспокойного против первого дня.

Всякое утро доктор Феликс проходил мимо моей кровати, не останавливаясь, и обращался к раненым, которых считал выздоравливающими, но сегодня, когда он шел мимо, я обратился к нему с веселым предложением пойти половить рыбу при помощи червей из моей раны, на что он рассмеялся и остановившись осмотрел меня, прозондировал рану и затем велел обмыть и перевязать ее лазаретному служителю, что и было необходимо сделать. Этот доктор прелестен. Его лазарет имеет сейчас более 500 раненых, но у него только два хирурга для помощи. В сутки он отдыхал только 4 часа; ест, делая перевязку своим больным, и чтоб не терять времени, беззаботно кладет свой хлеб и мясо на постель раненых. Первая эвакуация в Константинопольские госпитали происходила третьего дня, для другой на завтра сделаны приготовления, после чего у него будет более времени для посвящения его раненым.

Сейчас у меня нет лихорадки, я страдаю не сильно и могу без особой усталости рассказать о сражении 16/4 августа.

Вечером 15-го офицеры и солдаты весело отпраздновали тезоименитство Императора, обедом изобильнее обыкновенного, однако все легли в 10 часов, и в нашем лагере наступила полнейшая тишина.

В $10^1/_2$ часов меня позвал генерал.

«Прочтите это». Сообщение из главной квартиры командующего войсками предупреждало, что по объяснениям, присланным генералом д'Алонвиль, находившейся в стороне Байдарской долины, необходимо назавтра ожидать наступления неприятеля.

Подобного рода предположения появлялись так часто в продолжении последних 12–15 дней, что им перестали верить. Генерал Гербильон ограничился распиской на сообщении о прочтении бумаги, и отсылкою её генералу Фашё, который также расписался и послал ее генералу де Фальи.

«Какое будет приказание Вашего Превосходительства?»

«Что же я могу сказать, когда начальники дивизий не делают распоряжений, — отвечал он мне с сердитым оттенком, но потом просветлев сказал: — Отправьтесь в бригадный лагерь и предупредите, чтоб все люди были одеты, обуты и готовы взяться

за оружие при первом сигнале, и чтоб кофе был готов за час до рассвета».

В полночь я вернулся в свою палатку.

В $3^1/_3$ часа утра батальон, бывший ночью в прикрытии сзади моста, оставил свой пост и возвратился по обыкновению в лагерь после того, как последний кавалерийский разъезд сообщил ему, что в долине всё обстоит благополучно.

Командир этого батальона Джакоби, не сходи с лошади, подъехал к палатке генерала:

«3-ий батальон возвратился, всё обстоит благополучно, ваше превосходительство».

В эту минуту, бум… пушечный выстрел!

Генерал выбегает из своей палатки.

«На коня! — сказал он мне, — а вы, господин командир, велите своим людям завтракать и сейчас же отправляйтесь к мосту».

Затем, проезжая галопом мимо палатки полковника, закричал: «Ведите своих два первых батальона к мосту».

Довольно густой туман мешал нам видеть отдаленные предметы, но по приходе нашем на господствующие над обводным каналом высоты, туман сделался меньше, и мы могли видеть на правом берегу реки всю русскую армию.

«Более 20 тысяч человек», — сказал мне генерал.

«И столько же в колоннах по дороге на Мекензиеву гору», — отвечал я.

«Поезжайте скорее, отыщите мою артиллерию».

Я отправился…

Все артиллерийские лошади были в отсутствии, находясь в 3 часа утра на водопое. Однако я успел воспользоваться несколькими офицерскими лошадьми, остававшимися в лагерях, и привез два орудия.

Два первых батальона 95 полка, каждый наличностью в 200 человек, были уже около генерала; 97 полк, с слабыми численностью батальонами, прибыл бегом.

«Прикажите вашему первому батальону перейти реку вброд выше моста, — сказал мне генерал, — и поставьте его в лощине с кустарником на правом берегу, а затем возвращайтесь ко мне».

Майор Прево и я перешли реку, имея в тридцати шагах за собою батальоны; три последние роты были еще в реке, как вдруг появилось кругом нас множество русских солдат, вышедших из ложбины, которую мы должны были занять, и где они залегли во время ночи, не замеченные и не открытые кавалерийскими разъездами!..

Майор и первые роты батальона повернули против течения по

реке и вышли на правый берег, я же остался один между русскими и повернув к реке поскакал напролом, причём лошадь моя заставила сторониться идущих навстречу и таким образом очищать ей путь…

Я еще и теперь вижу русских с наклоненным вперед корпусом, со штыками на руку, с воспаленным взглядом и блестящими глазами, в положении людей в начале схватки, когда к человеку еще не вернулось хладнокровие.

Я снова переехал реку вброд, достиг галопом моста обводного канала и попал в район двух огней на пространстве 200 метров, отделявших меня от своих.

Здесь я получил удар осколком гранаты.

В эту минуту прибыл бегом батальон Джакоби.

Неприятельская колонна уже подалась на мост, которым овладела, и 150 человек из двух рот 97 полка, назначенные в прикрытие этого моста были уничтожены или взяты в плен.

Одни из русских, от которых я счастливо ускользнул, перешли реку вброд, другие переходили ее по мосткам, составленным из взятых с собою солдатами досок, в то время, как их главная колонна направилась через мост.

Огонь не прекращался… к двум орудиям, приведенным мною, присоединились остальные четыре орудия батареи, и она не переставала посылать свои снаряды в неприятельскую колонну.

Около 400 человек 95 и 99 полков, находившиеся между каналом и рекою принялись кричать:

«Вперед, вперед! в штыки!»

И затем бросились вперед…

12–15 тысяч человек русских были опрокинуты в реку… но вскоре в свою очередь, ударили на наших, которые должны были отступить к каналу!

Два раза, каждый из отрядов бросался таким образом на своих противников!

Но русские продолжали переходить Черную и были уже на пути к нападению на наш левый фланг.

Если мы останемся между каналом и рекою, то попадем в плен.

В эту минуту генерал де Фальи отдает приказание отступить на высоты, находящиеся позади нас.

На пути к полковнику для передачи ему приказания об отступлении, я получил рану пулею в бедро. Было 7 часов.

Мы перешли канал и взобрались на довольно крутые склоны господствующих высот, но русские перемешавшись с нашими солдатами, одновременно с ними появились на высотах, и мы должны были уступить им местность, отступив на 100 метров

назад, для приведения в порядок всего строя.

Здесь то один из моих носильщиков взвалил меня на плечи, и я уже не мог более видеть движения неприятеля.

4 сентября/23 августа 1855 г.

Не скажу, чтоб положение мое было удобно для письма, а потому я и должен был прекратить свое вчерашнее послание; теперь же продолжало его по разъяснениям, которые позаимствовал у посещавших меня, или от раненых офицеров, прибывших после меня и помещенных в моей палате.

Во время этой геройской борьбы, подобная же битва происходила и на нашем правом фланге; часть русской колонны, перешедшая реку по мосту и вброд, бросилась на возвышенность, занимаемую нашим правым флангом под прикрытием 2-го полка зуавов и 19 батальона егерей, несмотря на ожесточенную защиту, неприятель занял эту возвышенность. Зуавы и егеря, принужденные уступить местность, перестроились перед своим лагерем. Русские остановились, чтоб привести в порядок свои ряды, а на занятой местности, офицеры их быстро наметили план редута, который немедленно и начат был рабочими.

Сардинские аванпосты, находившиеся на высотах правого берега речки Шулиу, также были атакованы и поддержанные батальоном берсальеров, противопоставили мужественное сопротивление корпусу Липранди, но смятые численностью, должны были перейти обратно реку и занять каменистую возвышенность, на которой генерал Ламармора поместил сильную батарею.

Отряд из двух дивизий сардинцев на холме Гасфорта спокойно ожидал неприятеля.

На нашем левом фланге, русская бригада успела перейти Черную вброд, находившийся приблизительно в 3-х километрах выше Трактирного моста, перед фронтом дивизии Каму, несмотря на мужество полубатальона алжирских стрелков, составлявших прикрытие этого моста.

Тюркосы также должны были отступить и стали перестраиваться на небольшом бугре, на половине пути от их лагеря. Генерал Каму быстро подкрепил их батальоном 3-го полка зуавов, батальоном 82-го пехотного полка и батареею. Этих сил достаточно было, чтоб остановить первые успехи русских на этой стороне и чтоб вскоре затем отбросить их на правую сторону берега.

Неприятель произвел нападение на три пункта разом в 7 часов и имел серьезные преимущества везде, где ни появлялся. Около четвертой части его армии успела перейти Черную, и ими

был возведен перед своим центром и на возвышенности занятой зуавами, редут.

Ожесточенное сопротивление на всех пунктах атаки, и особенно у моста, бригады де Фальи замедлило движение неприятеля и дало время генералу Пелисье спустить с плоскогорья в долину Балаклавы запасные силы: дивизию Императорской гвардии, дивизию Дюлака и вскоре за тем дивизию Левальяна.

Бригада генерала Клера устремилась на помощь дивизии Фашё и 73 полк этой бригады устроился в порядке за бригадой де Фальи, между тем, как 62 полк спешил усилить 2-ой полк зуавов и 19-ый егерский на возвышенности правого фланга. Наконец 5 резервных батарей заняли позицию.

В $7^1/_3$ часов еще державшиеся 800 человек бригады де Фальи, увидя поддержку почти все крикнули разом.

«Вперед, в штыки!»

И все, как бы по команде, бросились на русских.

Последние только что едва успевшие устроиться, были опрокинуты на своих и начали в большом беспорядке спускаться по занятым ими крутым обрывам высот.

Наши мужественные солдаты более не останавливались.

Они миновали канал вслед за русскими и, продолжая движение, перешли реку, одни по деревянному мосту, который не успел снять неприятель, другие по Трактирному мосту, который был вновь взят нами.

Зуавы и 19 полк егерей, возбужденные примером стойкости бригады де Фальи, также бросились на своих противников и уже не останавливались для своего переустройства, до самого берега канала, возле шлюзной сторожки.

Тоже самое произошло и на наших правом и левом флангах.

Генерал Липранди не мог предпринять серьезного нападения против позиций двух сардинских дивизий, и генерал Каму заставил неприятеля перейти реку обратно.

Таким образом в 8 часов утра после четырехчасового боя и первого успеха на всей линии, русские были вынуждены возвратиться в свои позиции, занимаемые ими до нападения. С нашей стороны мостовое укрепление было занято вновь, всем, что осталось от бригады де Фальи, и мы воспользовались небольшим свободным временем, чтоб увеличить сопротивление несколькими работами. Две бригады дивизии Гербильона заняли место на холмах позади моста: одна или две батареи гвардейской артиллерии присоединились к батареям нашей дивизии и к 5-ти резервным и все они направили огонь, через наши головы, в неприятельские колонны. Две дивизии в Балаклавской долине

были готовы двинуться вперед, а третья спускалась уже с плоскости.

На этот раз мы отбились.

На правом берегу передвигались русские батальоны и видно было, что офицеры ездили один к другому, ожидая приказаний.

Составлялись две густые колонны. Очевидно было, что готовилась новая атака. И действительно, вскоре первая колонна двинулась и подошла на 300 метров к мосту. Она состояла из отборных русских войск 10-ти тысяч гвардейских гренадер, прикрытых с флангов стрелками, которые старались окружить со всех сторон защитников мостового укрепления.

Наши спокойно открыли огонь обеими шеренгами, хорошо прицеливаясь, между тем, как артиллерия поражала голову колонны.

Но ничто не могло остановить внушительного движения неприятеля.

Неистовые ура… и мостовое укрепление было разом охвачено со всех сторон.

Мы отступили к берегу канала, где в качестве подмоги находилась гренадерская рота 73-го пехотного полка. Огонь нашей пехоты и артиллерии концентрировался на мостовом укреплении. Казалось, неприятель начал колебаться…

Полковник Даннер воспользовался этим и закричал.

«Вперед! В штыки!»

И, следуя примеру, данному начальником, каждый бросился вперед…

Русские отступили… наши солдаты перешли мост и мостовое укрепление возвратилось к нам в руки в третий раз!

Было 9 часов.

Русские ретировались в совершенном порядке.

Стрелки их были выбиты из выгодных позиций в ложементах, где двадцать четыре человека из них были взяты в плен.

Видя, что атака на центр не удалась, генерал Липранди отступил, а сардинцы заняли его позиции на холмах Шулиу.

В 10 часов русские послали нам, в виде последнего приветствия, страшный залп из всех своих батарей и медленно отступили вглубь долины, под прикрытие батарей своей позиции, где и оставались до 4 часов, а затем ушли по дороге к Мекензиевой горе.

6 сентября/25 августа 1855 г.

После отступления русской армии кашевары, остававшиеся в лагерях, принесли людям бригады суп. Офицеры и солдаты стали обедать на той же местности, где была особенно ожесточенная

борьба.

В это время генерал Ниель, проезжая верхом мимо группы офицеров 95 и 97 пехотных полков, обнаружил себя, сказав: «Господа, приветствую героев».

Несколько минут спустя, приехал генерал Пелисье, быстро объехал, не говоря ни слова, поле сражения и удалялся.

В $10^1/_2$ часов одна бригада дивизии Дюлака сменила бригаду де Фальи и наши солдаты возвратились в лагерь, обремененные добычей: ранцами русских гренадер, кирками, патронташами, украшенными медью в виде гранаты, съестными припасами и проч. Всё это собрано было в мостовом укреплении, или около него.

Многочисленные рабочие команды были назначены после полудня 16/4 и днем 17/5 и 18/6 чисел для сбора раненых французов и русских и погребения мертвых!

В лазаретном покое, который я занимаю, находятся один близ другого, оба одинаково пораженные пулями в грудь навылет, капитаны, командиры двух батарей французской и русской: действовавших одна против другой. Они сделались хорошими приятелями, как будто сражались в одних рядах.

17/5 произведены защитные работы на Федюхиных горах, где устроены три батареи, а мостовое укрепление усилено двумя орудиями.

18/6 бригада де Фальи, уменьшившаяся до 500 штыков, была заменена на возвышенности левого фланга бригадой дивизии Гербильона и перенесла свою стоянку к зуавам, на возвышенность правого фланга.

Генерал Фашё, вероятно, как больной не являлся во главе своей дивизии во время этого смертоносного и славного дня 16/4 числа. Из дневного приказа генерала Боске, мы узнали о немедленном замещении его генералом Эспинас, которого мы все знали, а также и об отъезде Фашё во Францию.

Мы теряем генерала де Фальи. Должно быть есть какой то талисман у храбрейших. Он всегда спокойно и бесстрастно присутствовал в первых рядах и во всех делах со времени нашей высадки, но пули его обходили.

Мы очень опечалены его отъездом и жалеем, как о человеке, к которому питали слепое доверие, зная, что он гордится своей бригадой.

Генерал простился с офицерами в прочувствованных выражениях и не мог окончить своей речи, задыхаясь от слез… Император вызвал его для командования гвардейской бригадой. Вместо него назначен генерал Турнемик.

На следующий день по принятии командования, генерал

Эспинас произвел смотр своей дивизии. Полковник Даннер, за исключением людей полицейского поста, вестовых, погонщиков мулов и кашеваров, мог ему представить лишь один батальон в 120 рядов в две шеренги.

По слухам, генерал Горчаков лично распоряжавшийся атакою 16/4 числа, рассчитывал на сражение в продолжении трех дней.

В первый день предполагал овладеть Федюхиными горами и всею низшею долиною реки Черной.

На второй — должен был занять всю верхнюю часть плоскости с Балаклавой включительно.

На третий все Севастопольские войска должны были одновременно выйти из разных пунктов, для занятия всей остальной местности.

Рассказывают также, что по приказанию генерала Горчакова русские колонны после взятия мостового укрепления второй раз, отступили; это объясняют тем, что генерал из своего наблюдательного пункта заметил наши густые резервные колонны, спускающиеся с плоскогорья и затем не видя появления этих войск на поле битвы, предположил, что они засели скрытно за Федюхиными горами с целью атаковать его армию в левый фланг прежде, чем она вся успеет перейти реку.

Эти догадки, мне кажется, подтверждаются словами смертельно раненого Реада, руководившего нападением на мост: «Пусть я умру, — сказал он, — но никто не уверит меня, что в долине Балаклавы нет 50 тысяч человек, готовых броситься на нас и что русская армия могла остановиться перед одной лишь линией стрелков».

Наши потери оказались значительными. Во французской армии выведено из строя 1400 человек. В том числе бригада де Фальи понесла урон в 550 человек т. е. около половины своей наличности. 1-я бригада, 19-й полк егерей и 2-й полк зуавов — 450 человек. Сардинцы потеряли 250 человек.

Что касается русской армии, она считает свою потерю более, чем в 8 тысяч человек, что весьма вероятно, так как мы зарыли убитых 3500 человек и подобрали в свои лазареты более 1500 раненых.

Полагаю, что это предпоследний кровавый акт наших действий в Крыму, последний же будет — взятие Севастополя.

65

Лазарет 2-й дивизии 2 сентября/21 августа 1855 года.

…Ваш сын исполнил свой долг, подобно тем доблестным воинам, посреди которых находился, но он не заслужил такой же, как они награды!..

Да! в эти трудные минуты, когда жизнь является игрушкой, простой солдат, исполняющий добросовестно свои обязанности, действительно заслуживает удивления!.. Он не имеет образования офицера, не по охоте избрал свою карьеру, оставил плачущую семью, повинуясь закону, и его не поддерживает надежда получения наград. Если его убьют, об этом никто не узнает, если же он будет ранен, то возвратится калекой в свою деревню, часто неспособный поддержать своего существования. У него только и есть, что собственное достоинство и любовь к Отечеству, поддерживающие в борьбе против самосохранения. Единственная награда, которую он более всего желает, услышать от своих товарищей по возвращении в палатку «вот славный малый» т. е. мужественный, сердечный человек, герой.

Вы спрашиваете не надеюсь ли я на скорое получение отличия, о котором вы мечтаете? Не беспокойтесь, оно придет в свое время и может быть даже скоро. А так как теперь вы должны быть совершенно спокойны насчет моих ран, то могу вам точно сообщить по какому несчастному случаю, я не получил ордена.

Прибыв на перевязочный пункт после сражения 16/4-го, я сейчас же просил доктора сказать мне самым откровенным образом, что он думает о моем положении, умоляя не скрывать от меня истины, так как мне необходимо было принять некоторые решения.

«Никто не может определить последствий огнестрельной раны, — сообщил он мне, — но благоразумнее не терять времени».

Для меня этого было довольно.

Спустя несколько часов, двести раненых были помещены на мулов, по двое в корзины и при палящем зное отправлены в лазарет главной квартиры.

Перед прибытием на плоскую возвышенность подпруга моего мула лопнула и проводник должен был остановиться чтоб исправить это неудобство.

Затем только через полчаса обоз был в состоянии продолжать свой дальнейший путь, вследствие чего, вместо отвоза меня в лазарет главной квартиры, проводник нашел более удобным для

себя доставить меня в ближайший лазарет 2-ой дивизии, где мне могли отыскать место, только около 9 часов вечера.

И какое место!.. Постель шириною в один метр уже занятую капитаном егерей, который в агонии и припадке бреда, принимая меня за неприятеля, стал наносить мне удары кулаками и пинками ног, требуя палки чтоб меня прикончить. Ввиду этого лазаретный служитель столкнул его с кровати в проход, где несчастный вскоре и скончался.

Полковник, уведомленный старшим полковым врачом о серьезности моей раны, послал после полудня забрать обо мне справки на перевязочном пункте, но доктор сообщил что отослал меня в лазарет главной квартиры и что очень боится доеду ли я живым.

На следующий день 17-го, старший капитан отправился в этот лазарет, чтоб записать имена раненых, и не найдя меня там, узнал от одного из начальников, что накануне принесли какого то капитана, умершего дорогой в корзине.

Основываясь на этом, посланный капитан по возвращении в лагерь, объявил о моей смерти, и я был записан в корпусном списке: «умер на поле чести!»

Не судите о легкомыслии старшего капитана. Это не одна мнимая смерть, которую он вписал в списки. Таких случаев было может быть 200 или 300. Поверка была почти невозможна, за неимением времени, а потому по необходимости являлись ошибки.

Спустя три дня 20/8 мой вестовой, не желая меня оставить отправился в лагеря, чтоб принести оттуда некоторые необходимые предметы. Разъяснения его там на мой счет вновь воскресили меня, заставив исключить мое имя из корпусных скорбных списков.

Как только полковник узнал об этом, он сел верхом и отправился навестить меня в лазарете.

«Мой храбрый капитан, — сказал он, выразительно пожимая мою руку, — я очень счастлив видя вас, но огорчен случившимся. Мы считали вас умершим, а потому я вас и не представлял к кресту».

И он подробно рассказал о моей мнимой смерти.

Мой славный полковник был так взволнован, что мне еще пришлось его утешать, переменившись таким образом с ним ролями.

95-й полк получил три кавалерских креста за славное дело у Трактира. Один для поручика Езье, которому ампутировали левую руку, другой моему старшему подпоручику Зиско, получившему пулю в грудь навылет и 11 штыковых ран; третий

моему товарищу капитану Трусень, прибывшему из Франции 19/7 июня и раненому очень легко. Но он был действительно исполнен отваги и захватывающей храбрости в продолжении всего сражения, а потому никто из офицеров более его не заслужил этой награды.

В лагерях долины р. Черной всё еще боятся нового нападения, атаки отчаяния и бдительность удваивается. С 3-х часов утра, задолго до рассвета, все люди находятся в ружье и по местам, до тех пор пока не возвратятся все разъезды.

В осадном корпусе работы подходов совершенно закончены и последняя параллель находится в 40 метрах от Малахова кургана.

Бесполезно и невозможно придвинуться ближе.

Лазареты освобождаются; всех раненых имеющих возможность выдержать перевозку, транспортируют в Константинополь. Очищают места.

Всё указывает на наступление финала и на приближение великого акта.

А я здесь, осужденный на неподвижность!

Лазарет 2-ой дивизии 12/1 сентября 1855 г.

Все колокола церквей Франции и все орудия наших военных крепостей должны были возвестить вам триумф нашего оружия. Севастополь наш!

Я вам даю общую идею взятия его, о чём мог собрать сведения случайно, отсюда и оттуда.

5 сентября (25 августа) с ужасающею силою открылся огонь наших 800 орудий, и 1200 орудий неприятеля с одинаковым рвением отвечали на это.

Из нашего лазарета, мы слышали как бы раскаты постоянного грома.

Прекращение стрельбы с нашей стороны являлось неравными антрактами, с целью ввести неприятеля в заблуждение и вызвать из укреплений его резервы, которые затем забросать нашими снарядами.

После того огонь не прекращался до момента общего штурма.

8/26 числа к 8 часов утра войска узнали из дневного приказа начальников корпусов, что настала торжественная минута.

Приказ генерала Боске составлен в следующих выражениях:

> «Солдаты 2-го корпуса и резервы.
>
> 7 июня/25 мая на вашу долю выпала честь с гордостью нанести первое поражение прямо в сердце русской армии, 16/4 августа на Черной вы уничтожили его подкрепления, сегодня же вам предстоит последний, но смертельный удар палача, который вы нанесете твердою рукою, так хорошо известною неприятелю, отняв у него главную его защиту Малахов, в то время как наши сотоварищи английская армия и 1-й корпус устремятся на штурм 3-го (Grand Redan) и 5-го бастионов (Bastion central). Это будет общий приступ армии на армию, великая и памятная победа, необходимая для увенчания юных орлов Франции.
>
> Вперед же дети! Малахов и Севастополь наш! И да здравствует Император!»

По прочтении приказа, генералы, офицеры и солдаты выступили из лагерей, чтоб занять свои места, откуда они должны будут начать общее движение на все русские укрепления.

Штурм должен быть произведен аккуратно в полдень, для

чего все генералы поставили свой часы по часам генерала Пелисье.

В 11 часов все войска отправились на свои места.

Генерал де Саль был назначен для атаки левого фланга и поставил дивизии Левальяна и д'Отемара в самых ближайших к крепости параллелях, против 5-го и 4-го бастионов, а сзади в траншеях в качестве резерва дивизии Буа и Пате; еще далее за ними находилась бригада сардинских войск Чиальдини.

Англичане были сосредоточены в их 5-ой параллели против 3-го бастиона, а резерв их находился в 4-ой параллели. Генералу Симсону поручено руководить атакой.

Генерал Воске должен был направить нападение на правый фланг, для чего поместил дивизию Мак-Магона в 40 метрах от Малахова, а сзади его как резерв бригаду Вимпфева, за ней же тюркосов и гвардейских зуавов.

Перед Малым Реданом он поставил дивизию Дюлака с резервом из бригады дивизии д'Аврель, перед куртиной же, соединяющей Малахов с Малым Реданом дивизию Ла Моттеруж.

Генерал Боске лично находился перед Малаховым в 6-ой параллели, а генерал Пелисье переехал в Камчатский люнет.

С утра 8/27 числа огонь усилился и каждое орудие производило один выстрел в 5 минут, так что с 5 часов до полудня с обеих сторон выпущено было более 170 тысяч пушечных снарядов, т. е. более 400 выстрелов в минуту!

В 10 часов огонь наших батарей внезапно прекратился, и начался только через 20 минут. Затем в $11^1/_2$ часов он остановился вновь.

В полдень наши батареи молчали. Вдруг раздается неистовый крик «да здравствует Император» барабаны бьют поход, полковые хоры играют Марсельезу… Колонны устремляются вперед… рвы перейдены, бруствера одновременно на всех пунктах покрыты нашими батальонами!..

Неприятель, приведенный на минуту в замешательство стремительностью атаки, повсюду уступил, но русские офицеры, живо придя в себя, собрали своих солдат и с беспримерным мужеством бросились вперед.

Борьба приняла ожесточенный вид с обеих сторон. Никто из сражающихся не хочет уступить ни пяди земли!

Но, вне первого ряда укреплений, русские построили другую линию, которая скоро была снабжена значительными резервами и сделалась еще более неприступною чем первый ряд!.. Новые батареи поражали батальоны победителей и мины, заложенные под укреплениями первого ряда, повсюду взрывались под ногами наших войск, представляя из захваченной местности один общий

вулкан.

На всех пунктах атаки левого фланга у 3-го бастиона и нападений на правый, те же непреоборимые препятствия!.. и наши колонны должны были возвратиться в параллели, откуда первоначально пошли на штурм!..

Малахов, один Малахов только остался в наших руках.

Три раза однако русские резервы бросались на наших неустрашимых воинов, но три раза храбрая дивизия Мак-Магона и не менее доблестная бригада Вимпфена, отбивали их атаки!

Оказалось что и в других укреплениях местность была минирована, но счастливый случай открыл, как уверяли меня, провод, назначенный для сообщения огня мине, которая должна была заставить исчезнуть этот могущественный редут под громадным вулканом праха!

После четырех часового боя, неприятель наконец отказался от дальнейшего сопротивления и около 5 часов было замечено, что по единственному мосту на плотах через бухту, началось движение, переходящего на Северную сторону длинного ряда обоза раненых и тяжестей, и вскоре затем неприятельские батальоны отступили на правый берег бухты.

Действительно Малахов курган был ключом позиции. Из этого пункта, господствующего над окрестностями, все укрепления могли быть разрушены нашими орудиями, все суда представляли цель для нашей артиллерии! и генерал Горчаков, оставляя город, который более невозможно было защищать, спасал свою армию!

Во время всей ночи слышались более сорока минных взрывов, и некоторые из них оказались настолько сильными, что несмотря на расстояние в 4 километра, отделявшее нас, поломались окна нашего лазаретного барака. Ввиду этого, вход в Севастополь был запрещен для всех наших войск.

Таким образом кончилась памятная осада, равной которой история не имела на своих скрижалях и эта эпоха будет составлять взаимную гордость армий двух могущественных военных держав целого мира!

Из 60 тысяч человек, принимавших участие в этой окончательной великой битве, мы потеряли около 10 тысяч человек и из них 2 тысячи убитыми и ранеными англичане.

Потери неприятеля считают вдвое.

Наш храбрый генерал Боске был ранен осколком гранаты в плечо, но не захотел оставить командование, не убедясь, что мы окончательно завладели Малаховым курганом.

Говорят, что рана его, которая казалась сначала очень серьезной, заживает. О! если б мольбы тех, кого он так часто и

так блестяще водил к победам, были услышаны, — мы скоро вновь увидели бы его во главе своего армейского корпуса!

67

Лазарет 2-ой дивизии 28/12 сентября 1855 г.

Со времени взятия Севастополя, мы испытываем моральное удовлетворение, которое хотя и чувствуется, но не поддается определению; …наши нервы, натянутые в продолжении 11 месяцев, успокоились; …мы находим удовольствие возвращаться назад воспоминаниями, удивляемся что могли перенести все невзгоды, все лишения, которым нас подвергли обстоятельства, … считаем свои потери, и сердце наше еще глубже тоскует, нежели во время этих дней испытания!

Город Севастополь необитаем. Русские устроили на северном берегу залива, накануне своего отступления, большое число батарей, направляющих свои выстрелы на группы, рискующие входить в оставленный город и потому из опасения, генерал Базен, назначенный губернатором Севастополя, запретил вход туда.

Однако, некоторые из офицеров получили, каждый особое, разрешение пройти в город и посетить все укрепления, устроенные защитниками, чтоб убедится таким способом, в том что нам действительно досталось!

Все офицеры, которых я видел после посещения оставленных укреплений, единогласно признают гениальность человека, составившего план защиты, подобного которому ни одна оборона осажденной крепости не представляет примера и способности исполнить этот план, таким совершенным способом, что ни один удар киркой, как это видно и теперь еще, не был сделан бесполезно.

Москва и Севастополь… вот два имени, которые определяют характер и энергию русской нации.

Но война еще не кончилась! Уже думают о способах продолжения её!

Мы не можем бросить те громадные материальные запасы, присланные нам из Франции, нагрузка же их потребует многих месяцев и значительного числа судов.

Какое направление даст своей армии генерал Пелисье?

Кажется будет формироваться особый армейский корпус, чтоб направить его по пути, по которому русские должны двигаться при своем отступлении на Симферополь.

И действительно, дивизия Эспинаса 14/2 сентября получила приказание соединиться в Байдарской долине с дивизией д'Отемара и кавалерией д'Алонвиля. 800 человек, прибывшего из

Франции подкрепления для 95 полка, также были направлены 15/3 на этот пункт, но 17/5 эта дивизия была отозвана, а дивизия де Саля получила распоряжение двинуться для занятия верхней части долины р. Черной.

Вопрос остается открытым.

Генерал Пелисье произведен в маршалы Франции, вскоре после взятия Севастополя и мы все его офицеры и солдаты, очень счастливы и гордимся этой вполне заслуженной наградой.

Я был вчера свидетелем довольно оригинального случая.

В занимаемом мною бараке находится поручик зуавов, раненый пулею, остановившейся у него в горле и мешавшей говорить. Доктор колебался сделать извлечение пули, так как считал эту операцию опасной для жизни пациента, но наконец решился испытать ее, назначив для этого завтрашний день.

Является аббат Дюзер, духовник, простосердечный человек, который с одинаковым успехом должен был носить военный мундир, как и сутану.

Он последовательно приближался к каждой кровати, беседуя несколько времени с каждым из нас. Подойдя близко к поручику зуавов, он хотел уже удалиться, полагая, что тот дремлет… как вдруг, поручик поднялся на своей постели, лицо его надулось, он громко чихнул, и выплюнул… свою пулю!.. а затем не ложась, схватил руки аббата Дюзер и, пристально смотря на него, с усилием проговорил:

«Как! это ты?»

Аббат, сначала несколько смущенный, в свою очередь стал всматриваться в него.

«Вот уж никак не ожидал такой приятной встречи».

И они обнялись, как друзья!

Оказалось, что они старинные приятели… оба прежде служили в гусарах, в качестве унтер-офицеров… по окончании службы в нижних чинах, один продолжал ее в качестве офицера, другой же поступил в семинарию!

Счастливая встреча для двух друзей… да кстати одной трудной операцией меньше для доктора!

68

Лазарет 2-й дивизии 12 октября/30 сентября 1855 г.

Севастополь действительно имел замечательный запас военных снаряжений…

Уверяют, что мы нашли в этой крепости четыре тысячи орудий с лишком с 500 тысячами снарядов и более 250 тысяч кило пороха! Трудно верится, между тем это результат тщательной переписи.

Тот же артиллерийский офицер, который сообщил мне об этом, сказал, что считают до 1 500 000 снарядов, брошенных нами в город и что русские отвечали нам на это двойным количеством! т. е. тремя миллионами снарядов!

Хорошо известно, что у нас не было и 3 тысяч человек, убитых неприятельскою артиллериею. Таким образом приходится менее одного убитого на 1000 выстрелов, то есть другими словами требовалось 12–15 тысяч килограмм железа, чтоб убить одного человека!

С 8/27 октября 1854 до 8/27 сентября 1855 года французская армия вырыла 66 километров траншей, а англичане 14 или 15.

Не правда ли, ужасная работа, если кроме того принять во внимание, что почти вся она могла быть производима только ночью, и что работавшие были постоянно беспокоимы снарядами, на которые неприятель не скупился.

В день приступа, союзная армия считала общую наличность своих войск в 180 тысяч человек, из которых 45 тысяч англичан и 15 тысяч сардинцев.

Русские противопоставляли нам от 80–100 тысяч человек для службы в городе и предместьях и 150 тысяч, размещенных на правом берегу бухты, на возвышенностях Мекензиевой горы и в долине верхнего течения р. Черной.

Охотно сознаюсь, что обе нации одинаково изнурены этой 11 месячной борьбой, и нисколько не буду удивлен, если они обе будут расположены заключить почетный мир.

Но в ожидании сего, всё-таки необходимо принять меры к продолжению войны!

Маршал Пелисье остановился на следующем.

1-й корпус, генерала де Саль должен занимать Байдарскую долину.

2-ой корпус, генерала Каму — стоять лагерем на Федюхиных высотах.

3-й корпус, резервный генерала Мак-Магона — устроиться в

долине Балаклавы.

Дивизия кавалерии и батарея под начальством генерала д'Алонвиля была посажена 29/17 сентября на суда, для подкрепления двух дивизий турецкой и египетской, занимавших Евпаторию.

Таким расположением, маршал Пелисье угрожает обеим флангам и центру неприятеля и в состоянии сопротивляться или подвигаться вперед на всех пунктах.

Мы уже узнали о блестящем успехе, одержанном генералом д'Адонвилем под Кангилем около Евпатории. Он напал на русскую кавалерийскую дивизию и разбивши ее, отнял батарею из шести орудий.[3]

Из приказа маршала Пелисье от 1 октября (19 сентября) мы узнали, что французская экспедиционная колонна в Камыше, под командою генерала Базена должна сесть на суда, но неизвестно с какой целью. Колонна состоит из двух бригад, одной французской и другой английской.

Французская бригада под начальством генерала Вимпфена, составлена из батальона пеших егерей 14-го, моего 95-го пехотного полка и алжирских стрелков.

Английская бригада под начальством генерала Спенсера.

Эта дивизия села 6 октября на эскадру в 70 судов, под командою Брюа, вымпел которого находился на «Монтебелло».

Эскадра состоит из 8 линейных кораблей, паровых фрегатов, канонерок поровну английских и французских, и из трех плавучих батарей, вооруженных каждая 16 орудиями большого калибра, самого недавнего французского изобретения, покрытых железной бронею, которая, думают, сделает их неуязвимыми даже и для бомб большого калибра.

Каждая часть французской бригады оставила в Камыше небольшой кадр под командою старшего капитана, чтоб принимать людей, возвращающихся из лазаретов.

Тайна экспедиции так хорошо сохранена, что полковник Даннер не мог определить начальнику своего депо, даже направление, которое должен взять флот. Он уверял его, что адмирал сам не знает своего назначения, так как везет запечатанный пакет, который может прочесть, выйдя только в открытое море.

Присутствие бригады и английских кораблей, заставляет предполагать, что экспедиция должна иметь целью разрушение некоторых морских сооружений.

Многие полки были назначены к возвращению во Францию как например 20, 50, 97 и 89 пехотные, 3-й батальон пеших егерей и Императорская гвардия. Они должны быть заменены

другими частями, чтоб оставалась постоянно одинаковая наличность Восточной армии.

Со мной случилось следующее происшествие.

Раны мои заживали очень быстро, даже слишком быстро, по словам нашего превосходного доктора Феликса, оставалась только небольшая фистула, которая не закрывалась и доктор решил, что необходимо вскрыть уже зажившие края раны, с целью найти причину упорного нагноения.

Для этого он широко раскрыл рану, благодаря чему успел извлечь из неё кусок меди от мешка для сбора пожертвований, который вошел в тело вместе с пулей. Этот мешок 16/4 августа был на мне.

Только теперь моя рана правильно стала подвигаться к полнейшему излечению.

Но третьего дня доктор Феликс должен был отлучиться, а осмотр производился его помощником старшим доктором 2-го класса. Когда он подошел ко мне, пожелав осмотреть рану, у меня в то время была небольшая лихорадка и я находился в большом нерасположении духа. Этот доктор в своем белом запачканном кровью фартуке, не понравился мне и я в резких выражениях формально отказался от его перевязки. Он однако имел великодушие указать лазаретному служителю, как сделать мне необходимую перевязку и прошел мимо.

На другой день доктор Феликс вступил в свою должность, и осмотрев мою рану сказал:

«Вы вчера дурно приняли доктора Х…, но не жалейте об этом, так как на всех ранах, которые он перевязывал появилась гангрена, и вы единственный человек в отделении, избежавший этой госпитальной заразы, а чтоб вас избавить совершенно от такого риска, я сейчас прикажу перенести вас в палатку, где вы будете одни».

Так и случилось. Доктор предупредил, что он возможно скорее отправит меня в Константинопольский госпиталь.

Чтоб отблагодарить его за особые заботы обо мне, предполагаю предложить ему мой стул, который я принес из Волынского редута 7-го июня (26 мая). Не смейтесь, — стул в лагерях имеет цену, о которой вы и не предполагаете и я убежден, что доктор, у которого только один табурет, невозможный для отдыха, будет каждый раз благодарить меня, садясь на этот стул.

Подробности, которые вы мне сообщаете о вашем путешествии в Париж, и об интересе посещения всемирной выставки, особенно мне приятны. Благодарю.

69

Госпиталь русского посольства в Константинополе 25/13 октября 1855 г.

Сижу в прекрасном кресле, опершись локтями на большой стол, с раскрытыми двумя окнами, в которые врывается прелестнейший воздух. Вид на Босфор, город и Скутари обворожительный. Пишу вам в прекрасной комнате, с хорошо натертым паркетом.

Я оставил лазарет 2-ой дивизии 13 октября и переехал на «Св. Патрик» английское паровое судно, нанятое французской администрацией для перевозки раненых.

На другой день с рассветом, мы вышли из Камыша и через 36 часов счастливого плавания, судно наше бросило якорь в Золотом Роге.

На следующий день меня поместили в роскошном отеле русского посольства, обращенном в госпиталь, дали хорошую широкую кровать с двумя матрацами и подушками. Подушка!.. в продолжении 18 месяцев я не клал головы на подушку!.. и поэтому первую ночь не мог заснуть!.. Моя жизнь совершенно изменилась. У нас прекрасная кухня с разнообразными блюдами, сервированными на фаянсовых тарелках, и мы пьем из хрустальных стаканов… кроме всей этой роскоши, слышишь нежные и симпатичные голоса сестер милосердия, поддерживающих в нас терпение и доверие!

Госпиталь посольства исключительно отведен для офицеров, а для ухода за ними назначены сестры милосердия, всё лица с хорошим воспитанием, в целях лучших забот и братского участия к раненым. Они исполняют свои обязанности с деликатностью чувств, которые утешают печаль отдаления от семьи, укрепляют тело и возбуждают мужество…

Особенно ценятся эти славные девушки, когда страдаешь, больной или раненый. Все офицеры с нетерпением ждут прихода их и употребляют всякие ухищрения, чтоб заставить пробыть их более у изголовья своей постели. Они не присутствуют при перевязке. Эта обязанность, по условиям её и в силу уважения к женщине, исполняется лазаретными служителями, но они оказывают все остальные, не важные, но необходимые для раненых заботы, с грацией и хорошим расположением духа, вполне достаточными для успешного излечения ран!

За это их очень слушают, очень берегут, очень любят и благословляют!

Более других товарищей я обязан благодарностью за их тщательный уход.

Одна из сестер, специально состоящая при покое, в котором я нахожусь, сердечный друг сестры моего доброго сотоварища Шово, убитого возле меня 7 июня (27 мая) во рву Волынского редута. Эта сердобольная, юная девушка, увлеченная чувством патриотизма, несмотря на достаточность средств, пожелала принести долю своего самопожертвования армии, в которой брат её был капитаном, и приняла священный обет ухода за ранеными в продолжении 5 лет.

Она каждый день ненадолго приходит и садится у моей постели, вспоминая о моем друге, которого знала, о своей семье… и я могу беседовать с ней о вас…

Порядок в госпитале превосходный. Утром шоколад, в 10 часов завтрак, а в 5 часов обед. Посещение доктора бывает до 10 часов, вторичный осмотр до 4 часов.

Вот меню сегодняшнего обеда.

Очень хороший суп из тапиока.
Бараньи котлеты.
Жареная дичь.
Соте из картофеля.
Бордосское вино хорошего качества.
Свежий виноград и бисквиты.

Такое меню, сопровождаемое морским бризом, проникающим через наши широкие окна, можете судить, принадлежит к числу самых подкрепляющих, и должно быстро восстановить недостающие у нас силы.

Если удивительная организация посольского госпиталя позволяет мне хвалить интендантство, то в общем, можно сказать, что такой случай, к несчастью, не часто выпадает на его долю.

Я уже сообщил вам какая существовала крайняя бесценность его во всём, что составляет службу в Крымских лазаретах. Личный состав и материальное снабжение было совершенно недостаточно, перевозка же раненых из Камыша в Константинополь представляет еще многое и для критики.

На «Св. Патрике» перевозившем меня в Константинополь, я ехал в числе 13 раненых офицеров и 120 больных или раненых солдат, но на судне было только 2 или 3 лазаретных служителя, сержант от госпитального управления и ни одного доктора! В таком положении я и мои спутники оставались на судне четыре дня 13, 14, 15 и 16 октября, без обмывания и перевязки наших ран! Не прискорбно ли это!

Многие из чинов интендантства, состоящие на службе в

Камыше прекрасно помещаются на нанятых судах, с платой от 300–600 франков и более в день от администрации. Эти суда стоят в порту в продолжении многих месяцев.

Не порицаю их за то, что они утилизировали в свою пользу большое число судов, по необходимости остающихся в бездеятельности, и всегда готовых на случай непредвиденной нужды армии во время войны, но при этом сожалею что это довольство не позволяет им чувствовать те лишения, которые при дурной организации дела, по их же милости, переносятся теми, кто поставлен менее их счастливо!

Если в начале кампании медицинский персонал был недостаточен, то почему не сделали воззвания гражданским врачам? Они наверно отозвались бы с охотою на такой патриотический долг.

70

Госпиталь в русском посольстве в Константинополе 14/2 ноября 1855 г.

Получил очень интересное сведение о моем полку и действиях экспедиционного корпуса, отошедшего 6 октября/25 сентября с неизвестным поручением. Сообщаю его вам.

Сначала эскадра пошла на Одессу, затем несколько часов подвигалась параллельно берегам Бессарабии и после 24-х часового перехода, бросила якорь приблизительно в 2500 метрах от Одесского порта.

Появление такого значительного флота перед торговым городом, было сделано с целью отвлечь внимание неприятеля. Истинное намерение экспедиции, объявленное в дневном приказе генерала Вазона заключалось в овладении Кинбурнским портом, защищающим Днепровский лиман.

Очень густой морской туман и весьма бурное море, удерживали флот в продолжение 6 дней перед Одессой.

14/2-го появилось солнце, море успокоилось и отдан был приказ сниматься с якоря.

Вся эскадра, предшествуемая паровыми канонерками, выступила утром к с. востоку придерживаясь берегов.

В 2 часа пополудни, она бросила якорь в устье Днепра пред Кинбурнским портом и оставалась на якоре всю ночь. Только одни канонерки подвигались вперед в лимане реки, который имеет ширину нескольких километров.

Кинбурнская крепость расположена на песчаной косе, обмываемой с одной стороны морем, а с другой стороны рекою.

Первое наше действие было известно. Требовалось отрезать извне всякое сообщение русскому гарнизону, а чтоб достичь этой цели необходимо было произвести высадку войска на с. восточную часть полуострова.

15/3-го утром весь экспедиционный отряд высадился в 4 километрах позади крепости. Английская бригада стала сзади, а французская впереди форта.

Море было бурно и наши корабли не могли начать бомбардирования.

Чтоб не терять времени, генерал Базен приказал ночью на 16/4-е заложить траншеи в километре от крепости.

Ширина полуострова в этом месте не превышает 400–500 метров, почва вполне песчаная и работы не представляли особых затруднений.

На следующий день 17/5-го море успокоилось, и флот мог маневрировать, а плавучие батареи стали на якорь в 500–600 метрах от стен крепости.

Русские приняли эти батареи за шаланды для перевозки десантных войск и направили против них сразу упорный огонь картечью, а после гранатами и ядрами.

Затем вся эскадра открыла самый сильный огонь, а неприятель мужественно отвечал, но уничтоженный численностью, не мог долго продолжать сопротивления.

Адмирал Брюа приказал поднять парламентерский флаг.

После сего генерал Базен пошел к крепости и встретил на половине дороги русского генерала Кохановича, который, убедившись в невозможности сопротивления, согласился сдаться. Ему были предложены без спора, самые великодушные условия:

> «Солдаты сложат оружие, сохраняя свои вещи.
> Офицеры сохраняют свои сабли.
> Те и другие будут увезены в качестве военнопленных».

Затем 1400–1500 русских солдат и 40–50 офицеров были отправлены в наши лагеря, а после 18/6-го посажены половина на английские и половина на французские суда.

Мы нашли в крепости 174 орудия и богатый запас пороха и снарядов.

19/7-го полковник Даннер вступил во владение крепостью и поместил там свой полк, между тем как генерал Базен пошел вперед с остальными силами внутрь страны до деревни называемой Шадоско (Schadosko) в 50 километрах от Кинбурна, нигде не встречая неприятеля.

После этой рекогносцировки, колонна вошла в Кинбурн и оставалась там до 31/19-го числа.

В этот день генерал Базен велел батальону пеших егерей и алжирским стрелкам сесть на суда, в то время как английская бригада также возвращалась на свои корабли и 1-го ноября (21 октября) эскадра и экспедиционный корпус ушли из Кинбурна.

95-ый полк наличностью в 1480 человек, 150 артиллеристов и инженеров остались в крепости.

С своей стороны эскадра оставила в лимане шесть канонерок, два авизо, транспорт и три плавучие батареи, всё французские суда. Сухопутные войска находятся под начальством полковника Даннера.

Флотилией командует капитан корабля «Город Париж», по своему старшинству являющийся высшим начальством.

В Крыму положительно нет ничего нового.

Нас продолжают прекрасно содержать в госпитале посольства; силы мои возвращаются и рана заживает.

Я мог в воскресенье, при помощи сестры милосердия общины Св. Шарля, войти в часовню, находящуюся в верхнем этаже и надеюсь, что в непродолжительном времени буду в состоянии сделать небольшую прогулку в квартал Пера.

В занимаемом мною покое, напротив моей кровати и правее койки поручика пехотных егерей Кельво, лежит раненый офицер тюркосов, получивший в наружную часть голени левой ноги пулю, которая тронула кость. Осколки её были вынуты и рана почти закрылась, но в это утро он жаловался на боль правого колена. Доктор чувствуя под пальцами постороннее тело, сделал крестообразный разрез и вынул пулю, которая, рикошетируя вошла сначала в левую ногу, а затем перешла в правую.

Надобно сказать, что бывают весьма странные огнестрельные раны.

71

Госпиталь русского посольства в Константинополе, 14/2 ноября 1855 г.

Известия полученные мною из Крыма и Кинбурна положительно не объясняют ничего.

В Крыму позиции, занятые отрядом армии, остаются те же самые.

В Кинбурне полковник Даннер принимает все предосторожности, чтоб избежать всяких неожиданностей: эти меры заключаются в разных земляных работах, перегораживающих полуостров.

Рана моя совсем закрылась и я уже несколько дней как без усталости, делаю небольшие прогулки вокруг госпиталя посольства. Даже мог вчера пойти на большой рынок и сделать там необходимые покупки, для защиты от холода во время предстоящего пребывания моего в Кинбурне. Купил в турецкой лавке астраханские смушки, которые показались мне хорошего качества и особенно дешевыми, заплатив за них 170 франков; этим мехом можно подбить панталоны, фуфайку а также спинку и плечи плаща.

Во время прогулки мне пришлось быть свидетелем короткой расправы о которой и расскажу вам.

Спускаясь по одной из главных улиц, ведущих по мосту Золотого Рога, в сопровождении такого же больного из госпиталя как и я, но идущего с большим трудом, мы дошли до середины улицы и заметили что в нас недоброжелательной рукою был брошен камень в хорошее яйцо величиною, впрочем не попавший по назначению. Хотя мы и сейчас же оборотились, но определить откуда брошен камень, оказалось невозможным.

Внизу этой улицы находится пост каваса, куда мы и вошли, рассказав начальнику поста о нанесенном нам оскорбления. Не расспрашивая подробностей он сказал нам только: «Расправа будет произведена», и сейчас же отправил шесть полициантов улицей параллельной той, которой мы пришли, оставив несколько кавасов у своего поста. Полицианты пройдя незамеченными сверху в нашу улицу, стали спускаться по ней, тесня вниз всех прохожих и подвигали их таким образом к посту, где всех хватали и садили в заключение. Менее чем через четверть часа было уже от 25–30 пленников.

Тогда начальник кавасов обратился к ним и сказал приблизительно следующее:

«В двух раненых офицеров брошен камень; вы будете заперты до тех пор пока не найдется виновный».

Спустя несколько часов, проходя вновь возле того же поста, мы узнали, что сначала в числе задержанных виновного не оказалось, но родственники или друзья последних открыли его и передали для расправы. Он должен был ждать в заключении приговора судьи.

Неблагоразумно запаздывать вечером на улицах Константинополя; собаки, которые скопляются повсюду, безвредные днем, делаются ночью ужасными; они не нападают на лиц, вооруженных фонарями, но без лая кидаются на тех у кого нет огня и особенно на одиночных. Лишь по этой причине, я должен был отказаться от приглашения к обеду товарищей. Турецкая администрация заставляет во всяком квартале, два раза в неделю развозить в телегах испорченное мясо, разбрасывая его повсюду, чтоб кормить этих собак, которые оказывают большую услугу городу, избавляя его от всех отбросов и нечистот. Но кажется, что такой порядок прокормления недостаточен для этих животных и они ищут всяких удобных случаев чтоб удовлетворить свой аппетит.

Весьма удивила меня турецкая привычка избирать кладбище местом увеселений. Там можно встретить в известные дни группы женщин и детей играющих, танцующих, поющих и лакомящихся сластями, вокруг могил более любимых родных или друзей!

Впрочем эти кладбища настоящие сады, где растут большие деревья, дающие громадную тень в знойные дни. Тут нет мавзолеев, а лишь поставлены стоймя высокие камни над головой умершего. Часто внизу этого камня устраивают небольшое отверстие, которое доходит почти до покойника, с целью сообщения родными и друзьями умершего, всяких поручений, как лицам предупредившим их в раю Магомета. Это довольно странно… но не забавно ли, что часто на другой день после похорон, кладбищенские сторожа должны вновь заваливать свежие могилы, которые, несмотря на непрестанное наблюдение за ними, они не всегда могут устеречь против жадности собак, чутье которых никогда не обманывает, благодаря указанному выше отверстию.

Я лично не видел этого, но мне сообщили о сем за верное.

Доктор Лелуи, который лечит меня, предлагает взять отпуск на три месяца для поправления моего здоровья, под предлогом, что я не в состоянии исправно нести свою службу без этого, — с другой стороны я получил длинное письмо от майора Прево, также советующего воспользоваться отпуском для выздоровления, уверяя, что и нисколько не выиграю, если буду спешить своим

возвращением.

Но это плохие советы, которым я не последую. Мой батальон в Кинбурне и там мое место.

Тяжело выбирать между долгом и удовольствием обнять вас, избавляя от новых беспокойств, новых волнений… Хотя я и страдаю от этого, но не умею и не стану колебаться. Вы простите меня и даже в том случае, если шансы войны не будут для меня благоприятны, потому что в глубине своего сердца, для вас будет самым восстановляющим утешением мысль, что сын ваш исполнил свой долг.

Я предупредил доктора о своем решении и просил подписать мой выпуск из госпиталя, с целью воспользоваться отходом в Камыш первого судна. Мне необходимо быть в Крыму, чтоб попасть в свой полк. Правильных сообщений между Кинбурном и Константинополем не устроено.

Я еще не определил точно своего отъезда, однако возможно, что мое первое письмо, пошлю к вам из Кинбурна. Не беспокоитесь, если оно запоздает.

72

Кинбурн 7 декабря/26 ноября 1855 г.

Я поступил в лазарет 2-ой дивизии 16/4 августа, и в госпиталь русского посольства в Константинополе 17/5 октября, а 18/6 ноября сел на «Ментор» судно императорского почтового общества, чтоб отправиться на свой пост в Кинбурн через Камыш. Три месяца отсутствия!

Переезд из Константинополя в Камыш совершился не при благоприятных условиях.

В день отъезда море бушевало и ветер переходил в бурю.

Нам пришлось употребить четыре часа на переезд через Босфор. Войдя в Черное море, мы испытывали ужасную качку; громадные волны били через борт и сносили всё что не было хорошо прикреплено. Стоять было невозможно и я должен был лечь, впрочем более из опасения ушибиться о перегородку моей каюты, чем с целью избежать морской болезни.

Порою волны заливали судно совершенно и никто не был в безопасности.

Наконец утром 20/8 мы прибыли в Камышевую бухту; я не заставил просить себя поскорее выйти на берег и поступил на иждивение 94 полка, расположенного на морском берегу.

Здесь я нашел в большом деревянном бараке добрых товарищей, оказавших мне сердечное гостеприимство и снабдивших меня, ввиду предстоящего спанья на земле, хорошей бараньей шубой и двумя одеялами.

Завтракал в одном из ресторанов Камыша, полбутылкой довольно хорошего вина, бифштексом с хлебом, яблоками в соусе, голландским сыром и сухим пирожным. Стоимость всего 8 франков.

Затем отправился осматривать Камыш. Это уже не прежний Камыш, а настоящий город с деревянными домами в один этаж, построенными по плану, утвержденному городским управлением. Улицы его носят, на прибитых к домам дощечках, надписи: Наполеона, де Лурмель и проч.; гостиницы называются: отель Малахов, Победы, Черная, — кафе и рестораны названы: кафе Трактира, Инкерманский ресторан и проч. Промышленники, содержащие эти заведения, спешат нажиться, так как завтра армия может сесть на суда, и всё то что не будет обращено в деньги из запасов, пропадет.

Перед вечером случайно встретил капрала с №95-м на кепи и узнал от него, что три роты, составляющие наше небольшое депо,

размещены недалеко от старого лагеря у Мельницы. Эти новости были драгоценны для меня, так как все мои вещи находятся или должны находиться в малом депо, а для меня главная задача теперь состоит в разыскании их.

Обедал в ресторане Золотого Рога, с прибавкою против меню завтрака, супа и вареной говядины, ценою за всё 12 франков.

На следующий день отправился в малое депо и обошел все наши старые лагеря, найдя их в том же положении, в каком оставил.

Офицеры трех рот 95 полка оказали мне прекрасный прием, и я у них завтракал.

Все мои вещи были хорошо сохранены и я успел к тот же день перенести их в барак 94 полка. Только моя строевая лошадь взята была в ремонт, другая же арабской породы оказалась хромою от полученной одновременно со мною раны у Трактира.

Оставляя своих товарищей по депо, я посетил моего старого полкового командира — Лабади. Произведенный в генералы и назначенный командующим частью во Франции, он настаивал, несмотря на свой 61 год, получить бригаду в Крыму, и Император не мог отказать ему в этом последнем желании, и Лабади, немного спустя после взятия Малахова, возвратился в Крым. Он оставил меня без отговорок обедать и любезно предложил мне для возвращения в Камыш, одну из своих лошадей и вестового.

Мне пришлось в Камыше ожидать отхода судна в Кинбурн, и только 26/14-го я мог сесть на «Зуава» небольшой английский пароход, нанимаемый французской администрацией.

Это плохое небольшое судно должно было перевезти в Кинбурн лишь 200 баранов и 80 быков, и вовсе не было приспособлено для пассажиров, однако интендантство посадило на него, не предупредив капитана, двух офицеров поручика Касань и меня, и 55 солдат, выпущенных недавно из лазаретов и назначенных в 95 полк. Капитан, не имея в виду перевозки людей, не успел запастись свежими припасами, и нам пришлось удовлетворяться сухой морской пищей.

Интендантство положительно следует переформировать и дать ему совершенно новую организацию.

«Зуав» должен был отплыть 27/15-го, но в минуту поднятия якоря, он получил приказ выждать, чтоб взять на буксир деревянное судно с 12 человеками инженеров и материалом, назначенным для Кинбурнской крепости.

Наконец 29/17 ноября мы покинули Камыш.

Во время отхода судна, море было довольно спокойно, но вечером, южный ветер превратился в шторм и скоро я должен был лечь в койку, чтоб не быть выброшенным за борт.

В час утра, капитан парохода на довольно плохом французском языке сообщил мне, что судно которое находится у нас на буксире, делает страшные скачки, и что он рискует быть разбитым и уничтоженным им, а потому просил моего позволения обрезать буксир, привязанный к судну, понятно, я отвечал, что не имею никакого права давать ему такие приказания, и что ему принадлежит инициатива всех распоряжений, вызываемых обстоятельствами.

Спустя полчаса, вследствие увеличившегося волнения, буксирный трос был разрублен топором, и мы освобожденные поплыли далее.

Деревянное же судно начало управляться само, и скоро мы потеряли его из виду.

Утром около 11 часов ветер стих, и хотя море было неспокойно, но мы уже находились в нескольких километрах от Кинбурнской крепости.

Вдруг, после движения вперед, машина пришла в бездействие и мы сразу остановились, а в пароходе показалась течь. Выскакиваю наверх и вижу что «Зуав» сильно накренился. Наш капитан пропустил вход в устье Днепра, который очень затруднителен и мы сели на песчаную мель в двух или трех километрах от берега.

Положение было не шуточное… Мои люди, сидевшие верхом на снастях, казались очень неспокойными, а шутки которые я строил по случаю такого происшествия, не вызывали улыбок.

Мы находились в таком положении весь остаток дня и всю следующую ночь, имея у себя много сухарей и очень мало воды для питья. К счастью море успокоилось и нам оставалось только страшиться русских пушек Очаковской крепости.

Командир флотилии, стоящий на якоре в устье Днепра, решился наконец на следующий день 1 декабря (20 ноября) послать канонерку на помощь пассажирам, находившимся в томлении на судне, которая и взяла всех нас на свой борт, а «Зуав» был брошен, и вскоре затоплен волнами; впрочем и люди успели спасти свои вещи, скот же погиб.

На другой день 2 декабря (21 ноября) я вышел на берег, испытав истинное чувство счастья попасть в среду своих товарищей, прием которых и особенно моего полкового командира растрогал меня.

В ночь с 2/21-го на 3/22-е число термометр почти сразу упал на 8° ниже нуля и мой отряд не мог быть высажен. Затем холод усилился и только 5 декабря (24 ноября) можно было достичь берега по льду.

Что касается деревянного судна, которому мы предоставили

свободу во время бури, то оно оказалось счастливее нас и пришло на место без аварии 1 декабря (20 ноября).

В трех километрах от оконечности Кинбурнской косы находится крепость Кинбурн, рвы которой наполненные водой, составляют при помощи шлюзов сообщение моря с рекой.

Крепость имеет вид полигона из шести бастионов и устроена из песка с каменной одеждой. Бруствера её не могут поэтому представлять какого-либо серьезного препятствия и достаточно нескольких гранат чтоб их разрушить. Ширина полуострова у крепости не превышает 150 метров. На расстоянии 1200 метров от неё к перешейку, находится небольшая обитаемая рыбаками, деревня Кинбурн с таможенным постом. Эта деревня оказалась почти совсем выжженной русскими в день высадки отряда генерала Базена; остались лишь несколько полуразрушенных лачуг и дом начальника таможни, обитатели же деревни все удалились во внутрь страны.

Полковник Даннер приказал вырыть траншею в 400 метров длины, преграждающую полуостров во всю его ширину, на расстоянии 100 метров от крепостного вала.

Эту то песчаную косу, поверхностью не менее 100 гектаров мы и занимаем. Наш правый фланг защищен морем, а левый — Днепром, фронт же траншеей, которая обстреливается тремя плавучими батареями, бросившими якорь в реке.

Нас охраняют две роты пикета, поставленные позади траншеи и всегда готовые взяться за оружие; эти роты снабжают также людьми передовой пост, устроенный в таможенном бараке, в 500 метрах от крепости на берегу моря.

Наше военное положение в настоящее время не вполне плохо, и мы можем только бояться, что лед скоро приобретет достаточную толщину, для того чтоб неприятельская колонна могла перейти реку. Флотилия уже не может более двигаться и весь Днепр, похожий на большое озеро, вследствие разлива и медленности течения, замерз почти во всю свою ширину.

Напротив нас на правом берегу реки, на расстоянии около 8 километров видна крепость Очаков, которую русские взорвали на другой день по сдаче крепости Кинбурн; однако при помощи наших подзорных труб, мы отличаем несколько русских рот, занимающих город.

Нам известно, что полк казаков находится впереди нашего фронта на левом берегу, так как патрули его подходят временами для рекогносцировки к нашей линии, но нескольких выстрелов достаточно было до сего времени, чтоб заставить их удалиться.

Главный штаб, 2-й и 3-й батальоны 95 полка, отряд артиллеристов и сапер помещаются в крепости и занимают

здания, служившие казармами для русского гарнизона. Полковник поместился в покоях генерала Кохановича, офицеры же в полуразрушенных комнатах, занимавшихся русскими офицерами.

1-й батальон стоит отдельно в деревне, занимая лачужки рыбаков ко избежание пожара. Офицеры находятся не в меньшем затруднении. Батальонный командир и я поместились в доме начальника тамошни.

Меблировка состоит из трех столов и десяти стульев, с печью в столовой. В кухне имеется очаг-калорифер из кирпича (лежанка), на котором дозволяется спать нашим вестовым.

Конечно это не отель русского посольства, который я только что покинул, но несмотря на малый объем комнаты, она во сто раз предпочтительнее лучшей палатки, особенно во время зимы.

3 ноября/22 октября три морских офицера и три офицера 95-го полка в сопровождении двух вестовых, захотели воспользоваться хорошей погодой, чтоб настрелять несколько дичи в солончаковых болотах, находившихся в двух километрах перед траншеей.

По случаю очень густого тумана, наступившего внезапно, они уже решили возвратиться в деревню, как вдруг, увидели себя окруженными многочисленными всадниками. Столпившись в кучу, они приготовлялись пробить себе дорогу при помощи своих охотничьих ружей, но русский полковник на прекрасном французском языке, крикнул им: «Умоляю вас, господа, не стреляйте, даю вам честное слово, что вы окружены четырьмя эскадронами казаков».

Наши товарищи сдались военнопленными и были отведены в Николаев. Им позволено было написать нам о себе, и мы узнали, что они сделали путь каждый сидя верхом на орудии, и что полковой командир Лубанинский был очень приветлив с ними.

Эти сведения были для нас ценны, так как по ним мы заключили, что имеем перед собою целый полк казаков и батарею.

Завладев фортом, мы нашли на морском берегу очень большой запас дров, к которому присоединили два значительных плота с лесным строительным материалом, захваченным двумя канонерками, при рекогносцировке реки. Несмотря на этот большой запас, необходимо будет беречь дрова, так как по рассказам, зима в Кинбурне гораздо суровее чем в Крыму.

Вчерашнюю ночь 6 декабря морской термометр опустился на 12° ниже нуля.

Маршал Пелисье прислал нам каждому пальто, штиблеты на бараньем меху и деревянные башмаки, следовательно, теперь мы

в состоянии противостоять всем суровостям дурного времени года. С другой стороны, полковник послал офицера в Константинополь, чтоб сделать там все необходимые покупки для экипировки офицеров и снабжения их кухонными принадлежностями. У нас есть всё и наступающая зима, на этом пустынном морском берегу, пройдет в лучших материальных условиях, нежели в предыдущем году.

Однако, боюсь, что наши сообщения с Камышом и Константинополем будут часто прерываться льдом; не беспокойтесь же, если не получите от меня несколько недель писем.

73

Кинбурн 26/12 декабря 1855 г.

Первый курьер со времени моего приезда сюда, прибыл 20/8 декабря и привез мне три ваших дорогих письма с большим количеством газет. Лишение известий из своей страны составляет для нас большое горе, которое все чувствуют одинаково, так что когда объявляют о направляющемся к Днепру судне, то все офицеры и солдаты, чтоб видеть его, вскарабкиваются на бруствер, а затем отправляются на морской берег ждать его прихода.

Холод сделался серьезным; после первого сильного мороза 14/2 числа, суда флотилии были перемещены, но не успели занять свои стратегические позиции, так как накануне река замерзла при морозе в 18°.

Наша флотилия осталась там, где ее застали эти обстоятельства, и мы уже лишены теперь прямой защиты тяжелой артиллерии плавучих батарей, хотя они всё-таки могут косвенно служить могучей помощью в случае атаки.

Термометр продолжает опускаться и сегодня на «Соколе», носящем вымпел капитана корабля «Париж», командующего флотилией, показывал 26° ниже нуля.

Полковник поручил мне исполнить все оборонительные работы, которые я считал необходимыми для сопротивления против нападения неприятеля.

Найдя довольно большое число деревянных бочек с железными обручами, в которых рыбаки складывали соленую рыбу для экспорта, я велел разбить их и из клепок сделать колья для помещения их перед нашей траншеей.

Вырыв яму в 15 сантиметров в песке, я приказал облить врытые в землю колья водой из манерок и, благодаря морозу, эти колышки нельзя было выдернуть. Тоже самое я сделал и с железными обручами. Это хотя и небольшое препятствие, но всё-таки достаточное для того, чтоб остановить движение отряда и удержать его несколько лишних минут под огнем защитников траншеи.

Но моя главная работа состоит в пробитии во льду Днепра канала в 600 метров длины, для того, чтоб прикрыть им наш фланг с этой стороны.

Лед достиг 80 сантиметров толщины. При помощи кирки его разрубают на глыбы в метр ширины и длины, затем под низ такого куска пропускают двойную веревку и 50 человек взявшись

за нее, по команде поднимают эти большие массы льда.

Люди работают полчаса, а затем другие полчаса бегают кругом, чтоб согреть застывшие ноги.

День и ночь, наряженные для сего рабочие, заставляют двигаться в этом канале род плота, чтоб не дать замерзнуть фарватеру, и что, хотя очень трудно, но необходимо.

Морские власти поступают также, и возле своих судов обрубают лед, делая проруби. Не следует рисковать, подвергнуться участи голландского флота, взятого кавалерией Пишегрю в 1794 г.

Наше санитарное состояние не очень страдает от этой сибирской температуры, ни от нашей слишком горячительной нищи. У нас нет свежих овощей, а производится лишь выдача небольшого количества сала, фасоли, чечевицы, риса, водки, кофе и иногда вина.

Нравственный дух хорош. Два раза в неделю во дворе форта играет музыка и порядочное количество солдат пляшут кругом её, подпевая хором народные песни.

Полковник поручил по моем приезде устроить труппу актеров.

У меня есть около двадцати актеров исполнителей, и так как у нас нет печатных пьес, то действующие лица совместно и на память разучивают несколько водевилей, шедших в Пале-Рояле. Вскоре начнутся представления.

Берега Днепра изобилуют всевозможными породами водяной птицы: утками, чирками, гусями, лебедями и проч. и, несмотря на мои многочисленные занятия, я даю им ожесточенные битвы. Так как невозможно подойти к ним близко, то я в конце полуострова устроил шалаш и хорошо закутанный в свой астраханский полушубок и баранью шубу, с терпением выжидаю приближение дичи к себе на выстрел. Результатов моей охоты хватило бы на несколько кухонь, если б я мог собирать всех убиваемых мною птиц, но их много падает в реку или в море, где они и пропадают.

Бью также род чаек, называемых серые рыболовы, мясо которых лучше чем обыкновенной чайки и их можно при необходимости употреблять в пищу. Не обхожу даже и ворон, которые наш повар приготовляет под соусом, и заставляет находить их вкусными. За неимением выбора, по случаю отсутствия мяса, мы не в праве быть разборчивыми.

В трех или четырех километрах от наших линий, нет недостатка в рябчиках и зайцах, но я остерегаюсь удаляться, потому что глупо рисковать попасться в руки казацкого отряда.

Сначала люди ловили прекрасную рыбу на линии, но и этот источник прекратился вследствие больших морозов. И забыл

сказать вам, что полковник предоставил мне лошадь, назначавшуюся старшему адъютанту 3-го батальона, отлучившемуся ненадолго, взамен той, которая была у меня при Трактире. Я не потерял от такой замены, потому что новая лошадь оказалась прекрасной арабской породы и я почти каждый день езжу на ней в свое удовольствие.

Не беспокойтесь обо мне, я очень занят или службой, или удовольствиями, и мне не будет скучно; впрочем, вы знаете, что я никогда не скучаю.

Офицеры, взятые в плен 3 ноября, были обменены. Три моряка возвратились недавно на свое судно. Наши прибудут также вскоре.

74

Кинбурн 4 января (23 декабря) 1856 г.

В конце декабря весь гарнизон, под начальством полковника Даннера, произвел рекогносцировку впереди наших позиций, с целью разъяснить слухи о предполагаемой атаке, неприятельского корпуса в 30 тысяч человек.

Откуда шли эти слухи? У нас не было ни с кем сообщений! Я об этом так и не узнал ничего.

Мы удостоверились, что русские перед нами имеют только 15–18 тысяч человек пехоты и 500 всадников, расположенных отрядами до Николаева, и возвратились вполне успокоенные, принявшись снова за все необходимые для пользы обороны работы.

В исходе декабря наша флотилия увеличилась двумя новыми судами, вошедшими в Черное море и ставшими близко к нашим траншеям, чтоб в случае атаки обстреливать правый фланг. Они не рискуют быть бесполезными по случаю льдов.

Эти два судна, отделенные от эскадры Камышевой бухты, привезли нам трех офицеров и двух ординарцев, взятых в плен на охоте 3-го ноября.

Заключение их продолжалось не более двух месяцев и полагаю, что они жалеют о непродлении его на всю зиму. Они нам сообщили некоторые интересные подробности о приезде их в Николаев и стоянке в Одессе.

Император Александр находился в Николаеве во время проезда их через этот город и прислал карету четверней, чтоб взять самого старшего из трех морских офицеров, которым оказался мичман корабля «Левек», и старшего из наших офицеров, капитана Лемоана.

Эти два офицера имели честь быть представленными Императору, который оказал им милостивый прием и протянул руку, сказав: «Хотя рука эта еще и неприятельская, но надеюсь что она скоро сделается дружескою».

Затем при отъезде, увидав своего метрдотеля родом из Тулузы он промолвил: «Вот соотечественники ваши, приготовьте им обед; не стану уговаривать вас позаботиться о них, так как вы сами очень хороший француз».

Из Николаева пленные были направлены в Одессу, где им был оказан превосходный прием от военных властей и населения.

Еще и теперь, под впечатлением пребывания их в этом городе, они не истощились в рассказах об удовольствиях, которые

нашли там; балы, вечера, обеды, прогулки в санях и проч.

Генерал Лидерс предоставил им полную свободу, под честным словом не отлучаться по направлению к укреплениям, и не писать ни одного слова о средствах обороны города. Русские офицеры не оставляли их, не с целью конечно присмотра, но для доставления им всевозможных развлечений.

Однажды, когда гвардейский гренадерский полк проходил под окнами отведенного им помещения, русский офицер обратился к поручику Каран, человеку ростом не более 1 метра 56 сантиметров и сказал ему.

«Ну! Баптист, что вы скажете об этих людях?»

«Скажу, — отвечал Баптист, окинув взором полк, состоящий из отборных и высокого роста солдат, — скажу, что чем они выше, тем удобнее представляют из себя цель».

Русский офицер, обернувшись к моему приятелю Каран, прибавил:

«Шалуны французы никогда не задумываются, имея всегда и на всякий вопрос ответ».

31 декабря появился на горизонте корвет «Плегетон» и вскоре затем, мы узнали, что на его борту находился начальник высшего ранга, а потому полковник с офицерами отправился на берег моря, и вскоре затем они встретили, высадившегося артиллерийского генерала Лебёф.

Генерал Пелисье, беспокоясь о нашем беззащитном положении, послал генерала узнать стратегическое и моральное состояние нашего отряда.

На другой день 1 января, присланный генерал принимал весь состав офицеров и объявил нам о будущей высылке значительных подкреплений, и о высадке в тот же день роты морской артиллерии, которую он привез с собой.

Затем он осмотрел все наши оборонительные работы и предложил снова сделать то же начальнику инженеров, прибывшему с ним из Камыша.

Вечером он выразил полное удовольствие о всём, что видел.

Холода продолжались беспрерывно и термометр держался между 22° и 28° ниже нуля.

Лед достиг толщины 0,90 метра и кроме того в продолжении двух дней шел сильный снег, вследствие чего очень затрудняется караульная и особенно постовая службы. Я командую по очереди патрулем из сержанта и четырех рядовых и офицерским рундом, для осмотра в ночное время линии часовых и для убеждения, что они не замерзли на своих постах.

И я сам, с целью поверки службы, за которую отвечаю, каждую ночь в неопределенные часы между 11 часами вечера и 5

часами утра, делаю обход, который продолжается не менее $^3/_4$ часа; мне приходится идти по цельному снегу толщиною в 35 сантиметров и в полнейшей темноте, что не всегда удобно.

По моем прибытии, я нашел здесь, ожидающего меня, своего бравого вестового Какино, который поддерживал огонь в камине столовой, чтоб я мог прежде согреться, а затем растянуться в своем меховом мешке. Всё это не мешает мне спать глубоким сном, быть веселым и довольным и предпочитать такую жизнь, покойной жизни гарнизона.

Мой театр заслужил одобрение. Представления давались на площадке южной потерны, где была устроена сцена на подставках. Занавес из белого холста, очень хорошо отделан настоящими полковыми артистами. Пьесы веселые, и очень забавно составленные актерами-авторами, так что им нельзя даже дать названия. Несмотря на то, что роли не разучиваются, всё-таки остановок не бывает. Между всей этой молодежью является одушевление и веселие, которые они умеют передать зрителям. Эти пьесы могут разыгрываться только в границах особых обстоятельств, в которых мы находимся, и понятно не могли бы идти перед другой публикой. Все офицеры аккуратно присутствуют на представлениях и зал живо нагревается дыханием 400–500 зрителей его наполняющих. Полковник отдал в распоряжение актеров несколько штук старого платья, шапок и уборов, оставленных женами русских офицеров, по удалении их отсюда, а моряки любезно предложили несколько флагов разных цветов, вышедших из служебного употребления.

Актеры-артисты из всей этой рухляди сшили хорошенькие костюмы для нашего несколько бородатого женского персонала. Затем в антрактах все солдаты поют народные песни или исполняют хором припев песни, затягиваемой зрителями. Короче сказать, забавляются, смеются и забывают о лишениях дня, а тоска по родине не проникает в занимаемую нами крепость.

Наш почтенный духовник, аббат Ламарш, преданный своему долгу, осторожный и хорошо влияющий на всех милостивыми словами, которого все офицеры и солдаты уважают, не имеет другого места для исполнения мессы, кроме той же площадки потерны, с тех пор, как русская церковь занята под больных. Только этим местом он и может располагать, и ему оно предоставляется с 8 до 9 часов утра, но затем, устроивши алтарь, он тщательно после службы, заботится об освобождении этого места для театральных представлений.

Аббат Ламарш обладает слишком возвышенным умом, чтоб не сознавать необходимости поддержания веселого расположения духа у наших солдат, во избежание болезней, а потому и не

высказывает никакого сожаления о двойственном употреблении площадки потерны.

Аббат может быть уверен, что в сердцах офицеров и солдат 95 полка, он надолго сохранит память о себе, как у людей, которых он так часто и с таким тактом поддерживал нравственно.

75

Кинбурн 18/6 января 1856 г.

В полночь 4-го января, когда мое дежурство по рунду окончилось и я ложился спать, кто-то постучался в мое окно… Генерал Лебёф рискнул пойти один до деревни, несмотря на 35-ти сантиметровый снег и мрачное небо, чтоб поверить порядок службы на аванпостах.

Скоро, заблудившись в этой уединенной долине, он направился на единственный огонь моего окна, светивший в темноте.

Я попросил войти его в столовую, чтоб обогреться и он очень долго расспрашивал меня о положении, занимаемом нами, узнав о всём, что его интересовало.

Спустя полчаса, мы отправились вдвоем посетить посты и часовых.

Дорогой разговорились, и я сказал ему, что русские должны будут, вероятно, предпринять важное движение по нашему направлению в то же утро, и так как он удивился этому предположению, то я как охотник объяснил ему, что никогда не видел зайца менее чем в километре впереди нашего фронта, между тем как утром, около 10 часов, я заметил четырех, которые направились почти одновременно к нашей траншее, из чего я заключил, что они были подняты идущими войсками, фронт которых должен быть известного протяжения.

Спустя несколько минут, генерал сообщил мне, что он хотел сделать рекогносцировку на канонерской шлюпке в устье Днепра, чтоб узнать, замерзла ли река по всей своей ширине, но что эта рекогносцировка не удалась по случаю льдов, помешавших движению его небольшого судна и прибавил, что по наблюдениям его и морских офицеров фарватер реки свободен от льда, на несколько лье в длину и что поэтому нечего беспокоиться о возможности нападения на фланг с правого берега по льду.

Я отвечал, что считаю наблюдения не вполне точными и что Днепр был вероятно замерзшим во всю свою ширину, и по меньшей мере в 3-х километрах от того пункта, где мы были.

«Почему вы это знаете?»

«Я сужу это по небу. Снег остается лишь на твердой поверхности и тает в незамерзшей части реки, всякая же белая поверхность отсвечивает на облаках белым, часть же фарватера, свободного от льда и поэтому не покрытого снегом, отражается черным».

«Это совершенно справедливо, — отвечал генерал, — и я очень хорошо вижу пункт замерзшего фарватера, где можно перейти реку, и этот пункт действительно не более как в 3-х километрах от нас».

Окончив осмотр постов, генерал отправился в крепость, не пожелав, чтоб я проводил его.

Через неделю генерал просил полковника, пригласившего его на свои обеды, попросить и меня. Во время десерта, генерал любезно обратился ко мне: «Мне известно, что маршал Пелисье не желает давать ни одного креста зимой, и я предупредил вашего полковника об этом по приезде сюда. Однако, обещаю вам по возвращении в Камыш, попытаться не сделает ли маршал исключения для вас».

Судите о моей радости…

Мне хотелось объявить о своем счастье всем друзьям, но генерал просил меня не говорить ни слова никому… Наш доктор Форже констатирует, что максимум температуры человеческого тела не может превосходить 42°, но я не верю и думаю, что если бы он измерил жар моего сердца, то изменил бы свое мнение об этом.

Ах! славный доктор; у него много дела в госпитале, устроенном им так хорошо в крепости… До сего времени у нас были случаи воспаления дыхательных путей, даже некоторые тяжелой формы, и несколько случаев скорбута. Недавно же появился тиф, и уже им заболело 22 человека.

Чтоб уменьшить причины эпидемии, полковник сейчас же просил генерала Дебёфа прислать нам стадо быков, для улучшения пищи гарнизона. Это положительно необходимо.

14/2 числа мы получили подкрепление в три роты, остававшихся в Крыму. Настоящая наличность гарнизона 2150 человек, за усилением моряками, составляет совершенно достаточную силу, чтоб держаться в наших позициях.

Офицеры этих рот рассказывали нам, что в Крыму, со времени нашего отъезда, не было никакого движения войск.

Тифозная горячка делает ужасные опустошения. Мы теряем от болезни большее число людей, нежели от неприятельского огня, за время всей осады. Поэтому маршал Пелисье сожалеет, что время года не позволяет ему передвигать свою армию, с целью удаления её с этой зараженной местности, на которой она стоит лагерем в продолжении 15 месяцев.

Кажется, русская армия еще более союзной подвержена тифу. Армейский корпус, остававшийся в Бессарабии уменьшился на десятую часть.

Не лучше ли быть убитым в сражении, чем печально умереть

на госпитальной койке вдали от своих. Не жалейте о павших на поле битвы, это прекрасная смерть, желанная, без страданий, в силу долга и за свою страну. В таких случаях иногда умирают славно, всегда же с честью и… прощенные!

Маршал Пелисье не забывает нас. Он прислал массу национальных пожертвований: пищевых предметов, напитков и одежды.

Я получил два ящика хороших сигар, десять кило шоколаду Минье и двенадцать бутылок ликёру, из которых две Fine champagne de Martel, очень хорошего качества.

Равно и другие офицеры и солдаты наделены каждый несколькими пачками табаку, пятьюдесятью сигарами в 50 сантимов, овощами Cholet, холщовою курткою, парой больших вязаных чулок, парой нитяных носков, шарфом и проч., а для всех прислано значительное количество бочек хорошего вина.

Когда у нас будет каждый день свежее мясо, то нечего и желать больше.

Мой батальон, замененный вторым батальоном, оставил деревню Кинбурн и поместился на постоянные квартиры в казармах крепости.

Сожалею о такой перемене и хотя служба моя была трудна, но подобная деятельность мне нравилась. В настоящее время, мне кажется, что нечего делать; подумайте… я ложусь раздетый! Даже приказал привести из Константинополя три пары суконных одеял. Просто невероятно!!! Занимаю комнату по соседству с другим капитаном из числа моих хороших приятелей. У нас прекрасный камин, которым однако я пользуюсь только вечерами, так как днем почти всегда нахожусь вне дома, и в чём впрочем не вижу неудобства.

Сейчас мне сообщили, что миссия генерала Лебёфа окончилась и что он отправляется к своему посту в Крым. В тоже время я получаю от него приглашение на завтрак 19-го числа.

76

Кинбурн 31/19 января 1856 г.

Небольшой лоскуток ленты, пришпиленный в начале настоящего моего письма, принесет вам приятное известие; я кавалер ордена Почетного Легиона!

И очень счастлив тому удовольствию, которое вы испытываете по поводу моего награждения!

20/8 числа генерал делал смотр Кинбурнским войскам и прощался с нами, 22/10 он возвратился в Камыш. Приказ же обо мне подписан 23/11, и вы видите, что генерал не терял времени, для получения от маршала единственного назначения, которое он сделал по отношению к этому ордену, в продолжении трех месяцев.

29/17 полковник потребовал меня к себе:

«Ну, капитан, вот приказ, я его передаю вам с ответственностью за его исполнение, — и, заметя, что я хотел уходить, он взял в руки конверт и сказал: — Прочтите его, и если вы будете в затруднении, просите у меня объяснений».

Развертываю конверт… меня душит волнение… полковник протягивает руку и обнимает меня: «я не считаю себя квитым с вами и сделаю представление о награждении вас орденом Меджидие».

Затем он приколол мне крест к груди… и я в таком виде возвратился к своим товарищам… думаю, что был более счастлив их поздравлениями, чем получением самого ордена!

Я совершенно растроган.

Днепр освободился от льда и ледоход не произвел больших аварий флоту. Суда теперь стоят на якоре в Черном море и не войдут в реку, до тех пор, пока не будут вполне уверены, что не рискуют быть там запертыми льдом.

Наше стратегическое положение много выигрывает от такой перемены. Флотилия, сделавшись подвижною, скоро займет пункты, откуда может лучшим образом прикрывать нас в случае нападения.

Впрочем, кажется, что теперь нападение менее вероятно, чем когда-либо. Полковник прочел нам слова, написанные на обороте конверта, заключающего отношение интендантства: «Мир накануне его заключения: две телеграммы из Вены, уведомляют, что русский Император принимает пять условий, положенных в основание окончательного мира».

Но это известие, не произвело сразу очень большего

впечатления на офицеров. Каждый предвидит гарнизонную стоянку и не сожалея, что война не продлится, желает продолжения походной жизни.

Живность, прибытия которой из Варны мы так жаждали, состоит из 24 быков и 200 баранов. Кроме того, оставшиеся в Варне офицеры 95 полка, выслали нам в большом количестве живой птицы для обеспечения нашей кухни. В птичнике, устроенном по моему приказанию, откармливаются в настоящее время 18 кур и три индюка, а наш чулан для провизии изобилует пирогами с дичью, консервами и картофелем.

Ежедневные меню наших обедов могли бы составить зависть не одного лакомки. Недостает только свежих овощей.

Со времени освобождения Днепра от льда, подумывают об устройстве рыбной ловли, хотя бы для снабжения рыбой больных в госпитале.

На поручика Карану возложена обязанность привести в порядок старые невода, найденные нами в деревне, и починить оставленную русскими старую лодку.

Хотя сухопутные офицеры состоят в хороших отношениях с моряками, но не следует в таких случаях рассчитывать на их помощь.

Тиф заметно усиливается и много людей заболевают им. Теперь, когда наша пища улучшена и мы даже можем иметь немного молока для больных, а погода сделалась мягче, доктор надеется, что этот бич не замедлит исчезнуть.

Уже несколько дней я сижу в засаде на оконечности полуострова лицом к морю с ружьем, заряженным пулями, разбитыми по моему приказанию на 8 частей в виде дроби; погода очень пасмурна, холод волчий; волны каждую минуту разбивают лед, образуя напластование его и делая береговую воду похожею на ленящийся шербет. Вдруг мне послышался звук полета с левой стороны, и я увидел парящую надо мною большую птицу. Стреляю… но она, пораженная падает в море в 8 или 10 метрах от меня. Не раздумывая и несмотря на лед, вхожу по пояс в воду, и прежде чем волна успела меня поднять, вытаскиваю дичь на берег, затем, не теряя времени, бегом отправляюсь в свое жилье, чтоб переодеться с ног до головы, и высушиться перед пламенем очага.

Спустя полчаса возвращаюсь с моим вестовым на то место, где оставил свою дичь, и с триумфом возвращаюсь в крепость. Как называется эта птица? она весит 21 кило и имеет с распростертыми крыльями величину 3-х метров.

Предполагаю сделать из неё галантир с таким расчетом, чтоб можно было послать часть его на кухню моих товарищей.

Пишу с этим курьером в Варну, чтоб прислали мне корзину с шампанским и ящик хорошего бордо. Хочу пригласить друзей на завтрак, отпраздновать свой орден и надеюсь, что полковник сделает мне честь присутствием на пиру.

Посылаю небольшое письмо генералу Лебёфу с благодарностью за такое хорошее и щедрое исполнение обещания, сделанного мне при расставании с ним.

77

Кинбурн 27/15 февраля 1856 г.

Со времени отъезда генерала Лебёфа, на нашем полуострове царит полное спокойствие.

Первый ежемесячный курьер прибыл 22/10 и привез мне 11 писем, из которых четыре от вас и 22 номера газеты. Какой прекрасный день провел я у своего камина, в чтении приятных известий, которые нашел во всех письмах.

Теперь же развлечения более редки, чем в глубокую зиму.

Много уток улетело из нашего края, а те, которые остались, сделались недоверчивыми, как испытавшие стрельбу по себе. Мой батальонный командир снабжает наш стол превосходной небольшой рыбой, которую ловит удочкой. Это занятие составляет также развлечение большого числа солдат. Вода еще очень холодна для ловли большой рыбы, которая держится в фарватере. Поручик Карану обещал нам чудодейственную ловлю рыбы, когда температура сделается более мягкой. Его невода исправлены и большая и очень тяжелая барка, оставленная жителями деревни, починена.

К сожалению наших молодцов солдат, догадки моего сотоварища исполнились. Более сильные, делавшие всю кампанию с первой зимы, заболели цингой и полковник уже отослал в Варну более 250 больных, где местность; здоровее, а перемена воздуха может служить им только в пользу.

Мы не знаем, делают ли успехи мирные переговоры, но я не буду удивлен, если они на добром пути и уже существуют инструкции начальникам неприятельских аванпостов, избегать всяких случаев, результаты которых могут служить исключительно в пользу какой-либо стороны.

Мы видим только патрули из 4–5 казаков, которые каждые четыре-пять дней являются убедиться, что мы на том же месте. Их награждают несколькими ружейными выстрелами, объясняющими наше присутствие, и они уходят.

На прошлой неделе я давал обед по поводу получения ордена. Полковник с охотой принял в нем председательство.

Для того, чтоб не было никакой причины к возбуждению в вас жалости относительно нашего материального положения, я посылаю вам меню моего обеда на 28 приглашенных. Карта меню для высших офицеров была украшена очень красивым рисунком, исполненным пером одного полкового унтер-офицера. Каждый оставил себе на память такую карту, так что у меня осталась

только моя, которую я и посылаю вам.

Обед 23 февраля в Кинбурне.

Суп из тапиока.
Закуска:
Сардины, лионские сосиски.
Первое кушанье:
Маленькая рыбка из Днепра.
Задняя часть баранины под соусом Шеврейль.
Сальми из морских бекасов.
Бараньи мозги.
Жаркое:
Молодые индейки.
Филе под пикантным соусом.
Галантир из лебедя.
Паштет с печенкой.
Зелень:
Мелкий горошек по-английски.
Морковь под бел. соусом.
Пирожные:
Яичные белки, взбитые с сахаром.
Миндальное пирожное с фруктами в сахаре.
Вишневый торт.
Десерт:
Рокфорский сыр.
Сладкое кофейное и шоколадное печения.
Мелкие печенья.
Винные ягоды, изюм, орехи, миндаль.
Сигары.
Кофе, ликеры.
Вишневый пунш.

Всё это было приправлено хорошим настроением духа, веселыми разговорами и прелестными недлинными анекдотами, ловко рассказанными полковником.

На другой день я отправил остатки десерта доктору для больных.

Сегодня было очень любопытное зрелище нагромождения льдов, произведенное ледоходом на протяжении 2500 метров на оконечности нашего полуострова. Днепровский ледостав образуется не малыми частями, как ледоставы наших рек, но большими массами и широкими льдинами от 15–18 тысяч метров длины, отрывающимися внезапно. Напор этих льдин, толщиною 0,80 до 1 метра, на выходящую часть оконечности полуострова, заставляет их осаждаться на песок, где они, дойдя до известной

высоты, падают и разбиваются от собственной тяжести; причем напор продолжается, новые льдины взбираются на первые и составляют в общем ледяные горы, достигающие 12–15 метров вышины. Это очень любопытное и думаю, что весьма редкое явление.

Командир корабля «Париж», перворазрядный рисовальщик, несмотря на отсутствие одной руки, сделал много прекрасных и очень точных рисунков расположения своих судов, явлений тумана и нагромождения ледяных гор. Многие из офицеров сейчас же обратились к нему с просьбой сделать литографию, на что он любезно и согласился, но хочет издать только 100 экземпляров. Подписка покрылась немедленно. Я дал ваш адрес, и назначенный мне альбом вы получите после нашего возвращения.

Кинбурн 8 марта/25 февраля 1856 г.

Мягкую теплоту ранней весны сменил жесточайший холод, напомнивший нам самые дурные дни декабря и января; ветер усиливает неприятности этой второй зимы и заставляет нас сидеть в запертых комнатах.

Начальник морских сил получил известие о перемирии, заключенном до 31/20 марта между воюющими армиями; но так как наш полковник, начальник сухопутных войск, не имеет официального извещения об остановке неприятельских действий, то мы продолжаем свою службу по прежнему.

Между тем, люди наши очень нуждаются в отдыхе. Цинга продолжает свои опустошения, и простуда, оставленная без внимания, лишила нас нескольких храбрых солдат. И я потерял таким образом моего славного Какино!.. хотя он и не был лишен хорошего ухода. Как только я заметил, что он кашляет, то потребовал, чтоб Какино отправился в госпиталь, снабдил его фланелью в качестве одеяла, и не только просил за него доктора, но и навещал его по несколько раз в день. Обещал ему, по возвращении во Францию, заместить другим, а его отпустить, вручив небольшую сумму. Он был очень счастлив таким будущим и я думал, что это утешение будет способствовать скорейшему выздоровлению, но не мог его спасти, и он после пятидневной болезни скончался, держа мою руку в своей…

Наш добрый духовник, аббат Ламарш, говорил, что я знал только половину его хороших качеств.

Поставив деревянный крест на его могиле, я написал следующую эпитафию под ого именем: «Здесь покоится скромный солдат, любимый своими товарищами. Пожалейте его начальника».

Вчера были его похороны.

Доктор Форже также серьезно заболел воспалением легких и должен был прекратить свою службу. Его сейчас же заместил флотский доктор.

Днепр почти на протяжении всей своей ширины снова замерз и лед достиг толщины 30 сантиметров. К счастью, флотилия успела выйти в устье фарватера к Черному морю, и не будет в настоящее время иметь тех горестей, которые испытала при первом ледоходе реки.

12/1 марта 1856 г.

Ни одного паруса на горизонте! ни одна полоса дыма не обнаруживает направляющегося к нам судна! А мы к тому же так нетерпеливы! Знаем, что перемирие подписано и не можем воспользоваться им. Знаем, что Императрица в интересном положении и не ведаем, произошло ли великое событие.

Доктор Форже скончался, проболев несколько дней, как и мой бедный Какино! Его повезут завтра туда, где покоится более 60 солдат 95 полка!

20/8 марта 1856 г.

Бруствера унизаны офицерами и солдатами, и каждый ищет глазами вдали небольшую черную точку, которая однако не появляется на горизонте. Такое тщетное ожидание раздражает нервы в настоящее время более, чем в феврале, так как у нас значительно меньше дела.

Полковник, в постоянной заботе о сохранении морального духа войска, требовал от меня постановки не менее двух театральных представлений в неделю, или даже, если возможно, и три раза; мои актеры-авторы с удовольствием исполняют эту задачу, так как дебюты их пользуются очень большим успехом.

Я расставил по всей зале бочки различной высоты и положил на них доски, чтобы зрители могли сидеть, и пользоваться этим увеселением не уставая. За полчаса до поднятия занавеса начинается спор за места.

Я устроил также маскарад, с таким же большим успехом, как и спектакли. Невозможно представить себе, как наши солдаты сумели воспользоваться флагами всех цветов, любезно предоставленными моряками в мое распоряжение для устройства костюмов. Так как я отвечаю за целость этих флагов, то люди, которым я доверил их, не могли разрезать материю флагов, и должны были только сшивать их, делая оригинальные наряды, которые не всегда можно встретить на провинциальных маскарадах.

Полковая музыка играет самые популярные кадрили, вальсы и польки с замечательным усердием, до 3-х часов утра.

Температура изменяется, ожидают ледохода в тот день и час, когда перестанет дуть северный ветер и термометр поднимется до 15–20° выше нуля. Перемены температуры здесь очень быстры, по причине географического положения полуострова и направления течения Днепра.

26/14 марта 1856 г.

Наконец, третьего дня 24/12-го числа прибыл курьер! Начальник обоза передал мне толстый пакет с письмами и

газетами, и я провел день и часть ночи, прочитывая первые и пробегая последние.

Узнаем, что Императрица подарила Франции юного принца и что конференция, открытая для заключения мира, должна была начаться: но мы не получили никакого официального уведомления об этих интересных новостях, даже и о заключении перемирия, которое между тем истекает 31 числа.

Поэтому полковник не мог произвести 101 выстрела для возвещения великого события всем национальностям Франции, и мы продолжаем аванпостную службу с прежним усердием.

Ледоход Днепра произошел в одинаковых условиях с первым. Ледяные горы нагромоздились на не вполне растаявший старый лед и температура очень заметно смягчилась.

Все радуются, и особенно тому, что эпидемия прекратилась как бы по волшебству. Больных тифом или цингой в госпиталь уже 5 дней как не поступает, а положение находящихся там видимо улучшается.

Полковник продолжает быть милостивым ко мне и еще вчера сказал: «Я часто вами пользуюсь и употребляю под разными соусами. Не стесняйтесь напоминаниями о ваших ранах, если вам трудно. Будьте уверены, что я никогда не приму дурно замечания такого рода. Если я делаю для вас немного, то особенно буду в отчаянии, если окажется что причинил что-либо в ущерб вашим интересам».

Это весьма любезно, и я ему очень благодарен за такие теплые слова, сознавая, что мне трудно будет высказать жалобу. В армии, как во многих впрочем и других положениях, ценят текущую или будущую службу, и весьма редко оказанные заслуги.

Г-жа В… сошлась с моей матушкой в мыслях, прислав мне ленточку Почетного Легиона, освященную в церкви Божией Матери де-Фурвьер в Лионе, подобно моей матушке, освятившей присланную мне ленточку в церкви Сент-Реми в Реймсе.

79

Кинбурн 6 апреля (25 марта) 1856 г.

Прибывший 30/18 марта курьер, наконец, привез нам официальное извещение о перемирии, заключенном до 31/19 числа и о продолжении его до окончательного заключения мира.

Полковник был также уведомлен о рождении Императорского принца. Артиллерия по этому случаю произвела установленные 101 выстрел, а полковые офицеры подписали поздравительный адрес с выражением преданности Императору и его династии.

4-го апреля (23 марта) новый курьер привез нам официальное известие о заключении мира. Полковник сейчас же потребовал меня к себе и предложил отправиться на наши линии, с целью передать в руки полкового командира казаков Лубанинского, сданного мне пакета, в котором находилось извещение о заключении мира.

Позавтракав, я сел на лошадь в $10^1/_2$ часов и отправился в сопровождении артиллерийского трубача и капрала, называвшегося Пуанто, говорившего хорошо по-русски. Капрал вез белый флаг, сделанный из моего платка, привязанного к древку.

Проехав 12 километров, я встретил пост из 4-х казаков, которые увидя меня, вскочили на лошадей и сомкнувшись отступили. Я продолжал путь, по временам останавливаясь для подания сигнала в трубу.

Подвинувшись еще на 3 километра вперед, я увидел эскадрон казаков в боевом порядке и, остановившись в 500 метрах от него, снова приказал трубить.

После трех сигналов, не видя никого из офицеров, выезжающих из эскадрона, я сошел с лошади и пошел вперед один, чтобы показать, что мои намерения не имели ничего враждебного.

Наконец, русский офицер верхом, в сопровождении двух всадников, приблизившись на 50 метров ко мне, слез с лошади и, оставив свиту позади, подошел ко мне. Я хотел позвать моего капрала переводчика, но он сказал: «Это не нужно, я говорю по-французски».

Тогда я просил его провести меня к полковнику князю Лубанинскому, с целью передать ему пакет. Полковник находился в 10–12 километрах дальше.

Офицер предложил мне послать к своему полковнику всадника во всю прыть, чтоб предуведомить его о моем прибытии,

а меня пригласил отдохнуть в лачуге, которую занимал сам.

Подойдя к своим людям, русский офицер сообщил им, что я прислан с пакетом, извещающем о мире.

Тотчас казаки, осенив себя крестом, неистово закричали ура, и выйдя из фронта стали бросать в воздух пики, выражая этим свою радость! Затем они отправились навстречу моим людям и повели их в свой лагерь, предлагая всё то, что по их предположению должно быть им приятно… Это было какое-то неистовство.

Через $1^1/_2$ часа я передал пакет полковнику Лубанинскому.

Получив самый добродушный прием и отзыв обо мне и Кинбурнском гарнизоне, после сердечных пожатий руки, я сел на лошадь и в 5 часов вечера докладывал уже полковнику об исполнении своего поручения.

В тот же вечер, все посты были сняты, и против нас теперь были только друзья!

Известие о мире, было принято с радостью всеми нашими старыми служаками, счастливыми мыслью о скором свидании со своими семьями, и утешавшимися возможностью побрататься со своими добрыми товарищами «les Moscoves» с которыми накануне еще ожесточенно бились.

80

Кинбурн 12/1 апреля 1856 г.

Теперь когда мы находимся в дружественной стране, полковник соизволил разрешить мне, также как в Джиакоби отправиться с 4-мя морскими офицерами на необитаемый небольшой остров, расположенный в 12 километрах от крепости и в 6 километрах от Очаковского берега.

Мы отплыли в $10^1/_2$ часов в морской шлюпке с двенадцатью матросами и квартирмейстером и в полночь пристали к берегу.

Этот остров, длиною не более 1200 метров и шириною 7–8 тысяч метров, возвышается на 20–25 метров над уровнем моря и имеет очень крутые, скалистые берега, заросшие редким кустарником с малорослыми деревьями. Когда мы углубились во внутрь острова приблизительно на 600 метров, то подняли значительное число белых и серых чаек, испускавших пронзительные крики. Они направились к нам целой стаей, точно хотели воспротивиться нашей высадке. Скоро мы были окружены ими и наши матросы стали прогонять их ударами весел, а мы убили большое число их из ружей. Наконец после 20 минут боя, побежденные чайки поднялись стадом и исчезли из виду, а мы оставили остров с их жильем, состоящим из четырех параллельных линий гнезд, расположенных очень правильной фигурой. Две средние линии сближены, между тем как расстояние наружных линий около метра, представляет как бы главные улицы их лагеря. Жилье очень опрятно, но снаружи заполнено остатками всякого рода, особенно рыбьими костями и головами. Гнезда высотою около 40 сантиметров, цилиндрической формы и состоят из переплетенных обрывков камыша и сухих ветвей, с подстилкой из водорослей.

Как только наступит время кладки яиц, офицеры намерены прибыть сюда для сбора их. Они величиной в куриное яйцо и годны для яичницы экипажа судов.

Мы отправились на охоту. Матросы шли в одной линии наравне с нами, занимая всю ширину острова и заграждая его, так, чтоб ни одно животное не ускользнуло от нас.

Мы подняли 18 зайцев и выводок из 14 куропаток и спустя 3 часа на острове не оставалось ни одного зайца и ни одной куропатки!

Едва мы сели в лодку в 4 часа, как увидели чаек, в большом числе возвращающихся в свои места, но уже не предпринимавших на этот раз против нас никаких враждебных действий.

Мы насчитали 15–20 тысяч гнезд, готовых к высидке яиц.

В нескольких метрах от конца лагеря чаек, в низшей части его, мы видели также от 300 до 400 гнезд бакланов, птицы в роде большой черной утки, жирное мясо которой имеет отвратительный вкус.

Наша первая рыбная ловля состоялась вчера вечером от 8 до 11 часов. Поручик Каран подарил нам невод в 150 метров длины, с приделанным в середине его плотным мешком и веревками в 150 метров на каждом краю его. Конец одной из веревок закреплен на берегу. Лодка подвигается перпендикулярно на всю длину веревки, затем идет по течению параллельно берегу, а невод опускают в воду постепенно; затем лодка направляется к берегу с концом другой веревки. Через полчаса 50 или 60 человек тянут за веревку и невод проходя под водою выволакивается на берег. Мы три раза возобновляли такой способ ловли и вытащили 120 кило рыбы.

Кроме того каждый вытягивавший невод, за труды получал особо по рыбе.

Разослав добычу во все офицерские, унтер-офицерские и лазаретные кухни, остатки рыбы мы отдали первым двум ротам 1-го батальона. Завтра и следующие дни будем продолжать это занятие, с тем чтоб все роты последовательно могли получить рыбу, как прибавку к обычной порции. Рыба эта стерлядь, бешенка, щука и кроме того макрель и сельдь и некоторые незнакомые мне породы.

Стерлядь действительно превосходная рыба и похожа на бешенку, но с более нежным мясом.

Рассчитываем, что когда сделаемся более опытными в ловле, каждый вечер будем добывать от 200–300 кило рыбы.

Мой батальонный командир Верн, выдающийся рыболов и проныра, открыл в большом изобилии морских раков, которые появляются вечером во рву бруствера, сообщающегося с морем. Так как они с трудом могут проходить в отверстия шлюзов, то нагромождаются друг на друга и копошатся здесь сжатые в проходе, что дает нам возможность ловить их кофейными мешками, наподобие выгребания зерна черпаками.

Их ловят каждый вечер по заходе солнца, от 30–40 кило и прибавляют к порции рыбы.

Охота и рыбная ловля прекрасно заменяя охрану траншеи, в последнее время являются гораздо приятнейшим занятием.

81

Кинбурн 28/16 апреля 1856 г.

Маршал Пелисье вспомнил о представлениях к ордену Почетного Легиона, сделанных начальниками корпусов, в продолжении кампании и по назначению его от 17 апреля полк получил офицерский крест Почетного Легиона, предоставленный майору Берн, 8 кавалерских крестов для офицеров и 2 для унтер-офицеров и наконец 20 медалей для унтер-офицеров, капралов и солдат.

Это большое поощрение. Все избранные действительно заслужили такую честь и если многие завидуют такой участи, то никто не может критиковать их выбора.

С другой стороны, старший адъютант 2-го батальона Гренье был произведен в капитаны с переводом в Императорскую гвардию и замещен капитаном Кок. Эта перемена поведет другие производства, так что все офицеры в полку возвратятся во Францию, если и не вполне удовлетворенные, то по крайней мере не жалуясь на судьбу.

Мы еще не видели русских офицеров, из которых ближайшие находятся в Очаковской крепости и не могут побывать у нас. Санитарные условия в России может быть еще строже выполняются, чем во Франции и если русские офицеры высадятся в Кинбурне, то должны будут по правилам, выдержать 4 дня карантину.

Мы хотели поехать в Очаков, но нам не позволили высадиться. Полковник Острамов, начальник крепости приехал в катере к нашим лодкам и объяснил огорчение свое по поводу невозможности пожать нам руку. Он отдал всего себя в наше распоряжение, чтоб доставить нам всё то, что может принести удовольствие, предлагая даже купить в Николаеве и Одессе всё, чего нельзя будет найти в окрестностях Очакова.

Мы просили его прислать свежие овощи и особенно редиску и салат.

Спустя четыре дня, прибыли в Кинбурн русские лодки и держались в нескольких метрах от берега, а начальник их передал нам при помощи длинных щипцов, то что мы просили.

Редиска пришла из Одессы и привезена кавалерийскими русскими постами, поставленными по берегу в 20 километрах один от другого.

Наш полковник сделал все необходимые распоряжения, чтоб быть готовым грузить материал, как только придут транспортные

суда, которых еще не видно.

Нам известно, что значительное число парусных и паровых судов, наняты во всех портах Европы и даже Америки, для возвращения в отечество французской армии и её громадных запасов.

Англичане действуют одинаково и кроме того должны отвезти в Италию сардинцев. Им предстоит громадная задача поднять в три месяца, всё что было привезено сюда в продолжении двух лет.

Большая часть лошадей и мулов будут оставлены или проданы по низкой цене жителям Крыма и я не рассчитываю брать с собою своих. Обычное правило, что французские офицеры во время войны вынуждены тратить свои средства, повторяется и теперь, так как особые условия, в которых мы находимся, не дают возможности кому-либо из офицеров сделать хотя небольшие сбережения в белье, обуви, вещах одежды, эполетах и проч., приобретение чего составляет относительно большой расход для офицеров, живущих только жалованьем. Это указывает что большей части из них предстоит уплата такого расхода вперед на многие годы. Три-четыре миллиона франков, вместе с материальною прибылью от войны, были бы большой помощью, но вероятно они пойдут в сбережения.

Мы охотимся, ловим рыбу, — солнце одушевляет наших солдат и у нас нет более никого в госпитале. Таким образом теперь, когда мы почти убеждены в возвращении и ни в чём не имеем недостатка, следовало бы отсрочить отъезд на несколько недель.

Рыбная ловля является более обильной, чем в первые дни и если нам удается поймать, забрасывая в день три раза невод, 100 кило рыбы, то мы недовольны.

Охота также сделалась прибыльнее; все офицеры имеющие ружья с удовольствием отдаются этому приятному развлечению. Нам уже не приходится, как зимой, расплавлять свинец у себя в комнатах и заставлять резать его на мелкие куски, помещая их в вертящиеся, помощью небольшой ветряной мельницы, ящики от пищевых консервов, с целью сделать эти отрезки круглыми. Мы получили дробь из Одессы и Николаева через своих очаковских приятелей.

Бьем много диких уток и гусей, которые живут в солончаковых болотах полуострова, выжидая их за высоким сухим камышом.

Стреляем достаточно зайцев, куропаток, бекасов и дупелей, оделяя своих людей доброй частью этой дичи, а потому у нас нет недостатка в носильщиках, когда отправляемся на охоту.

82

Кинбурн 4 мая (23 апреля) 1856 г.

В воды Днепра вошли 14 парусных и паровых судов, которых достаточно для перевозки всех людей и материала Кинбурнской крепости. Рассчитывают, что потребуется 10–12 дней для нагрузки их.

Мы повезем во Францию 180 орудий, найденных в крепости, при переходе её в наши руки.

Гарнизон будет перевезен на фрегате «Зане», на корвете «Роланд» и на авизо «Мегера». Эти три судна обращены из военных в транспортные, т. е. с них сняты орудия и они снабжены всем для удобной перевозки войск.

Мы уже знаем, что не остановимся в Константинополе, и что по прибытии в Босфор, получим инструкцию для дальнейшего движения.

Рабочие для переноски материала к берегу, делают это с песнями, благодаря чему привезем полк во Францию с здоровыми людьми. К несчастью, мы оставили довольно большое число их, на Херсонской плоскости и в песках полуострова Кинбурна!

12/1 мая 1856 г.

5 мая/24 апреля полковник получил известие, что русский офицер высшего ранга должен явиться для приема Кинбурнской крепости, как представитель Императора Александра, а потому полковник дал мне приказание отправиться верхом для встречи этого офицера.

Проехав три километра, я встретил коляску, запряженную четверкою лошадей, с двумя всадниками впереди и в сопровождении других сзади. В экипаже сидел князь Волкеншейн, командир гвардейских сапер, и его адъютант, капитан генерального штаба Ризенкампф. Эти два офицера очень правильно и бегло говорят по-французски.

По отдании чести полковнику, я предоставил себя в его распоряжение, сопровождая его верхом до крепости.

Полковник Даннер, окруженный несколькими офицерами, ожидал русского полковника во дворе крепости. После обычных взаимных отданий чести и сердечных пожатий руки, наш полковник предупредил русского, что он вполне отдает в его распоряжение меня, для приказаний.

Всё время я сопровождал русского полковника в его визитах высшим офицерам и командирам военных судов. Он

присутствовал со своим адъютантом на наших вечерних рыбных ловлях, и оба не пропускают ни одного театрального представления. Они никак не могут понять, каким образом мы могли найти истинных артистов в наших полках.

Сегодня, князь Лубанинский, казацкий полковой командир первым приехал с визитом к нашему полковнику и офицерам крепости, в сопровождении двух офицеров и группы казаков. Как только они сошли с лошадей, то буквально были подняты на руки нашими солдатами. Если они возвратятся назад сегодня вечером, то успеют хорошо полакомиться, благодаря артельному шинку и общей унтер-офицерской кухне, где найдут, впрочем, более случаев для выпивки, чем для еды.

Наш полковник заставил меня устроить представления на воздухе, чтоб доставить своим гостям небольшое развлечение. Я успел собрать всю обстановку ярмарочных увеселений в Сен-Клу, начиная с шарлатана-хвастуна, продающего свое добро, и вырывающего зубы соломинкою или концом сабли, до паяцев и акробатов включительно. Было многое и сообразно разных вкусов.

Казаки особенно живо интересовались всеми этими сценами, хотя смотря на игру актеров, они не понимали ни одного слова.

Полковник Волкенштейн просил нашего полковника произвести учение взводу гимнастическим шагом, чтобы сравнить методу нашу с русской, и полковник поспешил удовлетворить это желание, причём оказалось, что обе методы почти одинаковы.

В свою очередь, полковник Лубанинский желая показать нам ловкость своих всадников, скомандовал казакам сесть на лошадей, и они начали упражнения, требующие большой сноровки и искусства в исполнении. Между прочим, были положены на землю несколько белых листов бумаги, а на каждый лист по монете, и всадники, построенные рядами один за другим, в 100 метрах от первого листа, по сигналу приближались к ним вскачь и проезжая возле бумаги, спускались на бок лошади, держась лишь на стремени, с поднятой на седле ногой и последовательно поднимали монеты.

Затем казаки снова построились в 100 метрах от бумаги и на этот раз имели ружья на ремнях. На скаку они снимали их, заряжали и стреляли в листы не уменьшая аллюра… Мы подняли листы, которые оказались все простреленными!

Русский полковник совершенно справедливо мог гордиться своими людьми и не в праве был жаловаться на недостаток искренних поздравлений.

Казацкие лошади, по крайней мере те, которые мы видели, небольшого роста, но особенно мускулисты и замечательной

поворотливости. Кажется что они могут выдержать без вреда большое изнурение.

Казацкие всадники любят своих лошадей, заботятся о них и отдают им всё лучшее что могут достать, думая о себе после.

15/3 мая 1856 г.

Офицеры каждого батальона пригласили обедать к себе полковника Волкенштейна и его адъютанта, но 2-й батальон, помещающийся в городе, дал настоящий сельский праздник (fete champêtre) с иллюминацией, при помощи солдатских стаканов, обращенных в лампионы, фейерверком и проч.

Вензеля Императоров Наполеона и Александра красовались в огне, на импровизированном цветнике, перед столовым залом, составленным из тантабри и из парусов, предоставленных моряками. Возле каждого из Императорских вензелей были поставлены на часы с одной стороны два французских гренадера, а с другой два казака.

Скрещенные французские и русские флаги, с полотняными бутонами и с надписью «Франции», «России», «В единение двух наций»! украшали внутренность столовой.

После тостов за Императоров русского и Наполеона веселье дошло до апогея. Шампанское лилось рекою, затем подали кофе, ликеры и пунш, и может быть многие из офицеров имели нужду в руке товарищей, чтоб добраться до своего жилья: но уверяю вас, что это было сердечное и откровенное веселие, и что тосты, провозглашаемые за Россию и Францию, шли из глубины души.

Весь наш материал погружен. Завтра 16/4 с утра, офицеры и солдаты 1-го и 3-го батальонов сядут на фрегат «Зане», 2-й батальон на корвет «Роланд», инженеры и артиллеристы на авизо «Мегера».

Закончил день последним посещением могилы моего славного и несчастного Какино, где встретил много офицеров и солдат, пришедших как и я, отдать последнее прости, тем кого мы оставляем на чужой земле!

Полковник Волкенштейн формально обещал нам заботиться и уважать могилы наших мужественных солдат, наш же добрый духовник Ламарш утром в последний раз благословил место их упокоения.

19 мая 1856 г.

Мы прошли Босфор вчера вечером! Какая удивительная панорама, освещенная огненными лучами заходящего солнца! «Зане» остановился на несколько минут около фрегата «La Belle Poule» чтоб получить приказания. Мы должны направиться к

острову Пуркероль, с целью освидетельствования нашего санитарного положения.

Со времени нахождения на судах, мы получаем каждые два дня, офицеры, солдаты и моряки, в виде порционной прибавки яичницу из яиц чайки, что продолжится до самого Марселя. Морские офицеры отправились на остров, о котором я вам писал и собрали там около 40–50 тысяч яиц, разделив их пропорционально числу людей, между военными судами. Яичница из этих яиц недурна, но она не так нежна и цвет её темнее нежели яичницы из яиц наших прекрасных французских кур.

30/18 мая 1856 г.

29/17-го числа благополучно прибыли к острову Пуркероль и получили приказание отправляться в Марсель, куда мы и прибыли в тот же день, в 11 часов вечера, опять в тот же порт, откуда отправились 16/4 мая 1854 г. в кампанию.

В это утро весь полк вступил на территорию отечества.

Отечество! Франция! Семья! Большое благополучие после такой тяжелой кампании!

Благодарение Богу! Благодарение!

Наконец эта война окончилась!.. В течение восемнадцатимесячного, лицом к лицу, ожесточенного боя, две могущественные в мире армии явились одинаковыми по храбрости и энергии, и дали тысячи доказательств взаимного уважения, причём никогда не являлось ни с той ни с другой стороны ни одного акта жестокосердия или вероломства. Французы и русские, случайные противники, в следствии их естественных симпатий, сделались друзьями!

Будем надеяться, что они встретятся на полях битвы лишь в качестве союзников! Восточная война послужила к оценке взаимного доверия двух наций, и тот день когда рука в руку, они захотят соединиться для защиты общего дела.

Я начал эту войну с энтузиазмом юноши, и она меня может быть несколько состарила, но зато укрепила в моих боевых вкусах, и вероятно я с большим увлечением начну мирную жизнь!

Ах! в бою, есть впечатления и чувства в которых нельзя дать себе отчета, они сжигают сердце и опьяняют душу. Нечто вроде того чувства, которое поддерживает возбуждение игрока, с той разницей, что действия, вызывающие это настроение, вместо унижения человеческого достоинства, поднимают вас в самоуважении.

Милость, которую я испрашиваю у Бога… это не сражаться более против русских!.. о нет, не против русских… с ними, да… и

никогда против них!

notes

Примечания

1

Автор намекает ни императрицу Евгению, испанку, ненавидевшую принца Наполеона.

2

Примечание переводчика. По донесению Пелисье в Париж после дела значится: убитых офицеров 37, взятых в плен 17, убитых и пропавших без вести нижних чинов 1544, и поступивших в тот день после дела на перевязочный пункта: офицеров 96 и 1644 солдат, всего 3338 человек выбывших из строя. (La guerre en Orient pendant 1853–56 par Jules Ladimir. Tome I. Paris 1856 page 213).

3

Русский отряд состоял всего из 8-ми орудийной конной батареи с прикрытием из одного кавалерийского полка, под командою генерала Корфа. Дело происходило 17 сентября. Два орудия спасены поручиком Н. О. Моллером. Д'Алонвиль прибыл в Евпаторию 14 сентября.